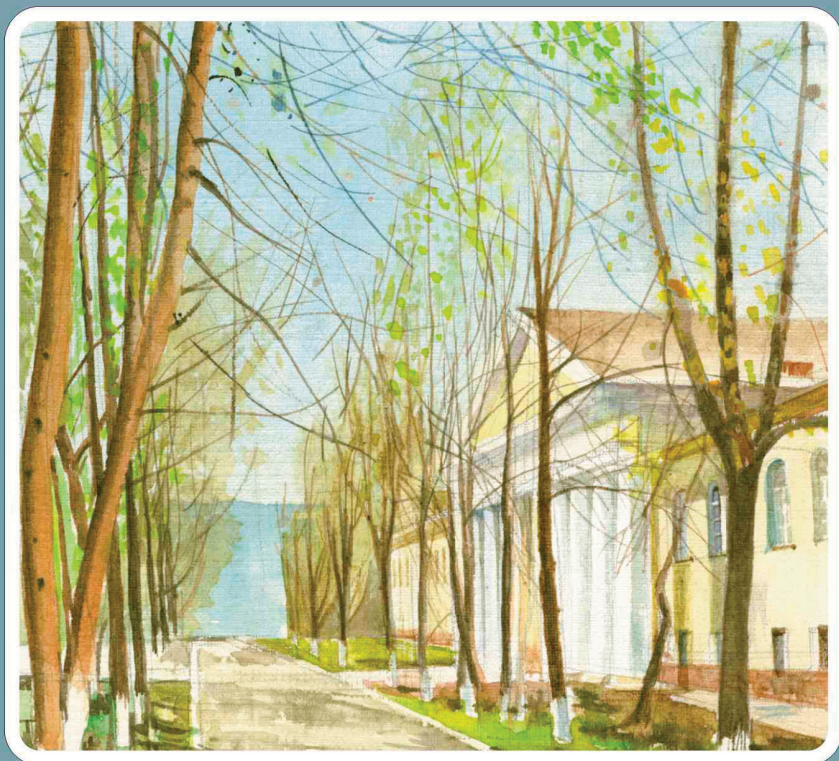

Научный журнал

ISSN 2618-8635

2019

Выпуск 1(3)

Биология
в XXI веке

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ван Кэвэнь, кандидат культурологии, зав. кафедрой русского языка,
директор Центра русского языка (Наньчанский университет, КНР)

Даниела Попович Николитч, доктор филологических наук, профессор кафедры сербской
литературы и сравнительного литературоведения (университет в Нише, Сербия)

Лапаева-Ристовска Наталья, кандидат филологических наук, доцент кафедры слависти-
ки Университета им. святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Ван Минь, доцент кафедры русского языка Шаньдунского женского института
(Цзинань, КНР)

Ху Сюсюэ, кандидат филологических наук, доцент Шаньдунского университета
(Вэйхай, КНР)

Ши Хуншэнь, профессор, директор Центра по изучению России Аньхойского университета
(Хэфэй, КНР)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кондаков Б.В. (гл. ред.), д. филол. н., проф.

Русинова И.И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.

Абашиев В.В., д. филол. н., доц.

Арустамова А.А., д. филол. н., доц.

Баженова Е.А., д. филол. н., доц.

Бакланова И.И., к. филол. н., доц.

Белоусов К.И., д. филол. н., проф.

Боронникова Н.В., к. филол. н., доц.

Бурдина С.В., д. филол. н., проф.

Данилевская Н.В., д. филол. н., доц.

Ерофеева Е.В., д. филол. н., доц.

Ерофеева Т.И., д. филол. н., проф.

Мишланов В.А., д. филол. н., проф.

Подюков И.А., д. филол. н., проф.

Полякова Е.Н., д. филол. н., проф.

Шляхова С.С., д. филол. н., проф.

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail редакции: irusinova@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Социо- и психолингвистические аспекты функционирования языка

<i>Цыгульская Л.Д.</i>	Актуализация значений многозначного слова союз в языковом сознании представителей разных профессиональных групп.....	5
<i>Кыркунова Л.Г., Чжан Хао</i>	Речевой портрет современного преподавателя: опыт сравнительного анализа	11
<i>Яруллин Д. В.</i>	Автоматическое построение профессионального портрета IT-специалиста на основе текстов вакансий	17
Стилистика, текст, дискурс		
<i>Ениколопов С.Н., Мишланов В.А.</i>	Особенности речевой организации текстов, порождаемых людьми с психическими отклонениями (к проблеме автоматического выявления лингвистических маркеров психического неблагополучия)	22
<i>Каджая Л. А., Девяткин Д. А.</i>	Автоматическая идентификация когнитивных операций (на материале одного речевого жанра)	30
<i>Каневская Т.Д.</i>	Фразеологизмы с наименованиями частей тела человека: когнитивный аспект.....	36
<i>Катышев П.А.</i>	Речевое вовлечение в опосредованной коммуникации.....	40
<i>Кузнецова Ю.М.</i>	О существующих подходах в автоматическому анализу текстов в целях психодиагностики.....	46
<i>Салимовский В.А.</i>	О подвижности содержательной организации текста.....	52
<i>Тихомирова Л.С., Черноусова А.С.</i>	Научно-технический рекламный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте.....	58

Современное коммуникативное пространство

Крижановская Е. М.	Содержательные и стилистические особенности политического сообщества «Молодая гвардия. Пермский край» в социальной сети «ВКонтакте»	63
Куличкина Г. В.	Особенности функционирования региональных корпоративных медиа.....	69
Масальцева Т. Н., Головачев А.А.	Взаимодействие современных российских СМИ и государственных структур на примере РБК...	74
Михеева Е.И.	Контент-анализ информационной повестки урбанистически ориентированных городских медиа (на примере интернет-изданий) The Village», «Бумага», «It's My City», «Звезда»)....	78
Пономарев Н.Ф.	Сторителлинг в трансмедийной вселенной	83
Язык и культура		
Бакланова И. И.	Место и роль субъекта речи в диалектном высказывании.....	90
Боброва М. В.	Лексика животного мира в современных прозвищах коми-пермяков: названия рыб	96
Жидких М.Г.	К вопросу о «языке чисел» коми-пермяцких загадок (на примере загадок с числительными öтік (один), кык (два))	102
Зверева Ю. В.	Названия холщовых тканей в русских говорах Пермского края	108
Михайлова А.В., Лобанова А. С.	Языковая модель времени в английском и коми-пермяцком языках	116
Пешина К.С., Денисова Н.А.	Фольклорная традиция исчезнувшей деревни Ратегова	122
Подюков И.А.	Негативные аспекты образа смерти в диалектном лексико-фразеологическом выражении	128
Русинова И.И., Федосеева Е.Л.	Коми-пермяцко-русский словарь названий растений	134
Свалова Е. Н.	Экзистенциальные смыслы прикамских пословиц о конечности человеческой жизни	143

Литература и культура

Князева Е.А., Фирсова А.В.	Инновационный потенциал регионального учебного пособия по литературе 149
Масальцева Т. Н.	Пермская газета «Сибирские стрелки» в 1919 году 155
Михайлов С. С.	Чистильщики обуви в советских и российских художественных фильмах 161
Туманова О. С.	Генезис образа норн в русской лирике XIX–XXI веков 167

Город в фокусе практик: дискурсивное и визуальное

Власова Е. Г.	Люди в городе: автобиографические форматы Урбанистически ориентированных Городских медиа 172
Кабацков А.Н.	«Свои» и «чужие»: модели дискурсивной Идентификации горожан (по материалам пермского культурного проекта) 177
Манокин М.А.	Функции ТОС в городах 182

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'27

Цыгульская Людмила Дмитриевна
магистрант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tsygulskaia-lid@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА СОЮЗ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

*Статья подготовлена по результатам работы, выполненной при поддержке
гранта РНФ 18-78-00049 «Социолингвистическое варьирование
гендерно-обусловленных когнитивных образований»*

Статья посвящена изучению иерархии значений многозначных слов в зависимости от профессиональной принадлежности носителей русского языка. Представлен сравнительный анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с работниками органов ЗАГС, программистами, бухгалтерами и филологами, на примере слова «союз». Полученные данные позволяют выявить различия в актуализации значений многозначного слова, которые демонстрируют влияние специфики профессиональной деятельности на сознание носителей языка.

Ключевые слова: значение, многозначное слово, семантика, языковое сознание, профессиональный лексикон, ассоциативный эксперимент.

В русском языке многие слова могут иметь не одно, а несколько значений. В каждом конкретном контексте актуализируется обычно только одно значение. Многозначное слово имеет как основное значение, так и производные (их количество может варьироваться). Основное значение авторами толковых словарей дается всегда на первом месте, перед значениями производными. Составители толковых словарей стремятся показать структуру значений многозначного слова в виде иерархической системы, однако для отдельных социальных групп общества основным значением многозначного слова вполне может стать одно из его производных значений. Данный факт обусловлен, на наш взгляд, тем, что структура многозначного слова у носителей языка формируется в том числе в зависимости от специфики профессиональной деятельности, поскольку строение языкового сознания закономерно связано со структурой деятельности челове-

ка [Ерофеева 2013; Леонтьев 1975; Мыскин 2015; Низгулов 2015; Песина 2005 и др.]. Профессиональная деятельность человека накладывает ощутимый отпечаток на формирующуюся в его сознании иерархическую систему многозначного слова.

С целью проверки гипотезы о влиянии профессиональной деятельности на иерархическую структуру многозначного слова в его сознании нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие представители 4 профессиональных групп: бухгалтеры, программисты, работники органов ЗАГС и филологи (по 32 человека в каждой группе; всего 128 информантов). Перед информантами стояла задача записать первую пришедшую в голову реакцию, актуализирующую значение многозначных 10 слов-стимулов: *свидетельство, орган, запись, пол, заключение, перемена, регистрация, союз, акт, брак*. Всего была получена 1281 реакция (в 3-х случаях информанты выразили отказ и в 4-х случаях на слово-стимул было дано по 2 реакции).

Рассмотрим структуру значений многозначного слова на примере слова *союз* в соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и полученными от информантов реакциями-ассоциациями.

В толковом словаре [Ожегов, Шведова 1995] представлена следующая иерархическая структура значений слова *союз*:

1. Тесное единение, связь классов, групп, отдельных лиц.
2. Объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей.
3. Государственное объединение.
4. Общественное объединение, организация.
5. Служебное слово, соединяющее предложения и словоформы внутри предложения (грамматич.).

Мы считаем, что иерархия значений многозначного слова, представленная в словаре, не всегда отражает иерархию значений, существующую в сознании носителей языка, поэтому для изучения иерархической структуры значений многозначных слов необходимо применение психолингвистических методов, поскольку они позволяют не только выявить прагматические, эмоциональные и оценочные компоненты значения слова, но и четко описать сигнификативно-денотативный компонент значения, который актуален для носителей языка. Наиболее подходящим психолингвистическим методом для исследования структуры значения многозначного слова, на наш взгляд, является ассоциативный метод: самые частотные ассоциативные реакции входят в ядро значения слова, менее частотные – в среднюю зону, а индивидуальные реакции – в периферию.

Полученные в ассоциативном эксперименте реакции от информантов представлены в табл. 1. Всего от информантов получено 128 реакций

на слово-стимул *союз* (все информанты дали одну реакцию на стимул). Все полученные реакции объединены в группы, показывающие соотношение значений многозначного слова *союз*, актуализированных информантами, со значениями, представленными в толковом словаре.

Таблица 1

Соотношение ассоциаций информантов со словарными значениями слова

союз

Ассоциация на слово <i>союз</i>	Количество реакций ра- ботников органов ЗАГС, абс.	Количес- тво реакций програм- мистов, абс.	Количес- тво реакций бухгалте- ров, абс.	Количес- тво реакций филологов, абс.	Соотношение со значениями словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой
Любящих сердец	1	—	—	—	значение 1 'тесное единение, связь классов, групп, отдельных лиц'
Двух сердец	7	—	—	1	
Двоих	—	—	1	—	
Двух людей	—	—	1	—	
Семейный	6	—	—	—	
Семья	—	—	1	—	
Брачный	2	2	2	1	
Людей	1	—	—	1	
Отношения	1	—	—	—	
Любовь	1	—	—	—	
Любовный	—	—	1	—	
Какой-то группы людей	1	—	—	—	
Наций	—	—	—	1	
Народов	—	—	—	1	
Языков	—	—	—	1	
Актёров	—	—	1	—	значение 2 'объединение, со- глашение для ка- ких-нибудь со- вместных целей'
Команда	—	—	1	—	
Крепкий	—	—	1	—	
Объединение	1	1	3	1	
Объединение граждан	—	—	1	—	
Единство	1	—	—	1	
Договор	—	—	1	—	
Единомышленников	—	—	1	—	
Трёх императоров	—	—	1	—	
Государств	—	—	—	1	
Независимых государств	—	—	—	1	
Евросоюз	—	—	—	1	
Альянс	—	1	—	1	
Взаимодействие	—	—	1	—	
Борьба	1	—	—	—	значение 3 'государственное объединение'
Соединение	—	—	1	—	
Сил	—	—	—	1	
Печать	—	—	1	—	
Республик	1	—	1	—	10
СССР	5	8	3	—	

Советский	–		3		–		2		
Социалистических республик	–		1		1		–		
Советских социалистических республик	–		–		–		1		
Нерушимый / Нерушимых	–		4		2		6		
Нерушимый республик свободных	–		–		–		1		
Мультфильм	1	1	6	7	3	3	–	–	значение 4 'общественное объединение, организация'
Студия	–		1		–		–		
И	–	–	2	2	–	–	1	2	значение 5 'служебное слово, соединяющее предложения и словоформы внутри предложения (грамматич.)'
Дискурсив	–		–		–		1		
Меча и орала	–	2	–	3	–	3	1	7	нет
Орбитальная станция	2		–		–		–		
Космос	–		1		1		1		
Восток	–		1		–		–		
Аполлон	–		1		1		5		
Ракета	–		–		1		–		
Всего	32	32	32	32	32	32	32	32	

Представим количественные данные о реализации значений у информантов всех групп из табл. 1 в виде диаграммы (см. рис. 1), чтобы наглядно изобразить вариативность актуализации значений.

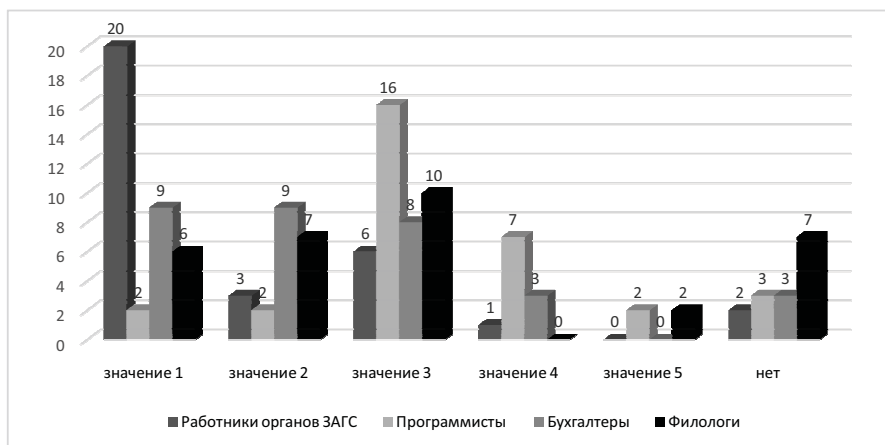

Рисунок 1. Актуализация значений слова союз в сознании носителей языка разных профессиональных групп

Из табл. 1 и рис. 2 видно, что у представителей 4 профессиональных групп актуализировались разные значения слова *союз*. Так, значение 1 оказалось наиболее важным для работников органов ЗАГС (15,6%). Безусловно, это связано с их профессиональной деятельностью, т.к. они проводят торжественные регистрации браков, готовят сценарии и активно используют фразы *союз двух сердец, союз любящих сердец, семейный союз* и т.п. Данное значение, являющееся основным в толковом словаре, актуализировалось у 9 бухгалтеров (7%), 6 филологов (4,7%) и 2 программистов (1,6%). Для бухгалтеров значение 1 и значение 2 отразились у одинакового количества информантов – 9. Стоит отметить, что слово *союз* никак не связано с профессиональной деятельностью данной группы, поэтому у них наиболее частотными оказались два первых значения из толкового словаря.

Интересным оказался тот факт, что значение 3 (*союз как государственное объединение*) чаще всего – 16 раз (12,5%) – встречается в реакциях программистов. Основная часть информантов данной профессиональной группы – молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет, большая часть которых не застала советское время или плохо его помнит. По всей видимости, реакции *СССР, советский, социалистических республик* связаны с частым обращением в последнее время в СМИ, социальных сетях и обществе в целом к советскому периоду, демонстрацией агитационных плакатов, переосмыслением исторического опыта. Значение 4 также чаще актуализировалось именно у программистов. Скорее всего, это тоже связано с обращением в советскому времени и советским мультипликационным фильмам.

Значение 5 (*союз как служебное слово*) актуализировалось в сознании филологов и программистов по 2 раза. Это, на наш взгляд, связано с тем, что обе группы информантов в профессиональной деятельности имеют дело с языками, только одни – с естественными, а другие – с языками программирования.

Кроме того, осталась группа реакций, которые не связаны с описанными в толковом словаре значениями, но имеют отношение к действительности и истории нашей страны – освоению космоса (*Аполлон, космос, Восток, орбитальная станция, ракета*). Большую часть реакций на «космическую» тему дали филологи – 6 (4,7%), по 3 реакции (2,3%) дали программисты и бухгалтеры и 2 реакции (1,6%) дали работники органов ЗАГС. Кроме того, была получена одна индивидуальная реакция от информанта-филолога – *союз меча и орала*, являющаяся прецедентным текстом (названием главы) из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Это, по всей видимости, влияние образования и профессиональной деятельности филолога.

Таким образом, даже на примере одного слова видно, что профессиональная деятельность человека оказывает влияние на актуализацию основного и производных значений многозначного слова, представленных в толковом словаре.

Библиографический список

Ерофеева Е.В. Структура словарной статьи и структура значений многозначного слова в ментальном лексиконе (на примере слова форма) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2013. 1(1). С. 5–21.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Мыскин С.В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 320 с.

Низгулов Т.С. Гибридизация юридических понятий в сознании носителей английского и русского языков: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 20 с.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 325 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995.

L.D. Tsygulskaia

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

ACTUALIZATION OF THE VALUES OF MULTIVALUED WORD “UNION” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE REPRESENT- ATIVES OF DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS

The paper deals with studying the effect of the professional affiliation of native speakers on the hierarchy of multivalent words meanings. A comparative analysis of the results obtained from the associative experiment conducted among employees of the Civil Registry Office, programmers, accountants and philologists is presented, using the word “union” as an example. The obtained data allows to identify differences in the actualization of meanings of a multivalent word, which demonstrate the influence of the profession on the native speakers’s linguistic consciousness

Key words: meaning, multivalued word, semantics, linguistic consciousness, professional lexicon, associative experiment.

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Чжан Хао
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье предпринимается попытка создания речевого портрета российского и китайского преподавателей на основе комплекса вербальных и невербальных компонентов речевого поведения, реализация которых формирует в итоге образ работника педагогической сферы. Кроме того, в статье сопоставляются основные речевые формулы педагогического общения китайских и российских преподавателей, используемые ими в ходе учебных занятий. Авторы делают вывод о сходстве и различиях в речевом портрете современных преподавателей России и Китая.

Ключевые слова: речевой портрет, речевое поведение, вербальные и невербальные компоненты педагогического общения, профессионально-педагогическая деятельность.

Речевой портрет можно рассматривать как реализацию в речи языковой личности человека, то есть представление в речи «многослойного и многокомпонентного набора языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов 2010: 29]. От уровня развития этих способностей, умений и готовности (то есть компетенций) зависит успех дальнейшей профессиональной деятельности преподавателя школы и вуза.

Речевой портрет говорящего является традиционным предметом изучения педагогики, психологии и риторики [Козырев, Черняк 2010: 18–27; Леорда 2006]. Педагогическая риторика предоставляет в наше распоряжение инструментарий для осуществления наблюдений, проведения анализа поведения и речевой деятельности преподавателей в процессе осуществления ими их профессиональной деятельности. Среди элементов, характеризующих речевое поведение, традиционно выделяются вербальные и невербальные компоненты педагогического общения [Ференц 2016]. К вербальным компонентам речи можно отнести ее содержа-

тельные аспекты, точность, логичность речи, правильность, образность и смысловую выразительность.

К невербальным компонентам мы относим использование преподавателем выразительной жестикуляции при объяснении материала, достаточную для восприятия материала громкость голоса, удовлетворяющий слушателей темп речи, использование пауз, дополнение речи эмоционально окрашенным выражением лица, движения преподавателя по аудитории и, наконец, соответствие его внешнего вида ситуации педагогического общения.

Нам показалось интересным сопоставить традиционное речевое поведение китайских преподавателей (и учителей школы) по названным критериям со стандартным речевым поведением российских преподавателей. Наблюдения проводились в ходе прохождения обучения в Китае и России (в ПГНИУ), а также в ходе педагогической практики. Для фиксации наблюдений нами была разработана таблица, в которую вносились пометы, характеризующие речевой портрет отдельных преподавателей (заполнено 12 таблиц). В статье результаты наблюдений приводятся в обобщенной деперсонифицированной форме.

Китайские и российские преподаватели демонстрируют хорошо продуманную, содержательную, точную и логичную, грамматически правильную речь. В целом, у преподавателей, как правило, хорошая дикция. И те и другие говорят в аудитории достаточно громко, чтобы можно было понять и записать материал. При этом российские преподаватели чаще меняют уровень громкости речи, иногда говорят очень тихо (чтобы привлечь внимание слушателей). И те и другие используют в ходе чтения лекций паузы. Однако китайские преподаватели используют паузы, чтобы дать ученикам и студентам возможность обдумать материал, а российские преподаватели – для того чтобы студенты успели записать продиктованный материал.

И те и другие ведут занятия в доброжелательной, спокойной манере. Эмоциональность проявляют в Китае только те преподаватели, которые ведут гуманитарные предметы и им приходится выразительно читать художественные тексты или стихи. Повышенный тон китайский преподаватель использует только во время индивидуальной работы со студентом. Российский преподаватель, независимо от предмета, чаще увлекается рассказом, при этом, как правило, эмоционально возбуждается. Он может сделать замечание (в том числе повышенным тоном), работая с группой студентов, в которой один или несколько студентов, как ему кажется, не выполняют его распоряжений. В результате меняется атмосфера во всей группе.

В то же время вся организация занятия в китайском учебном заведении предполагает более строгую дисциплину и большую степень регламентированности педагогического общения сравнительно с российским вариантом. Так, в учебных заведениях Китая в начале занятия староста обычно произносит: «*Встать!*» (起立), затем преподаватель говорит: «*Здравствуйте, коллеги*» (同学们好). Ученики отвечают: «*Здравствуйте, учитель*» (老师好). В российских школах и вузах обучаемые тоже приветствуют учителя стоя. На старших курсах побудительным мотивом поприветствовать преподавателя стоя может являться желание выразить уважение преподавателю, благодарность за его знания и мастерство. Стандартной речевой формулы для приветствия не существует, российский преподаватель может сказать: «*Здравствуйте, начнем!*», «*Спасибо, садитесь*», «*Я рад(а) вас видеть, начнем работу*».

Работа с учебниками в России и в Китае начинается с команды «*Откройте учебник на ... странице*». (把书翻开到xxx页). Если обучаемые отвлекаются, преподаватель в Китае подает команду «*Слушать внимательно!*» (注意听) или вызывает нарушителя к доске. Делается это с воспитательной целью, для напоминания о правилах поведения. Палитра педагогических приемов российских преподавателей в общении с нарушителями дисциплины намного шире: воздействие начинается с длинной паузы, привлекающей внимание. Кроме того, российский преподаватель может использовать пристальный взгляд, изменение громкости голоса, может постучать по столу или по доске, привлекая внимание всех учеников. Только после этого он переходит к персональным замечаниям в адрес конкретных обучаемых. Вызов к доске расценивается как сильнодействующее дисциплинарное средство.

Привлечение внимания к важному материалу занятия осуществляется китайскими преподавателями с помощью команд: «*Слушайте внимательно!*» (注意听), далее следует объяснение в медленном темпе; «*Смотрите внимательно!*» (注意看), «*Смотрите на доску!*» (看黑板). Если этого недостаточно для привлечения внимания слушателей, китайский преподаватель может постучать по доске длинной линейкой. Обычно в китайских вузах и школах студенты (школьники) сами определяют, записывать ли им материал. Но если содержание важно, преподаватель после нескольких слов делает паузы. Иногда он говорит: «*Пишите!*» (写下来). Российский преподаватель использует подобные фразы, но с различной степенью императивности: «*Ребята, будьте внимательны!*», «*Дальше слушайте очень внимательно, это важно!*», «*Посмотрите все на доску!*», «*Давайте посмотрим: на доске (на слайде) сейчас появится очень важная информация!*» После диктовки переспрашивает: «*Все успели запи-*

ать?», «Повторить еще раз?». Иногда сам подчеркивает: «Повторяю определение... Проверьте, правильно ли вы записали».

Приглашение к доске осуществляется в вузах России и Китая совершенно одинаково: сначала формулируется задача или вопрос, а затем студента (по имени) вызывают отвечать. Переключение внимания на экран проектора в Китае осуществляется посредством прямого приказа «*смотрите на экран*» (看屏幕) или указанием на экран длинной линейкой (лазерным лучом). Российский преподаватель говорит в подобной ситуации: «*Ребята, обратите внимание на следующий слайд*», «*Давайте посмотрим внимательно!*», «*На следующем слайде показано, ...*».

Организация интерактивного обсуждения материала в китайской аудитории сопровождается командами «*Коллеги, подумайте*» (大家想一想), «*Коллеги, пока обсудите группами*» (现在大家小组讨论一下), обычно обсуждение как метод используется только на занятиях английского языка и филологии. Выполнение самостоятельной работы регулируется командами «*Выполните эти упражнения*» (把这几道题写完), «*посмотрите эти упражнения*» (看一下这几道题). Окончание самостоятельной работы знаменуется командой «*Хорошо!*» (好了) или хлопком в ладоши, это привлекает внимание студентов. Преподаватель может сказать: «*Хорошо, больше не пишем*» (好了,不写了), «*Последний собирает*» (最后一个收一下). Российские преподаватели в этих ситуациях демонстрируют более разнообразный педагогический репертуар: «*Ребята, давайте обсудим*», «*Студенты, подумайте*», «*Предлагаю обсудить проблемный вопрос*», «*Обсудите и выработайте (сформулируйте) в группе правильный ответ*». Выполнение самостоятельной работы организуется с помощью фраз: «*Открываем учебник на стр. ..., выполняем упражнение..., работаем самостоятельно..., работаем на оценку...*». Окончание самостоятельной работы отмечается командой: «*Закончили, сдаем работы*». Школьный учитель иногда говорит: «*Ребята, дописываем предложение до точки и сдаем*».

В конце занятия китайский преподаватель (обычно это учитель начальной школы) спрашивает: «*Есть вопросы?*» (有问题吗?). В средних классах, где учатся обычно по 50 человек, такой вопрос учитель задает редко. Если ученику что-либо непонятно, он сам активно спрашивает учителя. Задача преподавателя провести урок, на котором обычно нет времени на длительные дополнительные объяснения. Примечательно, что в китайских вузах не принято интересоваться у обучаемых, понятно ли задание, решение, критерии оценок. Преподаватели в Китае работают по утвержденным типовым учебникам, в которых формулировки заданий и решения отшлифованы. В российских вузах преподаватели работают с раз-

нообразными учебниками и пособиями, что требует постоянного комментирования и различных пояснений.

Завершается работа на занятии в китайском вузе командой «Урок окончен» (下课). Свободное время в конце занятия (что бывает редко) преподаватель в Китае использует для прояснения трудных вопросов, которые рассматривались в лекции, для беседы со студентами. Российские преподаватели это время используют по-разному: некоторые просят задать им вопросы и отвечают на них, другие отмечают посещаемость и собирают аппаратуру.

Невербальные компоненты, сопровождающие речевой портрет российского и китайского преподавателей раскрывают большую степень отличий. Так, российские преподаватели (а это, по большей части, женщины) придерживаются делового или демократического стиля в одежде, что продиктовано условиями педагогического общения. В России не принято появляться на работе в национальной, религиозной, спортивной или иной специфической одежде. В Китае же (где среди преподавателей, особенно в области точных наук, достаточно много мужчин) не запрещено появляться на работе в национальном или спортивном костюме (по особым причинам). Но деловой костюм, разумеется, приветствуется повсеместно.

В классе или аудитории китайские преподаватели обычно стоят у доски всё занятие, преподаватели гуманитарных предметов могут ходить по аудитории и рассказывать что-либо. Преподаватели точных и естественных наук все время находятся у доски, на которой они ведут записи. В России (это бросается в глаза) преподаватели, даже очень молодые, постоянно сидят за столом, а между ними и слушателями находится ноутбук.

Китайские преподаватели вузов любят пошутить со студентами. Улыбаться принято только во время работы с малышами или со студентами вуза. Со школьниками средней и старшей ступени преподаватель ведет себя очень строго. Определенный тактильный контакт (похлопать по плечу, потрепать по волосам) допускается только по отношению к самым маленьким ученикам школы.

Российские преподаватели со студентами шутят редко, в школе так же, как в Китае, мягче относятся к малышам (могут погладить по голове, прошептать что-то на ухо). В общении с учениками среднего и старшего звена они чувствуют себя свободно, могут посмеяться, пошутить. Это определяется атмосферой в классе и характером отношений между учениками и учителем.

Таким образом, речевое поведение китайского преподавателя обусловлено степенью эмоциональности материала в рамках того или иного предмета и возрастными особенностями обучаемых. Российские преподаватели тоже соотносят свое речевое поведение с возрастными особенно-

стями обучаемых, но более гибко реагируют на внутриклассную или внутригрупповую атмосферу. Характер преподаваемого предмета в меньшей степени влияет на эмоциональность изложения материала. Российского преподавателя больше увлекает логика изложения, разнообразные мыслительные операции, которые он использует сам и которым обучает студентов.

Библиографический список

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Образование XXI века: модель новой школы: сб. науч.-методич. статей / под ред А.И. Дунева. СПб.: Сага, 2010. С.18–27.

Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : диссертация ... кандидат. филол. наук. Саратов, 2006. 161 с.

Ференц А.Ю. Информационно-методический бюллетень «Вербальные и невербальные средства коммуникации», 2016. 27 с. // Всероссийский электронный журнал «Альманах педагога». URL: <https://almanahpedagoga.ru/servisy/zhurnal/index> (дата обращения 16.04.2019).

Larisa G. Kyrkunova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics department
Perm State University

Zhang Hao

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

SPEECH PORTRAIT OF THE MODERN TEACHER: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article attempts to create a speech portrait of Russian and Chinese teachers on the basis of a set of verbal and nonverbal components of speech behavior, the implementation of which forms the image of pedagogical worker. Additionally, there are comparison of the basic pedagogical communication speech formulas of Chinese and Russian teachers used by them during training sessions. The authors conclude that there are similarities and differences in the speech portrait of modern teachers in Russia and China.

Key words: speech portrait, speech behavior, verbal and nonverbal components of pedagogical communication, professional and pedagogical activity.

Яруллин Денис Владимирович
преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОРТРЕТА IT-СПЕЦИАЛИСТА НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ВАКАНСИЙ

В работе предлагается возможный подход к автоматическому построению профессионального портрета специалиста в области информационных технологий на основе данных вакансий, опубликованных на сервисах-агрегаторах. Указывается на стереотипный характер представлений о профессиональных компетенциях специалиста и их региональное варьирование. Описывается основной алгоритм извлечения данных из текстов вакансий и их структуризации при помощи денотатного графа. Приводится результат анализа полученных данных, подтверждается гипотеза о региональных особенностях в описании востребованных качеств IT-специалиста. Описываются дальнейшие перспективы развития представленного подхода в рамках социолингвистических исследований.

Ключевые слова: вербальная модель, денотат, денотатный граф, модель предметной области.

В настоящее время в коммуникативном пространстве существует ряд социальных стереотипов, напрямую связанных с той или иной профессиональной деятельностью [Ермолаева 2008; Собкин, Мкртычян 2010, Мотина 2018; Корягина и др. 2018]. Данные стереотипы создают в массовом сознании образ представителя определенной профессии и включают в себя как личностные, так и профессиональные качества, приписываемые работникам определенной сферы. Допустимо предположить, что в той или иной степени данным социальным стереотипам подвержены и работодатели, что должно находить свое отражение в том числе и в требованиях, предъявляемых к соискателям на какую-либо должность. Воплощением данных представлений оказываются тексты вакансий, публикуемые в открытом доступе.

При этом свою роль в формировании стереотипного представления о специалисте в определенной сфере играет также и экономическое состояние – как выбранной отрасли, так и региона в целом. В связи с чем мы предполагаем, что совокупность социо-экономических факторов оказывает существенное влияние на региональное варьирование профессионального портрета специалиста.

В настоящем исследовании под профессиональным портретом специалиста мы будем понимать в первую очередь вербальное описание ожидаемого набора знаний, умений и навыков и не ставим своей целью описание «имиджа» той или иной профессии. Данный выбор обусловлен тем, что для работодателя именно профессиональные компетенции являются главной составляющей образа специалиста. Извлекая из текстов вакансий вербальные маркеры тех или иных знаний, умений и навыков, можно построить иерархически структурированный вербальный портрет специалиста, отражающий региональное видение профессионала в данной отрасли.

Источником текстов для нас послужили вакансии разработчиков программного обеспечения и программистов. Мы обратили внимание на отрасль информационных технологий, поскольку развитие IT-отрасли и подготовка высококвалифицированных кадров является одним из приоритетных направлений в экономике Российской Федерации (см. Национальную программу «Цифровая экономика»). Но в настоящее время спрос на квалифицированных специалистов в значительной мере превышает предложение. Согласно исследованию «Образование в цифрах», проведенному Высшей школой экономики, более 40 тысяч выпускников ежегодно получает диплом по специальностям, связанным с информационными технологиями, но в отрасли сохраняется ситуация «кадрового голода». Данное положение дел связано, вероятнее всего, с несоответствием у выпускников вузов и работодателей представлений о профессиональных качествах IT-специалиста.

Базовым элементом предлагаемого нами вербального портрета стал «навык» – фрагмент информации в рамках предметной области, владение которым позволяет решать определенные профессиональные задачи. В качестве примеров для выбранной нами отрасли мы можем привести языки программирования (*Python, Java, C++*), отдельные библиотеки и фреймворки (*Pandas, Angular JS*), технологии и протоколы (*UDP, контейнерная виртуализация*), операционные системы (*Linux, macOS*), прикладные приложения (*Adobe Photoshop*). Ряд личностных качеств, напрямую связанных с выполнением профессиональных обязанностей, также понимается нами как набор «навыков» (в частности, *логическое мышление, ответственность, управление командой, высокая самоорганизация* и др.).

При этом важно, что каждый навык рассматривается в контексте иерархической модели предметной области: так, навык “React” будет являться подклассом “JavaScript”, а сам “JavaScript”, в свою очередь, войдет в более широкий класс «Языки программирования». Данный подход позволяет устанавливать вертикальные и горизонтальные связи между раз-

личными навыками, что и позволяет в конечном итоге выстроить целостный портрет IT-специалиста.

Для получения упрощенной модели предметной области в рамках пилотного исследования мы воспользовались методом автоматического построения денотатного графа гипертекста [Курушин и др. 2018], основанного на теории А.И. Новикова [Новиков 1983: 131]: базовая иерархия понятий (денотатов) предметной области выстраивалась на основе гиперссылок в текстах статей «Википедии», после чего осуществлялась доработка модели вручную.

В качестве основного источника данных мы используем тексты трех сайтов – агрегаторов вакансий: «HH.ru», «Мой круг», «Яндекс.Работа».

Опишем процесс построения портрета, основанного на вакансиях программистов и разработчиков ПО, опубликованных на агрегаторе «HH.ru». При помощи [HeadHunter API] мы получили список кодов регионов, полные тексты вакансий, а также метаданные агрегатора. Используя библиотеку для обработки естественного языка [PyMystem] для лемматизации, мы извлекали из текстов вакансий навыки. Поиск навыков в тексте осуществлялся на основе тезауруса, сформированного при помощи полученной ранее модели предметной области. Также для формирования списка использовалась метаданная из поля «ключевые навыки», если она была указана.

Полученные списки были подвергнуты частотному анализу и упорядочены в формате «ключ–значение».

По каждому региону был сформирован наиболее востребованных навыков для программистов и разработчиков. Наиболее востребованные (т.е. наиболее частотные) навыки по регионам были визуализированы на интерактивной карте, что позволило наглядно увидеть различия в навыках, которые требуются соискателям-программистам в различных субъектах РФ.

Например, в Пермском крае, опираясь на 386 проанализированных вакансий, профессиональный портрет разработчика включает в себя такие навыки, как *JavaScript* (106 вакансий), *CSS* (79), *.NET Framework* (61), *MS SQL* (58), *API* (52), *Git* (50), *SQL* (43), *ООП* (36), *PHP* (34), *HTML* (31).

В Санкт-Петербурге доступных вакансий на порядок больше (2841), но список востребованных навыков во многом совпадает, хотя, безусловно, видимы и существенные различия: *JavaScript* (302 вакансии), *Git* (223), *Java* (162), *CSS* (148), *HTML* (140), *PHP* (136), *MySQL* (125), *C#* (124), *ООП* (124), *SQL* (113).

При этом в Ханты-Мансийском автономном округе профессиональный образ IT-специалиста описывается совершенно иными понятиями: «1С программирование», «1С: Бухгалтерия», «1С: Зарплата и управление

персоналом», «MCU», «Язык С», «RTOS», «ZigBee», «Z-Wave». Уже на примере всего лишь трех регионов мы можем отметить, что наше предположение о региональном варьировании профессионального образа IT-специалиста находит свое подтверждение в текстах вакансий.

Данные навыков по каждому региону легли в основу иерархической модели, дополненной на основе знаний о предметной области. Все связи на данном этапе ограничены отношениями «класс–подкласс». Фрагмент итоговой структуры приведен на рис. 1:

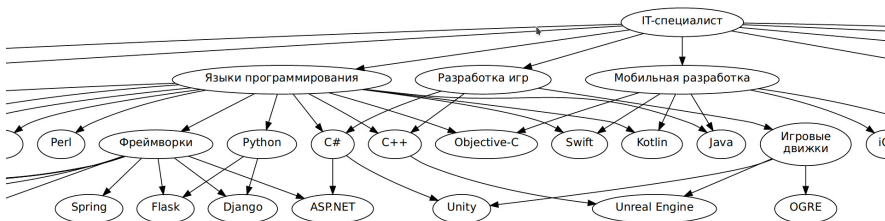

Рис. 1. Фрагмент иерархической структуры.

Нам удалось построить упрощенный вербальный портрет программиста, используя данные из текстов вакансий, опубликованных на сайтах-агрегаторах, и знания о предметной области, извлеченные из веб-энциклопедий.

Следующим шагом в развитии нашей работы станет, очевидно, усложнение иерархии отношений внутри модели для выявления более комплексных закономерностей. Также перспективным нам видится использование полученной модели для генерации текстов вакансий на основе ограниченного набора начальных навыков: используя иерархическую структуру модели, можно восстановить весь набор необходимых соискателю знаний, умений и навыков.

Наконец, немаловажным будет включение в вербальную модель результатов социолингвистических исследований, описывающих представления жителей регионов о личных и профессиональных качествах специалиста в определенной отрасли.

Библиографический список

Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН, 2008. Том 1. 347 с.

Корягина И.И., Маралов В.Г., Ситаров В.А. Сравнительная характеристика позиций взаимодействия у студентов-медиков и студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 79–104.

Курушин Д.С., Леонов Е.Р., Соболева О.В. О возможном подходе к автоматическому построению денотатного графа гипертекста // Информационная структура текста. Сб.статей / РАН. ИНИОН. М., 2018. С. 113–118.

Мотина А.В. Стереотипизированный образ профессии учителя в сознании студенческой молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2018. № 6–2. С. 334–338.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 214 с.

Собкин В.С., Мкртычан А.А. Профессии в контексте социальных стереотипов: мнение студентов-психологов // Социология образования. Труды по социологии образования. М., 2010. С. 31–49.

HeadHunter API: документация и библиотеки. URL: <https://github.com/hhru/api> (дата обращения: 30.04.2019).

PyMystem3. URL: <https://pypi.org/project/pymystem3/> (дата обращения: 30.04.2019).

D.V. Yarullin

Teacher of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

AUTOMATED CREATION OF THE PROFESSIONAL PORTRAIT OF AN IT SPECIALIST BASED ON VACANCIES TEXTS

The article focuses on a possible approach to automated creation of the professional portrait of an IT specialist based on vacancies texts published on job aggregators. Stereotypical nature of a specialist's professional competencies image is pointed out. The author also states that the region's extralinguistic factors influence the image. The hypothesis of the regional variants of the portrait of a specialist is given. The core data extraction algorithm is described. The algorithm uses vacancies texts as data sources and structures extracted entities via denotation graph. Received data are analyzed and the regional variants hypothesis is proven. Further steps which include sociolinguistic research are considered.

Key words: verbal model, denotatum, denotation graph, domain model.

СТИЛИСТИКА, ТЕКСТ, ДИСКУРС

УДК 81'38:159.97

Еникиолопов Сергей Николаевич

заведующий отделом медицинской психологии, здоровья

Научный центр психического здоровья РАН

enikolopov@mail.ru

Мишланов Валерий Александрович

профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

vmishlanov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ, ПОРОЖДАЕМЫХ ЛЮДЬМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ (к проблеме автоматического выявления лингвистических маркеров психического неблагополучия)

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-29-02305 офи_м
«Разработка методов анализа текстов, порождаемых в ситуации
психологического неблагополучия и психического нездоровья»)*

Статья посвящена анализу письменных текстов, ориентированному на разработку алгоритмов диагностики психических отклонений. Сделан краткий обзор исследований с участием психологов, лингвистов и специалистов по ИТ. С учетом прагматических задач предлагается сосредоточить внимание на обнаружении таких лингвистических рефлексов психических отклонений говорящего, которые имеют формальное выражение. Представлены некоторые результаты анализа речевых признаков психических отклонений, квалифицируемых в психиатрии как «разорванная речь», «атаксия» «соскальзывание».

Ключевые слова: речевые рефлексы психических отклонений, синтаксис, грамматика текста, автоматический анализ.

В работах классиков психиатрии интерес к тексту как носителю информации о его авторе был связан прежде всего с возможностями применения анализа текста при решении задач диагностики. На рубеже XIX – XX веков психиатрами и психологами начинают использоваться такие образные описания речи больных, как «разорванная речь», «атаксия речи», «соскальзывание речи», «бессвязность речи» и др. В XX в. эта проблематика привлекла внимание лингвистов, которые могли описать особенно

сти речи психически больных в более строгой системе лингвистических понятий и методов.

В последние годы акцент в исследованиях текстов психически больных людей смещается с вопросов дифференциальной диагностики в условиях психиатрического стационара к проблеме выявления речевых (тестовых) признаков, способных служить указателями на группы/ситуации повышенного риска развития психического неблагополучия, возникновения психологических проблем на популяционном уровне. В настоящей работе анализ текстов больных будет вестись именно с этих позиций.

Для разработки алгоритмов автоматического анализа текста были собраны тексты здоровых людей и людей с психиатрическим диагнозом. На первом этапе лингвистическому анализу «в ручном режиме» были подвергнуты тексты больных.

В зарубежной и отечественной научной литературе описан широкий набор текстовых признаков психического нездоровья. Одним из результатов изысканий в этой области явилось осознание необходимости создания словарей аффективной, депрессивной, суицидальной и проч. лексики и статистического описания текстовых данных с применением различных методов математической обработки текстов.

Математические приемы анализа патологических текстов были предложены В.Э. Пашковским, В.Р. Пиотровской и Р.Г. Пиотровским. Авторы показали эффективность применения при проведении лингвистической диагностики психических расстройств (шизофрении) таких статистических методов, как коэффициент Ципфа, коэффициент лексической упорядоченности текста Хердана, спектральное распределение Хайтун-Тулдавы и др. [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский 2009].

По мнению Б.Е. Микиртумова, методологической базой установления смысла и значения психопатологической лексики, выявления наиболее общих закономерностей, регулирующих употребление слов субъектом патологии, должна стать клиническая семантика психопатологии («психиатрическая семиология» и «семантика психопатологии») [Микиртумов 2004; Микиртумов, Ильичев 2007]. Н.А. Додонова, анализируя лексико-семантические и морфологические характеристики речи больных неврозами, отметила в их текстах показатели более высокого, чем у здоровых, уровня выраженности состояний тревоги, депрессии, агрессии, более частое употребление местоимения 1-го л. и более низкие показатели предметности и связности речи [Додонова 1989].

Группа исследователей под руководством А.А. Кибрика провела сопоставление дискурсивной структуры двух классов устных рассказов, принадлежащих здоровым детям и детям с невротическими расстройствами, что позволило выявить статистически достоверные различия в струк-

туре рассказов. Так, было замечено, что объем элементарных дискурсивных единиц у детей с невротизмом приблизительно в 2 раза больше, чем у здоровых детей. Отличается также глубина дискурсивного дерева и частотность некоторых дискурсивных отношений [Корпусное исследование 2009].

Самой известной на настоящий момент компьютерной программой, позволяющей оценивать эмоциональное состояние автора письменного текста, является разработанная J.W. Pennebaker программа Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC). Создана уже третья версия программы – LIWC2015, ориентированная, в частности, на обнаружение признаков депрессивности [Pennebaker, Campbell 2000]. Возглавляемая J.W. Pennebaker группа активно разрабатывает средства лексического анализа интернет-сообщений, в том числе с целью идентификации агрессивных интенций [Chung, Pennebaker 2012].

Для диагностики депрессивных состояний пользователей социальных сетей предлагается измерять показатели сетевой активности, а также собственно лингвистические особенности речевой деятельности в сети, отражающие уровень депрессивности автора [Choudhury, M.D, Gamon и др. 2013; Choudhury, Counts, Horvitz 2013].

Компьютерная система смыслового анализа текстов для изучения лексико-семантических характеристик речи детей и подростков с невротическими расстройствами была разработана в Московском специализированном центре новых информационных технологий на базе Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Сущность методики заключается в выделении в тексте слов, являющихся его основным семантическим и/или стилистическим детерминантом [Корабельникова и др. 1999].

Активизируются исследования, направленные на выявление языковых примет суицидального поведения [Загоровская и др. 2015]. С помощью сервиса [http://audit.te-st.ru/ tests/readability/](http://audit.te-st.ru/tests/readability/), а также программного обеспечения Novel Score получены данные о корреляционных связях между склонностью к аутоагрессивному поведению целым рядом текстовых параметров.

Вероятно, для решения задач автоматической психодиагностики на первых этапах достаточно просто зафиксировать корреляции между текстовыми признаками и возможным психическим отклонением автора текста («по умолчанию» интерпретируя их как причинно-следственные). Но если предположить, что *речевая системность* [Кожина 2014], характерная для текстов того или иного жанра, будет определенным образом разрушена в ходе порождения аналогичного текста в ситуации психического неблагополучия, то не будет ли целесообразным, с точки зрения оптимизации разрабатываемой модели анализа, от простой констатации статисти-

ческих зависимостей перейти к выявлению закономерностей порождения паталогической речи на уровне речевой системности?

С этой целью необходимо, на наш взгляд, не просто расширить набор текстовых маркеров, определяющих своеобразие речи человека с психическими расстройствами, а подвергнуть анализу явления всех языковых уровней: лексико-семантических, морфологических, синтаксических (в том числе явлений синтаксиса текста), стилистических, риторических, композиционных. Это позволит оптимизировать модель анализа и повысить ее диагностический потенциал.

Исследуемый корпус текстов был собран клиническими психологами Научного центра психического здоровья РАН. Больных, находящихся в стационаре центра, просили написать эссе на тему «Я, другие, мир» (объем – 1 стр.). Собрано 27 текстов, написанных больными с диагнозом «шизофрения», и 47 текстов больных с диагнозом «депрессия».

Учитывая прагматические задачи исследования, мы должны сосредоточиться на выявлении и статистическом анализе таких лингвистических рефлексов психических отклонений говорящего, которые имеют формальное текстовое выражение, реализованное в лексике и в поверхностно-синтаксической (линейной) структуре письменного текста. Некоторые из таких эксплицитных признаков выявляются сравнительно легко, для фиксации других, по-видимому, потребуется разработка более сложных алгоритмов.

К числу первых следует отнести, очевидно, ряд тематических групп слов – «морбуальную» лексику, метафоры барьера, замкнутого пространства и т.п., которые сами по себе, но в особенности в сочетании с гипертрофией «Я-темы», могут свидетельствовать о психическом заболевании. Не возникнет проблем и с автоматическим выявлением синтаксического однообразия текста (упрощенно-монотонный синтаксис повествования или рассуждения, «энтропия» сирконстантов и детерминантов и др.).

В то же время создание алгоритмов фиксации таких речевых признаков психического заболевания, как «разорванная речь», «синтаксическое и смысловое соскальзывание», «резонерство», может столкнуться с определенными трудностями. Полагаем поэтому необходимым, учитывая ограниченные рамки статьи, сосредоточить внимание именно на таких лингвистических маркерах психического неблагополучия.

Для ответа на вопрос о том, какие текстовые признаки соответствуют обозначенным выше психиатрическим квалификациям, естественно обратиться к давно разработанным (в рамках различных лингвистических концепций) базовым понятиям синтаксиса текста: *формальной связности* и *смысловой целостности*. Эти универсальные свойства текста явились закономерным результатом развития мышления-речи, а потому в целом

едины в разных языках, и их разрушение в конкретном тексте является либо намеренным, заданным стилистическими и художественными целями, либо произвольным, обусловленным в том числе какими-то отклонениями от психической нормы.

Определим *разорванность* (*бессвязность*) *речи* как отсутствие в ней обязательных для нормального текста средств формальной связности (анафорических связей, характерных для «тема-рематической прогрессии» повествования и/или рассуждения и «рематических ожерелий» текста-описания). Под *соскальзыванием* условимся здесь понимать два различных явления: 1) объединение в рамках автономного высказывания компонентов разных структурных моделей (стоит подчеркнуть, что синтаксическое соскальзывание как рефлекс нарушения мышления может быть выявлен лишь в письменном тексте, но не в спонтанной устной речи, где такого рода синтаксические явления совершенно обычны) и 2) нарушение смысловой целостности (тематическое соскальзывание), возникающее при внешне не мотивированном переходе к новой теме.

К числу наиболее существенных (с точки зрения задач автоматического анализа) текстовых признаков «разорванности» следует отнести:

- отсутствие эксплицитной связи начального предложения с темой эссе: инициальное предложение не содержит номинаций, прямо связанных с заданной темой, развивая, возможно, имплицитную ассоциативную цепь рассуждений на заданную тему (ср. начало эссе одного из больных шизофренией: *Свобода дорого стоит. // Рушатся связи между людьми, и каждый, как может, пытается их вернуть*;

- нарушение формальной связности (отсутствие анафоров, в том числе простых лексических повторов), при возможном сохранении смысловой целостности – с учетом имплицитных компонентов содержания; ср.: *Мой мир это музыка, литература, путешествие. // (в презумпции: Мне нравятся произведения А.П. Чехова) Чехов А.П меня радует*;

- отрыв анафоров от антецедентов *Мной движет желание секса. Мне нужно понять, кто «я»? Оно во мне живет и питается моей энергией; Мой мир, такой как я вижу окружающих. Это такая ловушка. Он не может быть только им.*

«Разорванность» внутрифразового синтаксиса (синтаксические сбои внутри предложения) обнаруживается по отсутствию компонентов, реализующих обязательные валентности предиката. Как неграмматичные должны идентифицироваться и такие компоненты предложения, которые нарушают нормы лексической сочетаемости (т.е. выражения с ними не входят в имеющиеся массивы «нормальных» сочетаний слов русского языка).

Синтаксическое *соскальзывание* проиллюстрируем следующим примером из эссе больного шизофренией (синтаксический сбой здесь с рас-

становкой запятых не связан): *То, что он мир не совершенен после грехопадения Адама, изменилась человеческая природа, изменился космос...* В этом предложении неполная номинализация ([*тот факт*], что мир не совершенен) входит в линейную структуру предложения с автономной (самодостаточной) предикативной единицей, которая синтаксически со структурой первой части не связана. Ср. еще: *И соответственно то, что с моей стороны, // по окончании лечения, выздоровлю и считаю необходимым приводить людей к вере*, где относительное придаточное (синтаксема в форме им./вин. п.) не может входить в структуру со сказуемым в форме 1-го л. (*выздоровлю*). Для устной речи такая структура не является чем-то необычным: она может быть квалифицирована как разговорная конструкция с топиком (= «Что касается меня, то по окончании лечения, если я выздоровею...»).

С точки зрения диагностических задач к релевантным текстовым признакам должна быть причислена относительно высокая частотность парцеллятов. Это явление речи может быть осмыслено и как вид присоединения [Ванников 1969: 22], и как синтаксическая единица, которая «организована полярно противоположным образом – не присоединением, а расчленением, разъединением» [Ринберг 1987: 39]. Хотя для спонтанной устной речи парцелляция должна расцениваться как обычное явление (как порождение «вдогонку» [Мишланов 1996: 48]), все же для письменного текста психически нормального человека немотивированная парцелляция «подозрительна». Полагаем поэтому, что различия между эмфатической (коммуникативно заданной) парцелляцией и немотивированным расчленением должны быть сняты, а операциональными признаками следует считать отсутствие предикативной основы (сказуемого) в линейной структуре от прописной буквы до точки или до гипотактического показателя и некоторые др. (Вот примеры из эссе больных шизофренией и депрессией: *Это хорошая работа. В смысле, что я за нее получаю деньги; Или сделаю в одной из них дверь, чтобы я смогла выйти или чтобы, наоборот, пригласить кого-то внутрь. Когда мир и люди перестанут меня ужасать. Когда я стану сильной; Я потеряла равновесие и попала в свой ад. Шесть недель. Ровно столько потребовалось, чтобы воскресить меня, вернуть на лезвие баланса между двумя началами. Но это уже была новая. Другая «Я»*).

Как весьма важное в аспекте речевой системности свойство текста отметим то, что можно назвать «разорванным таксисом», проявляющимся в рассогласовании временных форм сказуемых и в относительно низкой для нарративного текста частотности таксисных конструкций, в том числе деепричастных оборотов (о категории таксиса см. [Теория 1987: 237; Семенова 2004]).

Что же касается нарушения смысловой целостности текста (а также разного рода логических сбоев), то формализация соответствующих лингвистических маркеров не может быть осуществлена без использования обширных списков «законных» (не ломающих нормы лексической сочетаемости и «знания здравого смысла») коллокаций. Но даже при наличии таких массивов задача «просеивания» алогизмов остается чрезвычайно сложной. Например, правило, запрещающее выражение с компаративным союзом между логически несопоставимыми компонентами, предполагает квалификацию как алогичных предложений типа *Другие более открытые, сосредоточены на внешнем, нежели на чем то таком, что создает трудности*, однако здесь наличествует скорее не смысловой, а синтаксический сбой ($\approx$ ‘Другие... больше сосредоточены на внешнем, чем на внутреннем, т.е. на том, что создает трудности’).

Впрочем, проблемам автоматического анализа текстов с такого рода отклонениями целесообразно посвятить отдельное исследование.

Библиографический список

Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М.: Университет дружбы народов, 1969. 130 с.

Додонова Н.А. Диагностическое значение лексико-семантических и морфологических особенностей речи больных неврозом. Автореф. дисс. канд. психол. наук. Л., 1989. 21 с.

Загоровская О.В., Литвинова Т.А., Литвинова О.А., Середин П.В., Сердюк М.Е. Диагностирование склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 98–104.

Корабельникова Е.А., Вейн А.М., Голубев В.Л., Крейнс М.Г. Психолингвистическое исследование сновидений детей и подростков с невротическими расстройствами // Журнал неврологии и психиатрии. 1999. № 1. С. 18–21.

Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: Избр. труды. М.: Флинта: Наука, 2014. 1242 с.

Микиртумов Б.Е. Лексика психопатологии. СПб.: Речь, 2004. 200 с.

Микиртумов Б.Е., Ильичев А.Б. Клиническая семантика психопатологии. СПб.: Изд-во СПбГПМА, 2007. 215 с.

Мишланов В.А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь. Изд-во Пермского ун-та. 1996. 267 с.

Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Г.Р. Психиатрическая лингвистика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 735 с.

Ринберг В.Л. Конструкции связного текста в современном русском языке. Львов: Вища школа, 1987. 164 с.

Семенова Н.В. Таксис: история изучения и современное понимание // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 249–272.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко; Институт языкознания (Академия наук СССР). Л.: Наука, 1987. 347 с.

Choudhury, M.D, Counts, S., & Horvitz, E. Social media as a measurement tool of depression in populations // Proceedings of the 5th Annual ACM Web Science Conference, 2013, p. 47–56.

Choudhury, M.D, Gamon, M., Counts, S., & Horvitz, E. Predicting Depression via Social Media // ICWSM, 2, 2013.

Chung, C.K., & Pennebaker, J.W. Counting Little Words in Big Data: The Psychology of Communities, Culture, and History // URL: <http://www.sydney-symposium.unsw.edu.au/2012/chapters/ChungEASP2012.pdf> (дата обращения: 29.07.19)

Pennebaker, J.W. & Campbell, R.S. The effects of writing about traumatic experience. *Clinical Quarterly*, 2000, 9, p. 17–21.

S. N. Enikolopov

Head Department of Medical Psychology

Mental Health Research Centre of the Russian Academy of Sciences

V.A. Mishlanov

Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department

Perm State University

PECULIARITIES OF SPEECH ORGANIZATION OF THE TEXTS PRODUCED BY PEOPLE WITH MENTAL DEVIATIONS

(to the problem of automatic detection of linguistic markers of mental distress)

The article is devoted to the analysis of written texts focused on the algorithm development to diagnose mental disorders. It was made a brief review of research involving linguists, psychologists and IT specialists. Taking into account the pragmatic tasks we propose to focus on detection such linguistic reflexes of the speaker's mental deviations which have formal expression. Some results of the analysis of speech signs of mental deviations qualified in psychiatry as “broken speech”, “ataxia”, “slipping”, are presented.

Key words: speech reflexes of mental deviations, syntax, text grammar, automatic analysis.

Каджая Людмила Алексеевна
доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kadzhaya@psu.ru

Девяткин Дмитрий Алексеевич
младший научный сотрудник
Института проблем искусственного интеллекта
Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН
devyatkin@isa.ru

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ (на материале одного речевого жанра)

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-29-02305 офи_м
«Разработка методов анализа текстов, порождаемых в ситуации
психологического неблагополучия и психического нездоровья»)*

В статье рассматривается вопрос об экстралингвистической основе специализированного дискурса, о его содержательно-смысловой и поверхностно-языковой организации. На основании выделенных когнитивных операций одной гиперкатегории изучаются проявления жанрово-речевой системности. Представлены результаты эксперимента по выявлению когнитивных операций в текстах статей по гидрогеологии с помощью моделей машинного обучения.

Ключевые слова: речевой жанр, когнитивная операция, речевая системность, контекстно-свободные шаблоны, реляционно-ситуационная модель.

Экстралингвистической основой гидрогеологического дискурса выступает объективируемый в нем процесс научно-познавательной деятельности, репродуктивная структура которого рассматривается в методической литературе, фиксируется международными и российскими методическими кодексами (инструкциями). Отдельные участки (звенья) этой структуры служат устойчивыми моделями познавательно-речевой деятельности, т.е. особыми жанровыми формами (гиперкатегориями). Это позволило нам описать гидрогеологический дискурс как набор специфических для него речевых жанров, в текстах которых воплощаются результаты изучения: 1) гидрогеологического региона и его стратиграфических подразделений; 2) геохимии подземных вод; 3) палеогидрогеологических условий

конкретной территории; 4) гидродинамического режима и баланса подземных вод; 5) гидрогеологических мероприятий по охране подземных вод от загрязнений.

Каждый речевой жанр имеет свою структуру, состав и последовательность реализующих его коммуникативно-познавательных действий как результат объективации научно-познавательного процесса. Так, речевой жанр «Описание гидрогеологического региона и его стратиграфических подразделений» образован последовательностью типовых коммуникативно-познавательных действий (далее – когнитивных операций): 1) указанием местоположения гидрогеологического объекта; 2) стратиграфической характеристикой гидрогеологического объекта; 3) описанием истории геологического развития региона-объекта; 4) установлением литологического состава гидрогеологического объекта; 5) характеристикой глубины залегания и мощности пород объекта.

Вся совокупность экстралингвистических факторов обуславливает отбор языковых средств, частоту их употребления, особенности сочетания, появление у них специфических семантико-стилистических окрасок, т.е. стилистико-речевую системность [Кожина 1972]. Каждое из представленных коммуникативно-познавательных действий характеризуется определенным составом и особенностями функционирования языковых и речевых единиц, посредством которых эти действия осуществляются [Каджая 2016]. Проиллюстрируем это на примере одной когнитивной операции исследуемой гиперкатегории – указания местоположения гидрогеологического объекта.

Анализ показал, что при выражении типового смысла «указание местоположения гидрогеологического объекта» в исследуемых текстах регулярно используются в качестве предикатов краткие страдательные причастия, образованные от глаголов *приурочить* (в специальном значении «отнести к какой-либо территории»), *развить*, *расположить*, *распространить*. Примеры: *Гидрогеологические подразделения на территории Белгородской области приурочены к крылу Днепровско-Донецкого бассейна*; *...исследуемый регион расположен в умеренном ландшафтном поясе...*; *Саргавско-даугавский горизонт распространён на юге центральной части Ленинградской области*. В этой же функции употребляются глаголы *занимать*, *охватывать* (какое-либо пространство), *относиться* (к какому-либо пространству), а также глагольное словосочетание *иметь распространение*. Например, *Территория Курской Магнитной Аномалии занимает центральную часть этого региона...*; *Исследуемая территория относится к Кунгурскому участку Нижнесысвенского района*.

Эпизодически встречаются глаголы *граничить*, *выклиниваться*, *залегать*, *простирается*, *размещаться*, *тяготеть* в той же функции.

Нередко определение пространственных границ объекта дополняется сообщением о его повсеместном (сплошном) или локальном распространении в данных границах или в каких-либо пределах. Этим обусловлено активное использование прилагательного **повсеместный** и наречия **повсеместно**: *Водоносный верхнемеловой горизонт имеет в пределах Западно-Тобольского бассейна повсеместное развитие*; *Нижний днепроовско-московский межморенный водоносный горизонт комплекса распространён повсеместно в пределах... долины*.

Важно отметить, что для исследуемого жанра характерны речевые построения, представляющие собой череду указанных когнитивных операций, причём даже на отрезке отдельного предложения. Например: *Нижнемеловой водоносный комплекс* [указание на геологический возраст объекта] *на территории района представлен песчано-глинистыми континентальными отложениями* [установление литологического состава объекта], *залегающими на породах палеозойского фундамента средней мощностью около 7–10 м* [характеристика мощности пород гидрогеологического объекта]; *Каменноугольные отложения комплекса* [указание на геологический возраст объекта] *имеют повсеместное распространение* [указание местоположения геологического объекта] *и представлены заволжским горизонтом – нижним отделом карбоновой системы* [стратиграфическая характеристика объекта], *глубина залегания которого изменяется от 22,4 до 63,7 м* [характеристика мощности пород гидрогеологического объекта].

Для эксперимента по выявлению описаний коммуникативно-познавательных действий в научных гидрогеологических текстах были предложены 3 шаблона: 1) шаблон с выделенными языковыми показателями ментальных операций на материале 40 научных публикаций; 2) без выделенных языковых показателей ментальных операций; 3) шаблон с 40 абзацами из разных текстов, где точно нет анализируемой гиперкатегории.

Схема эксперимента представлена на рис. 1. Из-за небольшого объема обучающей выборки использование моделей машинного обучения, позволяющих анализировать объекты с признаковыми описаниями большой размерности, представляется невозможным. Поэтому извлечение фрагментов текста, соответствующих когнитивным операциям, проводилось в три этапа: формирование разнородных лингвистических признаков описаний анализируемых объектов (клауз), применение шаблонов для формирования признаков описаний меньшей размерности, обучение методом классификации простых предложений с учетом контекста.

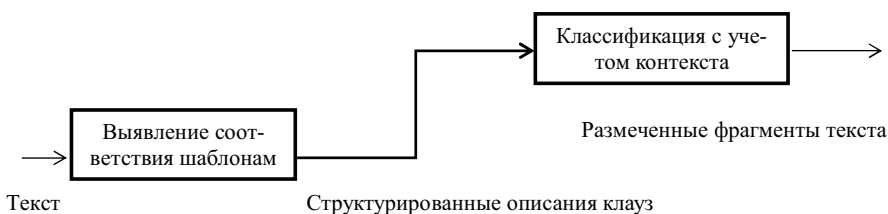

Рисунок 1 – Схема эксперимента по выявлению когнитивных операций в текстах статей по гидрогеологии

На первом этапе с помощью лингвистического анализатора, созданного в ИСА ФИЦ ИУ РАН [Osipov et al. 2010], проводился полный анализ текста, извлекались лексические, морфологические и синтаксические признаки высказываний. Для представления результатов лингвистического анализа использовались неоднородные семантические сети, построенные в соответствии с реляционно-ситуационной моделью текста.

Для извлечения признаков соответствия фрагментов текста различным когнитивным операциям были реализованы контекстно-свободные шаблоны, содержащие формализованное описание разноуровневых языковых единиц.

На втором этапе извлеченные лингвистические признаки сопоставлялись с этими шаблонами. Для каждой клаузы анализируемого текста строилось признаковое описание, в котором каждый признак кодировал соответствие клаузы одному из шаблонов.

На третьем этапе проводилась классификация клауз с помощью методов, позволяющих учитывать контекст анализируемых объектов. Так как в одной клаузе может содержаться описание сразу нескольких когнитивных операций, решалась задача многомерной классификации (multi-label classification). Использовались следующие методы классификации: 1. Методы на основе композиций деревьев решений со скользящим окном, такие как случайный лес решающих деревьев [Breiman 2001], и градиентный бустинг [Friedman 2001]. 2. Рекуррентные нейронные сети LSTM (Long-Short Term Memory) [Hochreiter, Schmidhuber 1997] и GRU (Gated Recurrent Unit) [Chung et al. 2014].

Результаты сопоставления лингвистических описаний простых предложений шаблонам представлены в таблицах 1 и 2. Таблица 1 содержит оценки качества выявления фрагментов текста, воплощающих когнитивные операции. Высокая полнота ($R > 0.85$) показывает, что сформированные шаблоны практически всегда позволяют обнаружить фрагменты текста, соответствующие рассматриваемым когнитивным операциям. Относительно низкое значение точности (P) обусловлено тем, что используемые шаблоны являются контекстно-свободными [Flach 2012].

№ категории	P	R	F ₁ макро
1	0.76	0.85	0.80
2	0.71	0.94	0.81
3	0.76	0.86	0.81
4	0.64	0.96	0.77
5	0.79	0.89	0.84

Таблица 1. Качество выявления соответствия текстовых фрагментов шаблонам

В таблице 2 представлены частоты ошибок, связанных с некорректным выбором конкретной когнитивной операции в рамках жанра. Видно, что в целом шаблоны позволяют достаточно точно определить, какой когнитивной операции соответствует фрагмент текста. Большая часть ошибок, как и в предыдущем случае, обусловлена контекстно-свободной реализацией шаблонов.

	1	2	3	4	5
1		0.26	0.27	0.13	0.23
2	0.11		0.35	0.30	0.08
3	0.14	0.20		0.18	0.21
4	0.18	0.32	0.30		0.26
5	0.11	0.02	0.06	0.26	

Таблица 2. Матрица ошибок, возникающих на этапе выявления соответствия фрагментов текста шаблонам

В таблице 3 представлены оценки качества выявления когнитивных операций на третьем этапе. Оценки вычислялись с помощью статистической процедуры 5-кратного перекрестного скользящего контроля на размеченном корпусе, состоящем из фрагментов 40 статей. Наибольшее качество выявления фрагментов статей, соответствующих когнитивным операциям, удалось получить с помощью метода, основанного на случайном лесе решающих деревьев, что может быть связано с относительно небольшим размером экспериментального корпуса.

Метод	P	R	F ₁ -микро
LSTM+персептр.	0.59±0.07	0.67±0.08	0.61±0.02
GRU+персептр.	0.62±0.06	0.64±0.08	0.62±0.05
Случайный лес	0.74±0.10	0.68±0.06	0.71±0.07
Градиентный бустинг	0.73±0.10	0.64±0.07	0.68±0.09

Таблица 3. Качество выявления фрагментов статей, соответствующих когнитивным операциям

Таким образом, задача автоматического извлечения ментальных операций, воплощаемых в научных гидрогеологических текстах, решается вполне успешно. В целом проведенное исследование свидетельствует о значимости категории речевой системности для решения задач когнитивного моделирования и о высокой результативности охарактеризованных методов выявления ментальных операций в научных текстах.

Библиографический список

Каджая Л.А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств. Пермь, 2016. 180 с.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. 353 с.

Breiman L. Random forests // Machine learning. 2001. Т.45. №.1. С. 5-32.

Chung J. et al. Empirical evaluation of gated recurrent neural networks on sequence modeling // arXiv preprint arXiv: 1412.3555. 2014.

Flach P. Machine learning: the art and science of algorithms that make sense of data // Cambridge University Press. 2012.

Friedman J. H. Greedy function approximation: a gradient boosting machine // Annals of statistics. 2001. P.1189-1232.

Hochreiter S., Schmidhuber J. Long short-term memory //Neural computation. 1997. Т.9. №. 8.С. 1735-1780.

Osipov G.S., Smirnov I.V., Tikhomirov I.A. Relational-situational method for text search and analysis and its applications //Scientific and Technical Information Processing. 2010. Т. 37. №. 6. С. 432-437.

L.A. Kadzhaia

Associate Professor of English for Occupational Purposes Department
Perm State University

D.A. Devyatkin

Research Fellow of the Institute of Artificial Intelligence issues of the Federal Research Centre «Computer Science and Management» RAS.

AUTOMATIC IDENTIFICATION OF MENTAL OPERATIONS (ON THE MATERIAL OF ONE SPEECH GENRE)

The article deals with the issue of extralinguistic basis of a specialized discourse, its content-semantic and surface-linguistic organization. We closely study manifestation of genre-speech system based on the selected cognitive operations of one hypercategory (speech genre). The results of the experiment to identify cognitive operations in the hydrogeological texts using machine learning models are presented.

Key words: speech genre, mental operation, speech system, context-free patterns, relational-situational model.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАИМЕНОВАНИЯМИ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются фразеологизмы с названиями частей тела человека в связи с участием этих фразеологизмов в формировании разных участков русской языковой картины мира. Различаются фразеологизмы, в которых названия частей тела получают символическое значение, и фразеологизмы, являющиеся образами-эталонами, запечатленными в устойчивых сравнениях.

Ключевые слова: фразеологизмы с названиями частей тела человека, русская языковая картина мира.

Цель настоящего исследования – на материале сплошной выборки из словаря русских фразеологизмов (321 единица) выявить роль фразеологизмов с названиями частей тела человека в формировании русской языковой картины мира и установить переосмысление этих номинаций в образно-коннотативном плане – как своеобразных культурных эталонов и культурных символов.

Фразеологизмы напрямую связаны с мировидением народа – носителя языка, поскольку они, как знаки вторичной номинации, опираются на образно-ситуативную мотивированность [Телия 1996: 214]. Национальное своеобразие фразеологии проявляется в структурно-грамматических, лексических, стилистических, фонетических, семантических особенностях [Виноградов 1977; Шанский 1972; Назарян 1987; Крейдлин 2002]. В.Н. Телия справедливо отмечает, что, с одной стороны, не все фразеологизмы обретают роль культурных знаков [Телия 1996: 250–251], с другой – фразеологизмы не только отражают культурные стереотипы, но сами выступают в этой роли [Там же: 232].

Среди фразеологизмов с наименованиями частей тела человека значительная часть основывается на системе образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях (также принимающих активное участие в формировании русской языковой картины мира): *вверх ногами; вставить с левой (не с той) ноги; вырастать в глазах; голова (душа, сердце) горит; до седых волос; закрывать глаза на что; злой язык; знать как свои пять пальцев; и у стен есть уши; идти <нога> в ногу; как без рук без кого, без чего; как бельмо в глазу; как воды в рот набрал; как на*

ладошке; каша во рту; класть зубы на полку; колосс на глиняных ногах; комар носа не подточит; кровь из носа; лучше синица в руках, чем журавль в небе; мозолить руки; море по колено кому; на волосок; на глаз (глазок); на голову выше; на дружеской [на короткой] ноге; на живую руку; на носу; насколько (куда) хватает (достает) глаз; не по зубам кому; не покладая рук; не успел глазом моргнуть; обагрять руки в крови; по уши в долгах; руки короткие; с тяжелой рукой; свет померк в глазах; хоть (хоть бы) одним глазком.

Многие из таких эталонов демонстрируют «технологическую» культурную обусловленность. Например, во фразеологизме *колосс на глиняных ногах* глиняные ноги вызывают представление о том, что они сделаны из кирпича; *комар носа не подточит* – представление о столярном или ювелирном искусстве мастера.

Наиболее ярко национально-культурная информация проявляется во фразеологизмах, в которых названия частей тела человека становятся словами-символами (словосочетания, получающие символическое прочтение). Например, в идиомах *сердце кровью обливается, держать в руках, нести свой крест* названия частей тела человека получают символическое значение: *сердце* – орган чувств, *рука* – власть, *крест* – горькая судьба.

Лексические значения структурно разных фразеологизмов с наименованиями частей тела человека может быть истолковано по-разному. Согласно Фразеологическому словарю русского языка под ред. А.И. Молотова, лексическое значение именных фразеологизмов, в том числе фразеологизмов с наименованиями частей тела человека, толкуется именным описательным оборотом, например: *ахиллесова пята* ‘наиболее уязвимое место у кого-либо’; лексическое значение глагольных фразеологизмов, в том числе фразеологизмов с наименованиями частей тела человека, толкуется инфинитивным описательным оборотом, например: *прожужжать* <все> *уши* кому ‘надоесть постоянными разговорами об одном и том же’; лексическое значение активных фразеологизмов, в том числе фразеологизмов с наименованиями частей тела человека, толкуется а) описательным атрибутивным оборотом с прилагательным или причастием в полной форме, например: *с головой* ‘очень умный, толковый, способный’; б) описательным атрибутивным оборотом с прилагательным или причастием в краткой форме, например: *без царя в голове* ‘очень глуп, недалек’; лексическое значение адverbиальных фразеологизмов, в том числе фразеологизмов с наименованиями частей тела человека, толкуется описательным наречным оборотом, например: *положа руку на сердце* ‘совершенно чистосердечно, откровенно, искренне (го-

ворить, сказать, отвечать, заявлять и т. п.)' [Фразеологический словарь русского языка 1986: 13].

Основную часть фразеологизмов с наименованиями частей тела человека составляют глагольные фразеологизмы: *бить в глаза; бить челом (устар.); болтать языком; брать в <свои> руки; брать голыми руками кого, что; брать за бока; брать за горло; брать себя в руки; бросать (кидать) взгляд; бросать в лицо (в глаза); бросаться (кидаться) со всех ног; в глаза не видеть (не видать); в глазах темнеет; в глазах темнеет (замутилось) у кого; валить [сваливать] с ног кого; валить с больной головы на здоровую; валиться (падать) с ног; валяться в ногах; вешать голову, повесить голову; вешать нос и др.*

Именных фразеологизмов, в которых номинация части тела человека является лексически и структурно главной, сравнительно немного. Это объясняется тем, что основная задача фразеологизмов с наименованиями частей тела человека (как и вообще фразеологизмов) – дать характеристику более важным культурным, коммуникативным, хозяйственным сторонам жизни человека.

Значительную часть фразеологизмов с наименованиями частей тела человека составляют адвербиальные фразеологизмы: *без задних ног; в глазах; в зубы кому; в собственные руки; в три шеи; в шею; вверх ногами; во все лопатки; глаза в глаза; давай бог ноги, дай бог ноги; для отвода глаз; до седых волос; до ушей; за глаза; за глазами; за плечами; за прекрасные глаза; <и> карты в руки; и у стен есть уши; из первых рук; из рук в руки; из-под <самого> носа; как без рук без кого, без чего; каша во рту; краем глаза; кровь из носу; лоб в лоб; лучшие синица в руках, чем журавль в небе; между глаз; на волосок; на глаз (глазок); на носу; на руках чьих, у кого; на руку кому; на свою голову; на скорую руку и др.*

К адъективным фразеологизмам, составляющим самую наибольшую часть выборки, относятся следующие: *глаза на мокром месте; голова на плечах; как бельмо в глазу; как воды в рот набрал; как на ладошке; на босу ногу; на голову выше; на дружеской [на короткой] ноге; на живую руку; на одной ноге; нет стыда в глазах; нога за ногу; (нужен) как собаке пятая нога; по уши в долгах; под <самым> носом; под рукой; с повинной головой (головушкой); с пустыми руками; с тяжелой рукой; с чужого плеча; семи пядей во лбу.*

В целом, фразеологизмы с наименованиями частей тела принимают активное участие в формировании русской языковой картины мира, поскольку, отражая качества, нормы, правила, привычки, ценности, они презентуют взаимодействие человека с миром.

Библиографический список

- Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
- Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2002. 581 с.
- Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высш. шк., 1987. 288 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1986. 543 с.

T.D. Kanevskaya

Teacher of Russian Language and Literature
Moscow School №32

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NAMES OF PARTS OF HUMAN BODY: COGNITIVE ASPECT

The article discusses phraseologisms with the names of parts of the human body in connection with the Russian language picture of the world. The participation of specific phraseologisms with the names of parts of the human body in the formation of different parts of this picture of the world is revealed: in phraseologisms in which the names of parts of the human body are symbolic words (phrases that receive a symbolic reading) and reference images imprinted in the current stable comparisons.

Key words: phraseologisms with names of parts of the human body, Russian language picture of the world.

Катышев Павел Алексеевич
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
РАKatyshev@pushkin.institute

РЕЧЕВОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00574
«Лингвокультурные доминанты легитимных / нелегитимных политических
дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации:
типологическое исследование»*

Речевое вовлечение рассматривается в связи с процессом воздействия за счет опосредованных форм коммуникации. Специфика вовлечения в данном случае определяется сквозь призму авторского отношения к чужой смысловой позиции. Содержанием этого отношения выступает установка на уравнивание автора и адресата, транслируемая посредством дискурсивных форм, в том числе речевых жанров.

Ключевые слова: опосредованная коммуникация, речевое вовлечение, дискурс, жанр.

Понятие «<речевое> вовлечение» (involvement) используется, как правило, в исследованиях непосредственной интеракции. Так, интеракциональная социолингвистика соотносит его с готовностью и способностью субъектов принимать активное участие во взаимодействии на основе общих языковых и социокультурных знаний и имеет дело с наблюдаемым состоянием нахождения в интеракции, отличным от простого совместного присутствия [Gumperz 1982; 1992]. В дискурс-анализе вовлечение – это один из функционально-языковых параметров, характеризующий такой семиотически маркированный тип участия в коммуникативном событии, который предполагает по преимуществу наличие между собеседниками непосредственного контакта во времени и пространстве [Chafe 1982; 1985; 1987], некоей душевной связи, достигаемой людьми в общении и соединяющей их с событиями и обстоятельствами [Tannen 2007]. В этнографии речи вовлечение рассматривается прежде всего через национально и социально маркированные формы взаимодействия [Besnier 1994_{а,б}].

Тем не менее обращение к категории речевого вовлечения для анализа опосредованных форм коммуникации не лишено смысла. Доказательство тому – работы, посвященные изучению речевого взаимодействия, устанавливаемого жанрами моно- / мультимодальной коммуникации

[Engagement in Professional Genres 2019; Hyland 2005; 2017; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016; Suau-Jiménez, Dolón Herrero 2007].

Примечательно, что на начальных этапах разработки проблематики в лингвистике и коммуникативно-ориентированных дисциплинах такие жанры не включались в область исследования вовлечения (считалось, что вовлечение представляет собой феномен, связанный с *непосредственным* участием интерактантов в коммуникативном процессе [Гуляева 2016; 2018]). Со временем все же возобладал более взвешенный подход, позволяющий рассматривать письменную фактуру общения в качестве среды для вовлечения, вследствие чего его специфика в рамках опосредованной коммуникации определяется сквозь призму особого *авторского отношения к чужой смысловой позиции* (чужому голосу). Содержанием этого – диалогического! – отношения выступает установка на «уравнивание» автора и (воображаемого и / или реального) адресата. В частности, содержанием диалогического отношения, ориентированного на вовлечение в коммуникацию адресата научной статьи, может выступать намерение привлечь читателя на свою сторону, сделать его собеседником, оказать ему «помощь» в интерпретации содержания сообщений и т.д., что поддерживается специфическим набором речевых приемов, связанных с контролем познавательной деятельности реципиента, демонстрацией солидарности с научным сообществом, установкой на соответствие ожиданиям читательской аудитории (см., в частности: [Hyland 2005; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016] и др.).

Развитие исследуемой проблематики (ее преобразование из *involvement-study* – исследования вовлечения в устное взаимодействие – в *engagement-study* – исследование вовлечения, осуществляемого посредством графически фиксируемых моно- и полимодальных текстов) в значительной мере происходило под влиянием металингвистической (интеракционной) концепции М.М. Бахтина о диалогических отношениях, преломляемых в словах письменного текста.

Согласно данной концепции, чтобы стать диалогическими, отношения «должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных субъектов» [Бахтин 1979: 212]. В текстах, отражающих диалогические отношения, чужое слово может быть либо изображенным (например, репликой персонажа), либо «двуголосым», содержащим в себе также какую-либо авторскую установку на его использование (например, с целью стилизации, пародирования, инициирования полемики и т.д.). При этом попасть в фокус авторской интенции могут не только целые высказывания, но и их значащие части и отдельные слова, а также языковые стили, социальные диалекты, собственные высказывания автора и их части (если он занимает по отношению к ним некоторую дис-

танцию), т.е. многое из того, что ассоциируется с позицией другого, в том числе и адресата [Там же: 214].

Впрочем, наибольший интерес в связи с разработкой проблематики вовлечения представляют явления «двуголосого слова», т.е. дискурсивные феномены, обладающие «двояким направлением» [Там же: 215], в частности референцией к *самому чуждому слову* (в том числе другой смысловой позиции) и *авторскому отношению к нему*. Не случайно в работах по метадискурсивным аспектам коммуникации подчеркивается важность не только «дизайна» реципиента [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974], но и продумывания стратегии его «сближения» с автором [Hyland 2001; 2004; Myers 1989], поскольку и то и другое приводит в конечном счете к активации таких дискурсивных феноменов, которые объективируют и самого адресата, и авторскую «концепцию» сосуществования с ним; см., например, перечень приемов, к которым прибегают представители метадискурсивного подхода при описании вовлечения, передаваемого письменными текстами: *мы-конструкции, комментарии, маркеры общепринятого (знакового, разделяемого) знания, директивы, вопросы* [Hyland 2001; 2004; 2005; Hyland, Feng (Kevin) Jiang 2016; Suau-Jiménez 2019]. Однако будет справедливым отметить, что многообразие дискурсивных и социальных практик не позволяет расценивать механизм вовлечения как нечто однородное и универсальное, а следовательно, устанавливать конечный список приемов, направленных на объединение автора и читателя.

Изучение различных дискурсивных и социальных практик, а также манифестирующих их жанров свидетельствует о том, что:

(1) вовлечение может применяться в качестве инструмента, которым пользуется вовлекатель для создания общих с адресатом ценностей (в этом случае два сознания находятся как бы в одинаковых условиях и созидают на равных правах; при этом вовлекатель может отказывать себе в равенстве по статусу с вовлекаемым, придавая знанию последнего большее значение, чем своему, считаясь с его интересами и потребностями и т.д.);

(2) зачастую автор строит свой текст как загадку, размышляя над которой адресат обогащается особым опытом чтения произведения (см. теорию «читательского отклика» [Fish 1980; Iser 1980]);

(3) если субъект вовлечения отказывает вовлекаемому в равенстве по статусу, в уровне осведомленности, мировоззренческой зрелости и т.д., то вовлечение приобретает черты расположения, направленного на формирование у адресата готовности разделить с вовлекающим какие-либо взгляды на что-либо, совместно действовать с ним и т.д.;

(4) возможны ситуации, в которых вовлечение (вовлеченность) составляет фон для дальнейших манипуляций с вовлекаемым (в этом случае

акценты смещаются на некоторую степень сходства с вовлекателем, с оглядкой на которую осуществляется коммуникация с адресатом;

(5) в случае же полного слияния позиций вовлекающего и вовлекаемого (их неразличения) мы можем иметь дело с самововлечением, при котором субъект (бывший объект вовлечения) сам организует свою активность ради интересов дела.

Отдельного комментария заслуживает жанровый компонент вовлечения, осуществляемого вовлекателем посредством письменной коммуникации. Задача сделать адресата участником какого-либо коммуникативного (и шире – социокультурного) процесса может быть решена с помощью жанра в том случае, если последний рассматривается как *социальное действие* [Martin 1992: 250], осуществляемое между социо-дискурсивными агентами в условиях определенных корпоративных практик, дискурсивных процедур и культур. Тем самым письменные жанры могут подразумевать взаимодействие между автором и читателем как социо-дискурсивными агентами, которым предписаны определенные статусы, роли и функции в задаваемом коммуникативном контексте. В этом случае жанр квалифицируется в качестве инструмента, которым пользуются индивиды и дискурсивные сообщества для достижения собственных целей; при этом достижение планируемого результата с помощью жанра не осуществимо до тех пор, пока социо-дискурсивные агенты не будут согласованы по коммуникативной цели и не будут интегрированы в дискурс посредством других высказываний и оформляющих их текстотипов [Fairclough 1992]. Именно поэтому вовлечение выступает ключевым социо- / когнитивно- / дискурсивным концептом, определяющим не только характер и особенности субъекта / субъектов вовлечения, но и специфику функционирования жанров, обеспечивающих потребности индивидов и социальных групп.

Библиографический список

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Гуляева М.А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 65–69.

Гуляева М.А. О мере вовлеченности в коммуникацию // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (131). С. 99–103.

Besnier N. Involvement // Encyclopedia of language and linguistics / R.E. Asher et al., eds. Vol. 4. Oxford: Pergamon Press. 1994_a. P. 1770–1772.

Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 22. 1994_b. P. 279–299.

Chafe W. Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature // *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy* / In Deborah Tannen (ed.). Norwood, NJ: Ablex. 1982. P. 35–53.

Chafe W. Linguistic Differences Produced by Differences between Speaking and Writing // *Literacy, Language, and Learning* / In David R. Olson, Andrea Hildyard, and Nancy Torrance (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 105–123.

Chafe W., Danielewicz J. Properties of Spoken and Written Language // *Comprehending Oral and Written Language* / In Rosalind Horowitz and S. J. Samuels (eds.). 1987. P. 83–113.

Engagement in Professional Genres / ed. by Carmen Sancho Guinda. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 341–358.

Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: University Press., 1992. 269 p.

Fish S. Literature in the Reader: Affective Stylistics // *Reader-Response Criticism. From Formalism to Post-Structuralism* / ed. by Jane P. Tompkins. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press., 1980. P. 70–100.

Gumperz J. Contextualization and Understanding // *In Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* / eds. A. Duranti and C. Goodwin. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. P. 229–252.

Gumperz J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. 225 p.

Hyland K. Bringing in the reader: Addressee features in academic articles // *Written Communication*. 2001. №18(4). P. 549–574.

Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // *Journal of Pragmatics*. 2017. № 113. P. 16–29.

Hyland K. Patterns of engagement: Dialogic features and L2 student writing // *Analyzing academic writing: Contextualized frameworks* / L. Ravelli, R. Ellis (Eds.). London: Continuum, 2004. P. 5–23.

Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies*. 2005. № 7 (2). P. 173–192.

Hyland K., Feng (Kevin) Jiang. «We must conclude that...»: A diachronic study of academic engagement // *Journal of English for Academic Purposes*. 2016. № 24. P. 29–42.

Iser W. *The Reading Process: A Phenomenological Approach* // *Reader-Response Criticism. From Formalism to Post-Structuralism* / ed. by Jane P. Tompkins. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press., 1980. P. 50–69.

Martin J.R. *English Text: System and Structure*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. XIV. 620 p.

Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // *Applied Linguistics*. 1989. № 10. P. 1–35.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. № 4 (Part 1). P. 696–735.

Suau-Jiménez F. Engagement of readers/customers in the discourse of e-tourism promotional genres // *Engagement in Professional Genres* / ed. by Carmen Sancho Guinda. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 341–358.

Suau-Jiménez F., Dolón Herrero R. The Importance of Metadiscourse in the genre ‘Promotion of Touristic Services and Products’: Differences in English and Spanish // *Languages for Specific Purposes: Searching for Common Solutions* / ed. by Dita Galová. Newcastle, U.K.: Cambridge Scholars Publ., 2007. P. 71–79.

Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 233 p.

P.A. Katyshev

Professor of General and Russian Linguistics Department
Pushkin State Russian Language Institute

ENGAGEMENT IN MEDIATED COMMUNICATION

In this paper, engagement is considered in connection with the process of influence induced by mediated forms of communication. The specificity of engagement in this case is determined through the prism of the author's attitude to someone else's semantic position. The content of this relationship is the installation on the alignment of the author and the addressee, broadcast through discursive forms, including speech genres.

Key words: mediated communication, involvement, engagement, discourse, genre.

Кузнецова Юлия Михайловна
старший научный сотрудник
Институт проблем искусственного интеллекта
ФИЦ «Информатика и управление» РАН
kuzjum@yandex.ru

О СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДАХ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТОВ В ЦЕЛЯХ ПСИХОДИАГНОСТИКИ

*Работа частично поддержана грантами РФФИ № 18-29-22047
и № 18-00-00606 (18-00-00233)*

Выявление психологических особенностей авторов текстов является одной из прикладных задач психолингвистики. В работе приведен обзор основных современных исследовательских схем и подходов, возникших благодаря применению в данной сфере методов компьютерного анализа текста и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: психолингвистика, текстовая психодиагностика, искусственный интеллект, автоматический анализ текста

Психодиагностика вообще имеет своей целью разработку инструментов для оценки психологических особенностей индивида и группы. Среди задач практической психолингвистики к имеющим психодиагностическое содержание могут быть отнесены: изучение особенностей речи при различного рода психопатологиях и острых психотических состояниях, а также исследование речевых проявлений установок и мотивации человека, его эмоций и типологических особенностей [Леонтьев 2008: 12–13].

Цель текстовой психодиагностики заключается в оценке выраженности у человека определенного психологического свойства по формализуемым особенностям его речевой деятельности. В зарубежной компьютерной лингвистике оформилось самостоятельное прикладное направление под названием *Computational personality recognition*, объединяющее работы по анализу текстов в целях выявления **стабильных психологических особенностей и ситуативных психологических состояний человека**.

Разработка средств текстовой психодиагностики подразумевает установление достоверных связей между текстовыми показателями и психологическими особенностями автора текста. При этом решаются следующие задачи: 1) диагностика психологических особенностей авторов анализируемых текстов; 2) определение релевантных текстовых показателей в текстах испытуемых; 3) выявление достоверных связей между психологи-

ческими и текстовыми переменными, построение математической модели текстовых проявлений диагностируемых психологических особенностей; 4) создание текстового анализатора, программно реализующего полученную модель.

1. Данные о *психологических особенностях* собираются в ходе опроса испытуемых с применением обычных психодиагностических средств: шкал, опросников, тестов и т.д., среди которых есть методики узконаправленные, диагностирующие отдельные психологические черты, а также комплексные, выявляющие множество показателей. В мировой практике наиболее востребованной из методик второго типа является опросник Big Five Personality, измеряющий выраженность экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту [Costa 1992].

Опрос в современных условиях может быть проведен он-лайн или офф-лайн. Первый вариант имеет преимущество возможность привлечения большого количества испытуемых; например, в специальном приложении MyPersonality (<http://mypersonality.org/>) собрана информация о сетевой активности, демографических характеристиках и результатах тестирования по 20 психодиагностическим методикам (в том числе, Big Five Personality) уже 6 млн. пользователей Facebook. В России о запуске аналогичной программы было объявлено в 2017 г. [Ледовая 2017]. К недостаткам он-лайн опросов следует отнести проблему неконтролируемости мотивации испытуемых, вследствие чего результаты диагностики испытуемого, при выполнении методики преследовавшего, например, мотив привлечения внимания или игры, будут только искажать общую картину. По сравнению с сетевым, офф-лайн опрос может обеспечить более качественные психодиагностические данные, но количество испытуемых будет заведомо гораздо меньше.

И в том и в другом случае с участниками психодиагностических опросов договариваются о предоставлении исследователям полного или частичного доступа к профилям в сети как источнику текстового материала. (Заметим, что возможность привлекать сетевой контент некоторыми авторами оценивается как эпохальной значимости фактор развития лингвистики, психологии и социологии [Kern 2016]).

2.1. Поиск *текстовых показателей* – коррелятов психологических особенностей – изначально был связан с желанием классиков европейской психиатрии выделить в речи своих пациентов признаки, характерные для различных заболеваний, и не встречающиеся в речи психически здоровых, то есть обладающие дифференцирующей силой [Шведовский 2015]. В общем виде такой способ определения текстовых признаков психологических особенностей подразумевает экспликацию представлений, сформировавшихся

рованных у исследователей или привлекаемых экспертов на основе их профессионального опыта интерпретации текстов [De Choudhury 2013].

2.2. Другой способ основан на анализе языковых средств выражения исследуемых психологических особенностей. Так, осуществление сентимент-анализа подразумевает оценку частотности слов из тематических групп, составленных на основе экспертной лингвистической оценки или данных опроса наивных носителей языка [Puschmann 2018], как в базе Dodd's Hedonometer (содержащей данные о положении на шкале «грустный–счастливый» 10 тыс. английских слов [Schwartz 2016]), Warriner's lexicon (14 тыс. слов английского языка описаны по трем шкалам: валентности, выраженности и доминантности [Khosla 2018]), немецкоязычном Berlin Affective World List (BAWL – пятишкальное описание слов по ассоциациям с эмоциями радости, злости, страха, грусти и отвращения) и его русском аналоге Emotion Norms for Russian Nouns (ENRuN) [Люсин 2017].

За рамками сентимент-анализа формирование тематических групп определяется решаемыми исследовательскими задачами. Так, инструмент для изучения политических установок General Inquirer (<http://www.wjh.harvard.edu/~inquirer/Home.html>) содержит группы с семантикой уважения, благосостояния, принятия решения и пр.

Самое широкое распространение среди инструментов, основанных на группировании лексики, имеет компьютерная система Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC), разработанная под руководством J.W. Pennebaker (<http://liwc.wpengine.com/>). Принцип работы LIWC заключается в оценке частотности слов, отнесенных к приблизительно 70 различным категориям: «части речи» (самостоятельные и служебные), «тематические слова» (такие, как группы «человек», «время», «негативные эмоции», «позитивные эмоции», «работа», «сон» и т.д.), «длинные/короткие слова» и др. Не будет большим преувеличением сказать, что ни одна из публикуемых в мире работ по анализу текстов на естественном языке не обходится без упоминания системы LIWC, а большинство исследований и проводится на ее базе.

2.3. Новые способы обработки информации возникают благодаря привлечению специфического аппарата искусственного интеллекта (ИИ). В ИИ постулируется возможность создания таких искусственных устройств, которые, не копируя операциональный состав разумной деятельности человека, позволяют корректно воспроизводить ее результаты [Осипов 2011: 8].

Принципиально схема выделения текстовых показателей в целях психодиагностики с применением методов ИИ может быть описана следующим образом. Сначала тексты классифицируются на основе данных психодиагностики или экспертной оценки по степени выраженности у их

авторов интересующих психологических особенностей. Затем осуществляется интеллектуальный анализ текстов с целью выделения тех правил, которые позволяют машине воспроизвести имеющуюся логику классификации; при этом выделенные правила не всегда обладают желательными свойствами транспарентности и интерпретируемости на нематематическом языке [Осипов 2011: 9]. Циклы «обучения» машины последовательно приближают ее выводы о психологических особенностях авторов анализируемых текстов к результатам психодиагностики испытуемых или экспертной оценки текстов. Система обеспечивающих оптимальные выводы правил организуется в математическую и программную модель связей между психологическими особенностями и текстовыми показателями, или *машинный классификатор*. В дальнейшем при анализе текстов полученный классификатор позволяет определять для извлекаемых компонентов вероятность того, являются ли они искомыми текстовыми признаками психологических особенностей (см. [Большакова 2017: 115]).

3. В случае применения традиционных средств статистического анализа вопрос *диагностической валидности* выделенных с его помощью текстовых признаков, связанных с выраженностью определенной психологической особенности (см. пп. 2.1 и 2.2) может происходить в виде: 1) оценки значимости различий частотности текстовых признаков в текстах испытуемых из групп, которые различаются выраженностью интересующей психологической особенности (например, [Stirman 2001]); 2) получения корреляционных связей между уровнем выраженности у испытуемых интересующего психологического свойства и частотностью текстовых признаков в их текстах (например, [Загоровская 2016]); 3) применения процедур (например, регрессионного анализа), позволяющих описывать вклад анализируемых текстовых показателей в зависимые переменные, в роли которых выступают психологические особенности [Guntuku 2017].

Оценке валидности инструментов текстовой психодиагностики способствуют т.н. “shared tasks”, или «соревнования», в рамках которых сравниваются результаты работы с одним и тем же набором текстов анализаторов, созданных конкурирующими командами исследователей. Проблема диагностики личности автора текстов представлена, например, на международных ежегодных соревнованиях Conference and Labs of the Evaluation Forum (CLEF), проводимых с 2010 г.; в частности, в 2017 г. соревнование CLEF eRisk было посвящено выявлению в сетевых текстах признаков психологического неблагополучия (<http://www.clef-initiative.eu/>).

Судя по имеющимся публикациям, к настоящему времени с помощью разработанных анализаторов для текстов на нескольких языках (прежде всего английском) достаточно уверенно могут быть диагностированы определенные личностные черты их авторов, характеристики эмоцио-

нальной сферы личности, уровень удовлетворенности жизнью, уровень депрессии, наличие психических нарушений [Lima 2019]. Появляются сообщения об анализаторах, выводы которых оказываются точнее, чем экспертная оценка [Ziemer 2017].

Представленный материал отражает специфический исследовательский ракурс – интерес к реализации в тексте психологических особенностей его автора. К сожалению, следствием преобладания утилитарных установок в сфере текстовой психодиагностики в подавляющем большинстве исследований вопросы методологического и концептуального уровня не рассматриваются [Puschmann 2018]. Отсутствие концептуальных моделей связи речи и личности на новом материале, полученном с применением компьютерных технологий и методов ИИ, проявляется в снижающем качество научного поиска дефиците содержательных интерпретаций и исследовательских гипотез.

Библиографический список

Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э. и др. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. 269 с.

Загоровская О.В., Литвинова О.А., Литвинова Т.А. Выявление склонности личности к суицидальному поведению на основе количественного анализа ее речевой продукции // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/zagorovskaya_litvinova_litvinova.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Иванов В.Ю. и др. Организационно-методические вопросы сбора данных в онлайн-исследовании поведения пользователей социальной сети «Фейсбук» из России и США // *Вестник СПбГУ. Сер. 16: Психология. Педагогика*. 2017. № 4. С. 308–327.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008. 196 с.

Люсин Д.В., Сысоева Т.А. Эмоциональная окраска имен существительных: база данных ENRuN // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 2. С. 122–131.

Осипов Г.С. Методы искусственного интеллекта. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. 296 с.

Шведовский Е.Ф., Зверева Н.В. Исследование речевых нарушений при шизофрении. История и современное состояние проблемы // *Психологическая наука и образование*. 2015. Т. 20. № 2. С. 78–92.

Costa, P.T., Jr., & McCrae, R.R. NEO PI-R professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 1992.

De Choudhury, M., Gamon, M., Counts, S., & Horvitz, E. Predicting Depression via Social Media // *Ann Proc of the 2013 AAAI Conf on Web and Soc Media (ICWSM)*. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2016/02/icwsml3.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

Guntuku, S.C., Yaden, D.B., Kern, M.L. et al. Detecting depression and mental illness on social media: an integrative review // *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2017, 18: 43–49.

Kern, M.L., Park, G., Eichstaedt, J.C., et al. Gaining Insights From Social Media Language: Methodologies and Challenges // *Psychol Methods*, 2016, 21(4): 507-525.

Khosla, S., Chhaya, N., & Chawla, K. Aff2Vec: Affect-Enriched Distributional Word Representations // arXiv:1805.07966v1 [cs.CL] 21 May 2018 (дата обращения: 24.03.2019).

Lima, A.C.E.S., & de Castro, L.N. TECLA: A temperament and psychological type prediction framework from Twitter data // *PLoS ONE*, 2019, 14(3): e0212844. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0212844> (дата обращения: 24.03.2019).

Puschmann, C., & Powell, A. Turning Words Into Consumer Preferences: How Sentiment Analysis Is Framed in Research and the News Media // *Social Media + Society*, Jul-Sept 2018: 1–12. DOI: 10.1177/2056305118797724 (дата обращения: 24.03.2019).

Schwartz, H.A. Predicting individual well-being through the language of social media // *Biocomputing 2016: Proc of the Pacific Sympos*, 2016: 516-527.

Stirman, S.W., & Pennebaker, J.W. Word use in the poetry of suicidal and nonsuicidal poets // *Psychosom. Med.* 2001, 63, 517–522.

Ziemer, K.S., & Korkmaz, G. Using text to predict psychological and physical health: A comparison of human raters and computerized text analysis // *Computers in Human Behavior*, 2017, 76: 122-127.

Y.M. Kuznetsova

Senior Researcher

Institute of Problems of Artificial Intelligence

of Federal Research Centre “Computer Science and Control”

of the Russian Academy of Sciences

CURRENT APPROACHES TO THE AUTOMATIC ANALYSIS OF TEXTS TO PSYCHO-DIAGNOSTICS

The recognizing of psychological characteristics of the author of text is one of the applied tasks of psycholinguistics. The paper provides an overview of the some current approaches and research schemes that have arisen due to the use of computer text analysis and artificial intelligence methods in this field.

Key words: psycholinguistics, artificial intelligence, computational personality recognition, text mining

Салимовский Владимир Александрович
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Salimovsky@rambler.ru

О ПОДВИЖНОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 18-29-22047 мк)

Подвижность содержания текста рассматривается под углом зрения задач междисциплинарного когнитивного моделирования, опирающегося на идеи культурно-исторической школы. Обосновывается мысль о том, что теоретико-методологической базой лингвистического аспекта исследования может быть теория речевого общения М.М. Бахтина. Показано соответствие элементов модели знака, разработанной на основе положений указанной психологической школы, выделенным М.М. Бахтиным признакам высказывания (текста) как целостного образования. Для объяснения подвижности границ между единицами содержания текста предлагается введение в лингвистическую теорию положений А.Н. Леонтьева о динамизме структурных единиц человеческой деятельности. Проанализирована психолингвистическая концепция структурирования цельности, объясняющая роль ключевых слов в этом процессе.

Ключевые слова: знак, текст, когнитивное моделирование, теория речевого общения, цельность, членимость текста.

В последнее время вопрос об отношении текста как знака наиболее высокого порядка к его знаковым компонентам – коммуникативным блокам, высказываниям в составе этих блоков, а также слов в составе высказываний [Дридзе 1984] – приобрел особую актуальность в исследованиях, решающих задачи моделирования средствами искусственного интеллекта познавательных функций человека. На базе положений культурно-исторической школы Л.С. Выготского разработана модель знака как основного элемента картины мира [Осипов, Чудова, Панов, Кузнецова 2018]. Знак имеет вид тетраэдра с вершиной *имя знака* и ребрами, ведущими к *смыслу* для субъекта – отражению личного опыта человека, *значению* в жизни социума – присущим обществу представлениям о ситуациях социального взаимодействия и *образу* – перцептивному и рациональному отражению свойств объекта (объектно-вещному содержанию). Такой пирамидой фиксируется единство основных характеристик человеческой деятельности, воплощаемой в тексте.

Рассматриваемая психологическая модель хорошо согласуется с трактовкой М.М. Бахтиным целостного текста (в терминологии ученого – высказывания или речевого выступления), что, очевидно, связано с близостью теоретических позиций М.М. Бахтина и Л.С. Выготского [Ахутина 1984; Леонтьев 2001]. Так, согласно М.М. Бахтину, «... завершенная целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа (или ответного понимания), определяется тремя моментами (или факторами), неразрывно связанными в органическом целом высказывания: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения» [Бахтин 1979: 255]. Представляется, что предметному плану текста соответствует понятие образа; речевой воле субъекта, т.е. мотиву, – понятие смысла; жанровой форме, производной от типичной ситуации социального речевого взаимодействия [Бахтин 1993], – понятие значения (фрейма, сценария).

С нашей точки зрения, общепсихологическая теория деятельности, на которую опирается данная модель, многое объясняет в механизме членности текста, по-разному понимаемом двумя классиками теории речевого общения – М.М. Бахтиным и Л.П. Якубинским.

Согласно М.М. Бахтину, в тексте не могут быть выделены те или иные предложения в качестве особых коммуникативных единиц: «Предложение, как и слово, – значащая единица языка. Поэтому каждое отдельно взятое предложение, например “солнце взошло”, совершенно понятно, то есть мы понимаем его языковое значение, его возможную роль в высказывании. Но занять в отношении этого отдельного предложения ответную позицию никак нельзя, если только мы не знаем, что говорящий сказал этим предложением все, что он хотел сказать, что этому предложению не предшествуют и за ним не следуют другие предложения того же говорящего. Но тогда это уже не предложение, а полноценное высказывание, состоящее из одного предложения: оно обрамлено и ограничено сменой речевых субъектов и оно непосредственно отражает внесловесную действительность (ситуацию). На такое высказывание можно ответить» [Бахтин 1979: 262]. Выделение предложения из контекста и домысливание его до целого высказывания – это синтаксическая аберрация [Там же].

Между тем Л.П. Якубинский считал разделение текста на отдельные коммуникативные единицы естественным процессом. Вот как описывает он общение нескольких знакомых, собиравшихся иногда для обсуждения небольших научных докладов: заслушивание сообщения, «особенно когда оно действительно бывало внимательно, постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика; его монолог постоянно прерывался репликами... Даже если кто молчал, то по лицу бывало видно, как хочет го-

ворить...; иногда молчание переглядываются и мимируют, слушая другого; иногда что-то “промыкивают” про себя: до такой степени звук “лезет изо рта” <...>» [Якубинский 1986: 32-33]. «Любопытно, – продолжает автор, – что даже восприятие письменного монолога (книга, статья) вызывает прерывание и реплицирование, иногда мысленное, иногда вслух, а иногда и письменное – в виде отчеркиваний, заметок на полях, вкладных листков и пр.» [Там же].

На наш взгляд, указанное противоречие между позициями двух ученых может быть объяснено при обращении к ключевым мыслям А.Н. Леонтьева о строении человеческой деятельности:

«В общем потоке деятельности... анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели» [Леонтьев 2004: 86];

«Деятельность представляет собой процесс, который характеризуется постоянно происходящими трансформациями. Деятельность может утратить мотив, вызывающий ее к жизни, и тогда она превращается в действие, реализующее, может быть, совсем другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать особой деятельностью; наконец, действие может трансформироваться в способ достижения цели, в операцию, способную реализовать различные действия» [Леонтьев 2004: 86].

Если воспользоваться терминологией А.Н. Леонтьева, то позицию М.М. Бахтина можно, по-видимому, интерпретировать так: порождение текста есть деятельность, побуждаемая речевой волей говорящего (мотивом); продуцирование же предложения – это частное действие, подчиняющееся сознательной цели, но не имеющее своего мотива, не превращающееся в самостоятельную деятельность с особым отношением к миру. Налицо научная идеализация на том уровне абстрагирования, который соответствует общему описанию строения деятельности. В то же время интерпретация монолога Л.П. Якубинским учитывает постоянно происходящие в деятельности трансформации, динамизм ее структурных единиц. Подвижность содержательной организации текста предстает как его онтологическое свойство.

Согласно исследованиям последних десятилетий, процесс текстообразования может быть охарактеризован как тема-ремагическое структурирование цельности, которая «представляет собой возникающее в психике человека симультанное (одновременное) интегральное, полностью не осознаваемое динамическое представление о некотором объекте» [Сахарный 1994: 20]. При осмыслении цельности субъектом речи (и реципиентом)

том) уменьшается ее неопределенность: в цельности выделяются «смысловые вехи» (Н.И. Жинкин), являющиеся по своей природе субцельностями, из которых в свою очередь могут выделяться новые субцельности. Лингвистический механизм этого процесса состоит в том, что цельность выступает в качестве *темы*, которую уточняют и структурируют *ремы* – актуализируемые в ходе речемыслительной деятельности свойства темы. При этом понятия *темы* (предмета) и *ремы* (признака) «относительны в том смысле, что каждый актуализированный компонент структуры цельности может быть (даже одновременно) осознан и как особая цельность (субцельность)..., и как признак чего-то» [Сахарный 1994: 30]. Удержание и структурирование цельности текста Л.В. Сахарный рассматривает как функцию правого полушария головного мозга, тогда как левое полушарие обеспечивает систему тонких формально-логических операций, основывающихся на правилах трансформационных преобразований.

Целостное содержание текста может быть компрессировано до набора ключевых слов, сохраняющего основное содержание этого текста. Данная процедура применима и к относительно автономным фрагментам текста (субцельностям). Поэтому автоматический анализ текста как сложного знака, содержание которого имеет иерархическую организацию, может осуществляться с опорой на лексические единицы (ключевые слова). Слово осмысливается в этом случае как «текст-примитив», а лексикология предстает как наука именно о «текстах-словах» [Сахарный 1991: 230]. Вариативность определения набора ключевых слов с помощью психолингвистических экспериментов представляется нам обусловленной подвижностью содержания текста как его неотъемлемым свойством и поэтому закономерной.¹

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что в качестве лингвистической базы когнитивного моделирования, основывающегося на положениях культурно-исторической школы, оптимальным, с нашей точки зрения, является выбор теории речевого общения М.М. Бахтина, методологически близкой взглядам Л.С. Выготского, а также сложившейся в 1960–90-е гг. лингвистической традиции, связанной с именами этих ученых (теории речевой деятельности, функциональной стилистики, жанроведения, ряда направлений дискурс-анализа).

Основные элементы модели знака, опирающейся на идеи указанной школы, соотносимы с охарактеризованными М.М. Бахтиным признаками высказывания (текста) как целостного образования.

При разработке дискуссионной проблемы выделяемости в тексте как знаке, воплощающем когнитивную деятельность, отдельных коммуникативных единиц, а также вопроса о границах между конститuentами текста целесообразно введение в анализ положений А.Н. Леонтьева, характери-

зующих динамизм структурных единиц деятельности. Распространение этих положений на текстовую деятельность позволяет рассматривать подвижность содержательно-смысловых единиц текста как его онтологическое свойство.

В исследованиях по теории речевой деятельности в качестве важнейшего механизма текстообразования, создаваемого работой правого полушария головного мозга, рассматривается тема-рематическое структурирование цельности. Ее воплощением является не только развернутый текст, но и набор ключевых слов – маркеров выделяемых из цельности смысловых вех, или субцельностей, соотнесенных со своими наборами ключевых слов. Обоснование текстовой природы этих систем единиц позволяет с единых теоретических позиций рассматривать функционирование синтаксических и лексических знаков (предложений-высказываний и слов), что представляется важным для автоматического анализа текста.

Примечание

¹ Мысленная остановка на отдельном слове (или словосочетании) предполагает его развертывание в высказывание. Продемонстрируем это на примере фрагмента масс-медийного текста: «Президент Украины Петр Порошенко потребовал от кандидата на пост главы государства Владимира Зеленского объяснить, почему он назвал ополченцев в Донбассе повстанцами. Ранее в этот же день на дебатах, проходивших на киевском стадионе “Олимпийский”, Зеленский задал действующему президенту вопрос о том, правда ли, что “конфеты Roshen есть в пайках **повстанцев** ЛНР и ДНР (Выделено мною. – В.С.)» [Выборы 2019]. Слово *повстанцы* преобразовано массовой аудиторией в высказывание: «Ополченцы являются повстанцами (а не террористами)». О понимании Л.С. Выготским слова как аббревиатуры (свернутой формы) высказывания см.: [Ахутина 1984:13].

Библиографический список

Ахутина Т.В. Теория речевого общения в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1984. №3. С. 4–13.

[Бахтин М.М.] Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 188 с. (серия: Бахтин под маской. Вып. 3).

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

Выборы президента Украины. URL: <https://iz.ru/870131/2019-04-19/poroshenko-potreboval-ot-zelenskogo-obiasnit-slova-o-povstantcakh-v-donbasse> (дата обращения: 26.04.2019).

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высш. шк., 1980. 224 с.

Осипов Г.С., Чудова Н.В., Панов А.И., Кузнецова Ю.М. Знаковая картина мира субъекта поведения. М.: Физматлит, 2018. 264 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. 352 с.
- Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221–236.
- Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: Ин-т развития регион. образования. 1994. С.7–59.
- Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 7–58.

V.A Salimovsky

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

ON FLEXIBILITY OF TEXT'S CONTENT ORGANIZATION

Flexibility of text content is considered from the angle of interdisciplinary cognitive modeling problems which are based on the concepts of cultural and historical school. We suppose that M.M. Bakhtin's theory of speech communication can become a theoretical-methodological foundation of the linguistic aspect of research. It is shown the compliance of the elements of a sign model developed by the specified psychological school to the utterance (text) features as integral formation highlighted by M.M. Bakhtin. To explain flexibility between text content units we suggest introducing the ideas of A.N. Leontyev on dynamism of structural units of human activity into the linguistic theory. Psycholinguistic concept of structuring integrity to reveal a role of keywords in this process is analysed.

Keywords: sign, text, cognitive modeling, theory of speech communication, integrity, text dividedness.

Тихомирова Лариса Сергеевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tikhomirova.lar@yandex.ru

Черноусова Анастасия Степановна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
nastya-chernous@mail.ru

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В данной статье рассматриваются стратегии и тактики речевого воздействия, применяемые в научно-техническом рекламном тексте, который только еще становится объектом пристального внимания лингвистов. С помощью лингвопрагматических приемов, реализующихся в рамках коммуникативно-прагматического подхода, выявляются закономерности взаимодействия языковых личностей и использования языковых средств, обеспечивающих прагматическую направленность текстов данной сферы коммуникации.

Ключевые слова: научно-технический рекламный текст, научно-техническая реклама, стратегии и тактики в рекламной коммуникации.

Научно-технический рекламный текст как лингвистическое явление сравнительно недавно стал объектом интереса современной лингвистики. Обзор трудов в соответствующей области знания позволяет детально рассмотреть рекламный текст в различных аспектах: структурно-семантическом, прагматическом, психолингвистическом, сопоставительном и др. Многогранность и разноплановость подходов к изучению текста рекламы объясняется, на наш взгляд, существенной ролью, которую реклама играет в жизни современного человека. Следует заметить, что ряд ученых, таких как Т.Б. Ерохина, А.Н. Лебедев, П.Н. Махнин и др., по степени воздействия на читателя сравнивают рекламу с религиозными и мифологическими культами [Махнин 2005: 36; Шестакова 2005].

Сегодня в лингвистике нет четкой дефиниции научно-технического рекламного текста. Мы придерживаемся трактовки Р.А. Ивановой, которая понимает научно-технический рекламный текст как «текст, содержащий информацию о потребительских свойствах научно-технических изде-

лий с целью продвижения данного продукта на потребительском рынке» [Иванова 2012: 163].

Проблема эффективности речевого сообщения в научно-технической рекламе чрезвычайно актуальна на современном этапе развития коммуникативистики, поскольку основная задача рекламодателя в этом процессе – предопределить развитие ситуации общения таким образом, чтобы вызвать определенные изменения в поведении потенциального партнера по коммуникации.

Научно-техническая реклама (далее - НТР) как интерактивное общение представляет собой, с позиции лингвоперсонологического подхода (за основу берется концепция Н.Д. Голева) [Голев 2004], взаимодействие языковых личностей в определенном персонологическом пространстве – в сфере науки и техники. Языковые личности, иницирующие общение (субъект речи - автор текста и выступающий в качестве реципиента – адресат речи), являются активными участниками коммуникативного процесса. Они, руководствуясь своими мотивами, целями, установками, стараются удовлетворить потребности друг друга. Субъект речи воспринимает адресата не как пассивный объект, а как активного участника коммуникации. Это означает, что в НТР имеют место субъект-субъектные отношения, строящиеся на взаимодействии, взаимопонимании.

На основе своих представлений и предположений относительно адресата, субъект речи (автор) НТР старается «угодить» своему собеседнику, его запросам и потребностям. Иначе говоря, он приспосабливается к адресату, реализуя свою многогранность. Субъект речи надевает на себя различные «маски», создавая нужный ему образ, имидж «себя»: имидж представляет собой специфический образ воспринимаемого объекта, лица, когда ракурс восприятия умышленно смещен [Шестакова 2008: 21]. В этом плане в НТР наблюдаются следующие варианты речевого поведения субъекта речи: автор текста может действовать настойчиво, убедительно, в императивном тоне. В этом случае он предстает как **Профессионал**, которому можно доверять:

Все возможности (сварочной) дуги... Она (дуга) вам нужна! Ее легко использовать. Расходы на нее окупятся. Очень скоро.

Или: *Существует два типа газовых баллона для системы питания на сжиженном газе: цилиндрические и торосферические (по форме запасного колеса) В частности, завод «Калининградгазавтоматика» выпускает комплекты газового оборудования, предусматривающие использование цилиндрических баллонов вместимостью... Фирма Stako S.C. (Польша) выпускает около 40 вариантов как цилиндрических, так и торосферических баллонов для сжиженного газа [реклама газовых баллонов <http://www.osl.ru/article/service/2007>].*

Из представленных текстов мы видим, как автор убедительно констатирует особенности товара и его производителя.

Субъект речи может вести себя как **Друг**, со всей готовностью помочь своему «сослуживцу» в его проблемах, приводя убедительные факты и аргументы в пользу приобретения рекламируемого товара. Например: ***Компания ASI располагает решением проблем применительно к вашей индустрии! Мы можем помочь вам снизить расходы на ваш инвентарь (оборудование), материалы и на оплату труда.***

Автор текста может психологически выступить выгодным **«Партнером»**: ***Для продаж предлагается широкий список маркетинговых исследований, проведённых в последние годы без эксклюзивных ограничений клиента. Стоимость этих тиражируемых маркетинговых обзоров на порядок ниже, чем на новые исследования*** [реклама Абонентского обслуживания http://www.bci-marketing.ru/2002/a_26.htm].

На основе вышесказанного можно заключить, что субъект речи вычисляет тип адресата и, подыгрывая ему, создает соответствующий образ «себя». Так осуществляется манипулятивная функция языка НТР. Поскольку этот образ определяет построение текста, то можно сказать, что тип субъекта речи определяет тип текста НТР.

В рамках рекламного текста субъект речи (автор) создает образ идеального адресата, который, по его мнению, мог бы эффективно включиться в коммуникацию, найти с ним «психологическую совместимость».

В процессе когнитивного моделирования образа адресата автор рекламного текста как бы «расщепляет» личность воображаемого собеседника на отдельные аспекты. Адресат предстает в сознании субъекта речи то как «профессионал», то как «реальный человек», то как «психологический субъект» [Иванова 2012: 24]. Иными словами, субъект речи воспринимает адресата как сложное явление, «поворачивающееся» к нему своими разными «гранями». Исходя из своего представления об адресате, субъект речи рисует возможные варианты отношения адресата в «его множестве лиц» к его рекламному тексту.

Таким образом, в сознании автора проверяются разные варианты предполагаемых реакций отдельных «составляющих» личности адресата на рекламное обращение. Поэтому автор рекламного текста должен учитывать все аспекты своего рекламного сообщения, считаясь с запросами каждого из «лиц» адресата и стараясь каждому из них угодить. Сознательно или бессознательно автор НТР (текста) создает образ адресата согласно своим представлениям о его компетенции в данной сфере рекламы, о его запросах и потребностях, о его возможностях воспринимать и понимать рекламный текст.

Кроме образа адресата, автор для реализации своей цели создает *образ рекламируемого продукта*. Известно, что автор НТР «моделирует заманчивый образ товара (рассчитанный на то, чтобы вызвать нужные для реализации коммуникативной задачи эмоциональные реакции адресата), умышленно смещает ракурс восприятия: он, включая эмоциональные апелляции к положительным сторонам товара, тем самым отводит адресата от фактических свойств товара» [Беклешов 1999: 67]. Автор рекламного текста предлагает не реальный товар со всеми достоинствами и недостатками, а некий «образ» идеального товара, полностью соответствующий, как он полагает, запросам адресата, т.е. между рекламным образом и реальным объектом существует определенный «разрыв достоверности».

Образ товара строится на сочетании нескольких «составляющих». Так, обратимся к рекламному тексту газонаполнительной станции УГНС [<http://dioksid.ru>], в котором можно выявить несколько составляющих: 1) Составляющая, идентифицирующая **характеристики товара** технологического и газового плана. *Универсальная высокотехнологичная газонаполнительная станция УГНС (азотная установка).* 2) Составляющая, характеризующая **свойства** товара: *В комплект УГНС входят мощнейшие поршневые насосы, оснащенные современной системой охлаждения, позволяющей сократить потерю сырья. Установка оснащена новейшей системой управления.* 3) Составляющая, характеризующая **производительность товара**: *УГНС имеет высокие показатели производительности, износостойкости и может применяться в самых суровых условиях внешней среды. Температурный режим работы установки от -60°С до +45°С.* 4) Составляющая, характеризующая **конкурентоспособность** товара: *Преимущества азотной технологии освоения скважин: освоение скважин с большим отбором скважинной жидкости...; снижение уровня скважинной жидкости от 0 до 3500 м....* *Универсальная высокотехнологичная газонаполнительная станция УГНС – одна из последних уникальных разработок компании «Диоксид» в нефтегазовой отрасли.* 5) Составляющая, связанная с созданием соответствующего образа фирмы, ассоциируемым с качеством товара. Образ фирмы строится различными способами: сообщением информации, свидетельствующей о хорошей репутации фирмы, или даже о ее лидерстве в сфере ее функционирования, о длительности периода времени существования этой фирмы, о тенденциях ее развития и др.: *Применение УГНС компании «Диоксид» в нефтегазовой отрасли делает значительно эффективнее такие процессы, чем другие производители.*

Все составляющие образа товара нацелены в своем воздействии на адресата-профессионала, так как при покупке каждый из этих аспектов

товара оценивается соответствующим специалистом, входящим в коллегию специалистов по покупке товара.

Из вышесказанного следует, что, исходя из ориентировки в социальной ситуации, а также цели, условий и средств общения, автор текста НТР определяет свою коммуникативную задачу с учетом опыта, знаний, интересов адресата, т.е. осуществляет внутреннее смысловое программирование, формирует замысел текста. Личностное начало, связанное с творческой установкой автора текста, в целях повышения степени воздействия научно-технического рекламного текста на потребителя находит свое отражение в композиции текста, в отборе языковых и паралингвистических средств, в стиле текста, что свидетельствует о непосредственном влиянии прагматической установки субъекта речи на построение текста НТР.

Библиографический список

Беклешов Д. В. Реклама в промышленности. М: Экономика, 1999. 482с.

Голев Н. Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.): Тр. и матер. М.: Изд-во МГУ. 2004. С. 15–16.

Иванова Р. А., Филиппова С. Ю. Функциональная нагрузка текста научно-технической рекламы // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського. 2012. № 14. С. 161–168.

Махнин Н. П. Психолингвистические аспекты воздействия рекламных текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. М. 2005. 204 с.

Шестакова И. Г. Лингвопрагматический аспект научно-технической рекламы // Филология и человек. 2008. № 3. С. 18–30.

L.S. Tikhomirova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

A.S. Chernousova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

SCIENTIFIC AND TECHNICAL AD COPY IN COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

This article discusses the strategies and tactics of speech influence, used in scientific and technical advertising text, which has only become the object of attention of linguists. With the help of linguopragmatic techniques implemented in the framework of communicative-pragmatic approach, the regularities of interaction of linguistic personalities and the use of language tools that provide a pragmatic orientation of the texts of this sphere of communication are revealed

Key words: scientific and technical advertising text, scientific and technical advertising, strategies and tactics in advertising communication.

УДК 81'38/42:070:004

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
krizh@psu.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ПЕРМСКИЙ КРАЙ» В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

В статье характеризуется содержательная и языковая специфика текстов молодежного интернет-сообщества политической направленности. На материале интернет-текстов пермского отделения «Молодой Гвардии Единой России» в популярной социальной сети «ВКонтакте» рассматриваются тематические особенности сообщества, описывается использование авторами интернет-текстов совокупности разнородных языковых, стилистических и риторических средств в процессе создания постов актуальной политической проблематики. Статья содержит вывод о том, что интернет-тексты данной сетевой группы создаются прежде всего для активной пропаганды деятельности правящей политической партии Российской Федерации и привлечения в ее ряды потенциальных молодых политических приверженцев.

Ключевые слова: политическая интернет-коммуникация, социальные сети, сетевое сообщество, языковые средства, риторические приемы.

Общеизвестно, что современный этап развития политической коммуникации непосредственно связан с освоением интернет-пространства как новой площадки для сообщения актуальной политической информации, общения и взаимодействия между последователями определенной политической доктрины, приверженцами общественно-политической партии или движения. Как полагают исследователи А.В. Абрамов и С.Н. Федорченко, «стремительная виртуализация нынешнего общества позволяет выделить новую сетевую легитимацию – механизм обеспечения легитимности политической власти посредством новейших сетевых технологий Интернета» [Абрамов, Федорченко 2016: 117-118].

Одной из таких современных технологий являются сайты социальных сетей, обладающие такими особенностями, как: получение информации от других членов сообщества, возможность коммуникации с единомышленниками, презентация своих идей, самопрезентация и самоутвер-

ждение в определенном сообществе. Значимым представляется и тот факт, что «умение пользоваться современными информационными технологиями позволяет опытным интернет-пользователям использовать социальные сети для формирования политической карьеры» [Козырева 2015: 56]. В этой связи изучение способов информирования молодых избирателей о деятельности правящей партии «Единая Россия» и методов вовлечения новых приверженцев в ее ряды посредством использования тематического сообщества в социальной сети представляется актуальным.

Исследование проводилось на материале текстов пабликов пермского регионального отделения Молодой Гвардии Единой России (МГЕР), размещенных в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/mgerperpm) за период с 27 февраля 2019 года по 27 марта 2019 года. Как известно, Пермское отделение Молодой Гвардии Единой России представляет собой одно из региональных отделений молодежного ответвления правящей российской партии. Сообщество Пермского отделения МГЕР в социальной сети «ВКонтакте» в настоящее время насчитывает 3335 подписчиков. На главной странице аккаунта представлен девиз сообщества «*Дело. Дерзость. Доверие. Долг*», рядом с логотипом МГЕР размещен призыв: «Действуй с нами! Присоединяйся!» – и краткая характеристика Пермского регионального отделения «Молодой гвардии» ЕР. Аккаунт политического сообщества имеет такие разделы, как: *Присоединиться к МГЕР*, *Подписаться*, *Узнать подробнее*; содержит 32 виртуальных фотоальбома, 38 гиперссылок на районные отделения МГЕР в Пермском крае, 11 аудиозаписей и ссылок на контакты руководителей Пермского отделения МГЕР. За период с 27 февраля по 27 марта 2019 года в анализируемом сообществе было размещено 44 поста протяженностью от 42 до 434 слов.

Очевидно, что размещаемые в анализируемом сообществе интернет-тексты отражают общественно-политическую проблематику и направлены на пропаганду деятельности молодежной организации Единой России. Так, например, интернет-тексты сообщества пермского регионального отделения МГЕР во «ВКонтакте» в феврале – марте 2019 года были посвящены празднованию памятных дат и содержали поздравления с различными международными праздниками (Всемирным днем театра, Днём воссоединения Крыма с Россией, Международным женским днем 8 Марта и др.). Просматривая посты сообщества за этот период, интернет-пользователи имели возможность познакомиться с краткими отчетами об участии активистов МГЕР как в проектах, инициированных самим отделением (например, в общественном мониторинге в медицинских учреждениях г. Перми, рейдах по магазинам в рамках проекта «Гвардейские инспектора»; шествии в честь международного дня за права женщин «Доро-

гая, ты права!»; акции «Вам, любимые!»), так и в краевых и городских общественных мероприятиях, а также в акциях, которые проводились под руководством членов партии «Единая Россия» («Народный контроль»; турнир по дворовому мини-футболу «ФутбольныйBoom2019»; XXV Фестиваль спорта инвалидов в рамках Краевого Параолимпийского спортивного фестиваля и др.).

Безусловно, основное внимание авторы данных интернет-текстов уделяют тем ежедневным мероприятиям, инициаторами и непосредственными участниками которых являются сами молодогвардейцы, например: проведение XI отчетно-выборной конференции Пермского регионального отделения МГЕР; организация дискуссии в пермской школе №132 на тему «Как изменился Крым после присоединения к Российской Федерации»; осуществление политической акции в Добрянке, посвященной присоединению Крыма к России; проведение в Перми поэтического вечера, посвященного творчеству С. Есенина «И тот, чье имя берегу»; участие в мероприятии в честь Международного дня человека с синдромом Дауна; оказание помощи пенсионерам г. Перми; контрольная закупка совместно с полицией спиртных напитков в Кизеле и др.

Наряду с перечисленным, в интернет-текстах сообщества находят отражение интересные сведения из биографий известных российских общественных и политических деятелей (П.А. Астахова, Г.О. Грефа, Н.В. Поклонской, И.А. Яровой); информация о любопытных фактах из истории развития Интернета, Перми и вариантах гимна МГЕР; реклама некоторых популярных книг, посвященных политической и экономической проблематике; копи-посты сообщений из других интернет-источников.

Совершенно закономерно, что характер используемых языковых и стилистических средств интернет-текстов сообщества обусловлен как задачами создания данного политического сообщества, так и спецификой целевой аудитории, в качестве которой выступает молодежь Пермского края. Изучение записей в паблике свидетельствует о том, что эти тексты создаются с учетом возрастных особенностей молодежной аудитории в том числе потому, что, по-видимому, сами авторы текстов относятся к этой возрастной группе интернет-пользователей.

Анализируемые тексты содержат языковые единицы разных систем и стилистических пластов современного русского языка. В первую очередь в текстах активно используется **общественно-политическая лексика**: *активисты, анархо-синдикализм, всероссийская общественная организация, выдвинуть кандидатуру на пост, государственный деятель, декларирование доходов, депутат, законодательные идеи* и др.

На наш взгляд, высокая частотность употребления в исследуемых текстах общественно-политической лексики не только связана с общим тематическим содержанием записей сообщества, но и обусловлена прежде всего задачами, которые пытаются решать активисты МГЕР в целом, а именно: 1) регулярно информировать молодых жителей Перми и Пермского края о политических акциях, социальных и культурных проектах, которые проводятся по инициативе Пермского регионального отделения МГЕР и силами ее активистов; 2) привлекать молодое население края к участию в конкретных делах и тем самым повышать престиж участия в общественно-полезных мероприятиях города, края, 3) показывать молодежи возможности и перспективы осуществления политической карьеры, 4) укреплять имидж правящей партии; наконец, 5) вовлекать в ряды партии новых сторонников.

Реализации названных задач способствуют и активно используемые **клише газетно-публицистического стиля**, например: *бросать вызов, бюрократическая машина государства, весь российский народ, возглавить движение, дать старт новому проекту, исторический экскурс* и мн. др. Как отмечает Т.В. Матвеева, «основная сфера, в которой рождаются и меняются речевые штампы, – это язык средств массовой информации» [Матвеева 2003: 574]. В качестве основной причины появления в текстах речевых клише исследователем называется «широкая доступность и условия производства (необходимость быстрого составления текстов) газетной и другой периодики» [Там же: 574]. По-видимому, активное употребление речевых штампов газетного стиля авторами постов объясняется не только необходимостью ежедневного размещения новых текстовых материалов в аккаунте, но и тем, что речевые клише представляют собой своего рода готовые формы мысли и речи, которые позволяют без неоправданных усилий быстро создавать тексты на актуальную тематику.

Возможно, реализации названной выше задачи подчинено применение в анализируемых текстах устойчивых **слов и выражений официально-делового стиля**, таких как: *дети, оставшиеся без попечения родителей; мало защищенные слои населения, маломобильные группы, нуждающиеся, оказать помощь* и др.

Рассмотренные выше речевые средства свидетельствуют об определенной стандартизованности интернет-текстов политического сообщества. В то же время отметим и средства выражения экспрессивности. Реализации этого качества речи способствует употребление авторами постов жаргонных выражений (*висят* (компьютерные – Е.К.) *программы, ламповая атмосфера, театралы*), разговорных и просторечных речевых единиц (*мостики, отшлепать, печеньки, развеять туман, россиянка*), конструк-

ций разговорного синтаксиса. Примечательно, что наиболее частотными в текстах анализируемого политического сообщества являются такие синтаксические конструкции, как: ряды однородных членов, восклицательные и вопросительные предложения, простые двусоставные предложения, номинативные предложения и др. Иллюстрацией сказанному может служить следующий текстовый фрагмент, размещенный в аккаунте сообщества 13 марта 2019 года:

«Интересуешься творчеством Сергея Есенина? Хочешь прочитать его стихи или просто послушать других? Тебе просто нечем заняться вечером 21 марта? Тогда приходи на поэтический вечер “И тот, чьё имя берегу”! В программе мероприятия: •Увлекательная концертная программа •Открытый микрофон •Время для свободного общения •А главное: чай, печеньки и ламповая атмосфера! Приходи, и не забудь позвать друзей!» (13.03.2019)

В представленном выше фрагменте использованы вопросительные и восклицательные предложения, глаголы в форме повелительного наклонения (*приходи, не забудь*), ряды однородных подлежащих и сказуемых, жаргонное выражение *ламповая атмосфера* и просторечное слово *печеньки*. Текст, часть которого организована как рубрицированный список, содержит ряд грубых пунктуационных ошибок.

Необходимо отметить, что в ходе исследования текстов были выявлены многочисленные речевые ошибки разных видов: орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические, что, на наш взгляд, отражает недостаточно высокий уровень грамотности авторов текстов. Речевые ошибки могут служить доказательством того, что тексты сообщества Пермского отделения МГЕР во «ВКонтакте» создаются в основном активистами этой молодежной организации и не подвергаются корректуре. Отмеченное явление, очевидно, препятствует эффективному восприятию интернет-текстов данного политического сообщества.

Подводя предварительные итоги анализа содержательных и стилистических особенностей политического сообщества «Молодая гвардия. Пермский край» в социальной сети «ВКонтакте», отметим, что речевая специфика интернет-текстов данной сетевой группы формируется в результате использования разнородных языковых и стилистических средств, отражает общий уровень речевой культуры авторов, объясняется фактором учета целевой молодежной аудитории и служит практическим целям привлечения потенциальных политических приверженцев партии «Единая Россия».

Библиографический список

Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. №1. С. 115–121.

Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические науки и социология. 2015 № 2 (62). Т. 2 С. 56–59.

Матвеева Т.В. Речевой штамп // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: наука, 2003. С. 574–575.

Молодая Гвардия Единой России. История организации [электронный ресурс]. URL: <https://mger2020.ru> (дата обращения: 27.03.2019).

Молодая гвардия Пермский край [электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/mgerperm> (дата обращения: 27.03.2019).

E.M. Krizhanovskaya

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

CONTENT AND STYLISTIC FEATURES OF THE POLITICAL COMMUNITY “THE YOUNG GUARD. PERM REGION” IN THE SOCIAL NETWORK “VKONTAKTE”

The article describes the content and language characteristics of the texts produced by the youth political Internet community. On the basis of the Internet texts produced by the Perm branch of the “Young Guard of United Russia” in the popular social network “Vkontakte” the author examines the thematic features of the above-mentioned political community. The author describes a set of diverse linguistic, stylistic and rhetorical means used by the Internet texts’ authors in the process of creating posts on current political issues. The author comes to the conclusion that the Internet texts of this online community are created primarily to actively promote the activities of the Russian Federation ruling political party and attract potential young political adherents to its ranks.

Key words: political Internet communication, social networking, online community, language features, rhetorical means.

Куличкина Галина Васильевна
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
kulgv@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАТИВНЫХ МЕДИА

Региональные корпоративные медиа на современном этапе ищут способы расширения своей аудитории и упрочения каналов массовой коммуникации с внешней и внутренней общественностью. Такая позиция приводит к ряду особенностей в функционировании региональных корпоративных медиа. На первый план выходят идеологическая и гармонизирующая функции массовой коммуникационно-информационной деятельности, что выражается в повышенном внимании к тематике взаимодействия предприятия с партнерами, инвесторами и властью, тематике трудовых отношений внутри корпорации, к освещению семейно- корпоративного досуга.

Ключевые слова: корпоративные медиа, функции, регион.

В современных условиях значительно расширилась сфера информационно-коммуникативной деятельности корпораций. Возрастает их социальная ответственность за влияние на общественное сознание. Между тем среди исследователей нет единой точки зрения на информационно-коммуникативные функции корпоративных СМИ. Это заставляет ученых пристальней взглянуть в природу корпоративных медиа, чтобы максимально полно понять их феномен.

В науке сложилось несколько школ изучения корпоративных масс-медиа. Среди них стоит обратить внимание на труды Французской школы связей с общественностью в лице одного из ее основателей Люсьена Матра. Цель индустриальных и финансовых организаций, по мнению Л. Матра, экономическая, но конечный результат должен быть гуманистического свойства. В результате во Франции получила распространение доктрина «предприятия-гражданина», призванная определять место компаний в общественном развитии в целом, а не только в экономических и производственных отношениях (цит. по: [Энциклопедия 2009: 151]). Эта доктрина оказалась близка многим российским журналистам-практикам, сохраняющим опыт советских многотиражек с их попытками дать картину социалистического производства «с человеческим лицом». Среди российских ученых определением сущности информационно-коммуникативной деятельности современных корпоративных медиа зани-

мались многие исследователи, назовем труды Н.Г. Витковской [Витковская 2017], Л.С. Агафонова [Агафонов 2008], Д.А. Мурзина [Мурзин 2005], Л.М. Семеновой [Семенова 2017: 99-104] Ю.В. Чемякина [Чемякин 2006], М.Г. Шилиной [Шилина 2012] и др.

В определении понятия *Корпоративные СМИ* или *масс-медиа* мы опираемся на Ю.В. Чемякина: «Корпоративное СМИ – это периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, Интернет-сайт, Интернет-портал или иная форма периодического распространения информации, служащая интересам определенной корпорации, созданная по ее инициативе и предназначенная, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации» [Чемякин 2006: 180]. В этом определении учитываются такие основополагающие характеристики: значение учредителя издания, журналистская специфика информационной деятельности, аудиторные притязания корпоративных СМИ и их формы.

Традиционно по аудиторному основанию принято среди корпоративных медиа различать следующие типы информационно-коммуникационной деятельности: b2p (business-to-personnel) – предназначенные для сотрудников компании; b2c (business-to-client) – для клиентов компании; b2c (business-to-customers) – для потребителей ее продуктов или услуг; b2b (business-to-business) – СМИ, ориентированные на бизнес-партнеров. Д.А. Мурзин эту англоязычную терминологию закономерно предлагает перевести на русский язык: «внутрикорпоративные издания», «издания для внешней аудитории», «смешанные издания», «бывшие многотиражки» [Мурзин 2005: 45].

В отечественной науке выделяются, в зависимости от тематико-содержательных особенностей следующие основные функции корпоративных медиа: информационная, социальная, ценностно-осмысляющая (тяготеющие к журналистской деятельности), – и функции связей с общественностью: имиджевая, мотивационная, гармонизирующая. Есть функции, которые равно важны для обеих сторон массово-информационной деятельности корпоративных медиа: организационно-управленческая, идеологическая, образовательная, рекреативная. Один из главных трендов современных крупных зарубежных и отечественных медиа – глобалистское стремление обрести широкую массовую аудиторию в качестве клиентов для потребления корпоративных услуг и товаров. Большое внимание уделяется молодежи как главной аудитории, и с этой целью в контент корпоративного медиа вносится молодежная тематика и формируется сознание молодежи с учетом ценностей корпорации.

Каковы на этом фоне особенности функционирования региональных корпоративных медиа? Объектом нашего исследования стали корпоративные медиа Пермского края за январь-май 2017–2019 гг. В регионе около

40 открытых для широкой публики корпоративных медиа, в основном это пресса промышленности, правоохранительной, банковской, образовательной, торговой и других сфер деятельности.

Для исследования особенностей функционирования региональной корпоративной прессы было отобрано 15 корпоративных газет, активно работающих в течение последних 10 лет и участвующих во всероссийских отраслевых и краевых конкурсах корпоративных СМИ. Среди них представляющие оборонную промышленность – газета «Кировец», авиационную промышленность – «Пермские моторы», строительную промышленность – «Пермские строители», нефтяную промышленность – «Пермская нефть», тяжелое машиностроение – «Мотовилихинский рабочий», «Машиностроитель» (ОАО «Инкар»), «Чусовской рабочий», «Заводская трибуна» Соликамского завода «Урал», бумажную промышленность – газета «Бумажник» Соликамскбумпрома, газовую промышленность – газета «Газэкспресс» – ООО Пермтрансгаз из г. Чайковского, химическую промышленность – «Азотчик» Березниковского филиала «Азот» АО «ОХК «Уралхим», «Соль земли» – «Уралкалия» из Березников, «Химия без границ» – ПАО «Метафракс» г. Губаха; корпоративная газеты в сфере образования – «Пермский университет» ПГНИУ, «Медик Урала» – ПГМА.

Функционирование пермских корпоративных газет рассчитывалось по методике частотного контент-анализа текстов. Особенности данного метода как количественно-качественного изучения содержания текстов описаны в научных трудах петербургской и московской школ журналистики (С.Г. Корконосенко, Л.Г. Свитич). Этот метод применялся в комплексном исследовании – при сравнении текстов с интересами аудитории, программирующими намерениями редакций, мнениями журналистов по поводу значимости освещения тех или иных проблем и т.п. Использовались личные наблюдения автора как члена жюри краевых конкурсов журналистского мастерства. Полученные при этом результаты интерпретируются по частоте использования того или иного контента с точки зрения его функционирования.

Приведем результаты сравнительного анализа особенностей функционирования корпоративных газет на основе пяти изданий – лидеров журналистских конкурсов Пермского края, где наиболее характерно проявлены искомые черты: «Химия без границ», «Пермские моторы», «Кировец», «Бумажник», «Чусовской металлург».

Выяснилось, что особенности функционирования региональных корпоративных газет проявляются в преимущественной опоре журналистов на идеологическую, информационную, мотивационную и социальную функции: Идеологическая функция прослеживается в информационных материалах об актуальных производственных задачах предприятия,

даются интервью с первыми руководителями о развитии производства, рассказывается о встречах руководства предприятия с представителями власти, партнерами, говорится о необходимости слаженной высокопрофессиональной работы всех служб и цехов. Информационная функция реализуется в подборках новостей предприятия, отмечающих успехи отдельных служб, отдельных лидеров производства, достижений на уровне региона, России, в международном масштабе. Мотивационная представлена подборками заметок для работников предприятия об условиях повышения зарплаты или премирования за отличную работу, о социальных льготах, имеющихся на предприятии, информационными заметками о курсах повышения квалификации, о семинарах и деловых играх, конкурсах профессионального мастерства. Социальная функция, как правило, связана с рассказами о человеческом потенциале предприятия. Газеты в этом случае дают зарисовки о героях труда, предприятии, о трудовых династиях, мастерах своего дела, наставниках молодых рабочих. Названные особенности функционирования отражают в целом нацеленность региональных корпоративных СМИ на внутрикорпоративные связи с общественностью. Региональные отечественные корпоративные медиа с преобладанием данных функций тяготеют сразу к двум таким типам деятельности, как business-to-personnel и business-to-business. В таком случае можно говорить о расширении аудитории как глобальном тренде, проявляющемся в регионе, и о гибридном типе корпоративного СМИ.

Замечено, что чем крупнее промышленное предприятие, тем чаще в контенте газеты прослеживаются мотивационная и идеологическая функции, потому что в крупных городах наблюдается высокий уровень миграции трудовых ресурсов и управленческому аппарату приходится в этих условиях следить за сплочением коллектива вокруг производства, за профессионализмом кадров, их отношением к условиям труда. Информационная функция направлена на информирование о событиях в рамках предприятия. Таковы газеты «Пермские моторы», «Бумажник», «Химия без границ», «Кировец». На градообразующих предприятиях регионального масштаба (малые города края) корпоративные медиа меньше занимаются мотивацией аудитории к труду, так как вариантов трудоустройства гораздо меньше и каждый работник изначально «держится за место». Здесь особенно заметно стремление корпоративной газеты к расширению целевой аудитории и выполнению функций городской массовой общественно-политической газеты. Таковы газеты «Чусовской рабочий» (г.Чусовой), «Газэкспресс» (г.Чайковский). Что касается имиджевой функции, то она в данном исследовании по частоте использования размещалась в середине общего списка. На последнем месте оказались культурно-просветительная и рекреационная функции.

Анализ особенностей функционирования отечественных региональных корпоративных медиа на современном этапе свидетельствует, что они в основном развивают традиции советских многотиражек. Владение новыми информационными технологиями и профессиональный уровень подготовки кадров позволяют использовать современные методы и формы (социальные сети) формирования имиджа предприятия и расширения целевой аудитории. Идея «предприятия-гражданина» реализуется с помощью гармонизирующей функции. Для дальнейшего развития региональных корпоративных медиа можно рекомендовать журналистам активнее опираться на функции корпоративной культуры: просветительскую и культурно-досуговую.

Библиографический список

Агафонов Л.С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности. Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2008. 24 с.

Витковская Н.Г. Понятие корпоративных СМИ и основные подходы к их систематизации // Вестник ВУиТ. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-korporativnyh-smi-i-osnovnye-podhody-k-ih-sistematizatsii> (дата обращения: 01.05.2019).

Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. М.; Хроникёр, 2005. 188с.

Семенова Л.М. Понятие целостной концепции корпоративного издания // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tselostnoy-kontseptsii-korporativnogo-izdaniya> (дата обращения: 01.05.2019).

Шилина М.Г. Корпоративные интернет-коммуникации в системе связей с общественностью/ М. Г. Шилина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. №1. С.100.

Чемякин Ю.В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс Пи», 2006. 184с.

Энциклопедия паблик рилейшнз / Ж. Сегела, Т. Лебедева, А. Ситников, Ж.-П. Бодуан. М.; Париж: IEERP – L'Harmattan, ИМИДЖ-Контакт, 2009. 296 с.

G.V. Kulichkina

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

FEATURES OF FUNCTIONING OF REGIONAL CORPORATE MEDIA

At the present stage, regional corporate media are looking for ways to expand their audience and strengthen channels of mass communication with external and internal public. This position leads to a number of features in the functioning of regional corporate media. The ideological and harmonizing functions of mass communication and information activities are coming to the fore, which is expressed in increased attention to the subject of enterprise interaction with partners, investors and government, the subject of labor relations within the corporation, and the coverage of family and corporate leisure time.

Key words: corporate media, functions, region.

Масальцева Татьяна Николаевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alba@mail.ru

Головачев Арсений Александрович
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
capitohka@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НА ПРИМЕРЕ РБК

В статье рассматриваются особенности взаимодействия современных российских СМИ и государственных структур, специфика системы государственного контроля и цензуры отечественных изданий. Анализ сопровождается характеристикой информационной политики крупных частных медиахолдингов. Исследуются особенности взаимодействия СМИ и государства, история медиахолдинга РБК и причины его закрытия.

Ключевые слова: государственные СМИ, независимость СМИ, либеральные СМИ, цензура, плюрализм мнений.

Средства массовой информации и государство находятся в сложных взаимоотношениях, зависящих от политической ситуации, государственного режима и конъюнктуры медиа-бизнеса. Именно процесс выстраивания двухсторонних отношений между государством и СМИ интересовал нас при проведении исследования.

Цель властных структур в информационном пространстве заключается в обосновании легитимности самих себя, собственных целей и своих действий через получение поддержки общества. Для этого власти необходим инструмент воздействия на общественные массы, и власть видит его в том числе в СМИ.

СМИ, в свою очередь, при взаимодействии с властными структурами преследуют цели удовлетворения информационных потребностей общества, рефлексии и публичного выражения общественного мнения. В то же время деятельность СМИ направлена на получение дохода. Таким образом, взаимодействие властных институтов и медиа-сферы является противоречивым процессом, что обуславливается наличием собственных интересов у этих структур.

По мнению исследователей, рассматривающих взаимоотношения СМИ и властных структур, взаимодействия указанных институтов могут выстраиваться по разным моделям: авторитарной, либертианской, модели социальной ответственности, советской модели [Сиберт, Шрам, Питерсон 1998]. Эта систематизация вряд ли отражает реальное положение дел: «Западные СМИ ориентируются на легальные стереотипы и твердо придерживаются границ политкорректности. Органы самоконтроля западных СМИ достигли такого уровня самоцензуры, который был бы невозможен в случае прямого контроля государства» [Тарусин, Федоров 2009: 5].

С началом экономических преобразований в нашей стране, суть которых свелась к внедрению рыночных отношений в экономику, российские СМИ не смогли сохранить своей функции объективных источников информации: «СМИ не были готовы к деятельности в новых условиях. Из-за резко увеличившихся финансовых затрат на содержание российские СМИ попали вначале в экономическую, а чуть позднее и в политическую зависимость или от органов власти, сохранивших свое участие на рынке СМИ, или от бизнеса, взявшего прессу на свое содержание и определившего ей роль проводника и защитника своих интересов» [Марков 2012: 91]. Во времена перестройки плюрализм СМИ декларировался государством, СМИ какое-то время находились в руках разных структур и персон, которые преследовали разные цели. Например, медиа-ресурсы, принадлежащие известному российскому коммерсанту Борису Березовскому, имели возможность публиковать материалы, критикующие отдельных лиц в государственном аппарате. К концу первых 10 лет существования Российской Федерации медиа-рынок систематизировался, разнообразие политических и гражданских настроений в СМИ исчезло.

Особенности взаимоотношения институтов СМИ и государства сегодня выглядят следующим образом: российские средства массовой информации находятся в прямой и опосредованной зависимости от государственного аппарата, что тормозит развитие отрасли в целом.

Одним из примеров конфликта интересов СМИ и государственных структур можно назвать ситуацию взаимоотношений редакции РБК с государством в период 2015-2016 годов, когда медиа-холдинг РБК опубликовал ряд журналистских публикаций в жанре расследования, вызвавших вмешательство государственных структур в деятельность редакции.

Канал РБК на протяжении нескольких лет являлся своеобразным эталоном информационной политики для российских деловых изданий, так как предоставляемая им информация имела взвешенный и непредвзятый характер, опиралась на конкретные факты и точные цифры. Журналисты РБК на эксклюзивных правах присутствовали на официальных публичных мероприятиях государственного значения, получали на них аккредитацию. Поэтому РБК являлось средством популяризации и освещения новостей, связанных с коммерцией, финансовыми инструментами.

Конфликт с государственными структурами, последующее реформирование редакции и смена собственника во многом объясняются профессиональными амбициями редакционной команды канала под руководством Елизаветы Осетинской (2015-2016), когда в РБК вышло несколько резонансных материалов: «Расследование РБК: кто стоит за расширением МГУ», «Расследование РБК: как строит бизнес семья Шамаловых», «“Панамский архив”: как СМИ вскрыли гигантскую сеть офшоров по всему миру», «Напротив “дворца Путина” под Геленджиком начнут разводить устриц», «Сечин попросил правительство защитить “Роснефть” от ВР».

Причин недовольства этими публикациями государственными структурами было несколько: освещение деятельности чиновников, государственных служащих, высокопоставленных лиц в государственных компаниях, отрицательная оценка их деятельности, упоминание первого лица государства и др. В выделенных публикациях авторская оценка ситуации не была прямой, выраженной с помощью эмоциональной лексики, она создавалась лишь приемами отбора и группировки фактов при составлении материала. Именно группировка фактов создавала определенное мнение читателя об объекте, которому был посвящен материал: наиболее заметные и критикуемые материалы были связаны с именем действующего президента РФ Владимира Путина и возможных членов его семьи.

Рассмотрев журналистские материалы, вызвавшие негативную реакцию, вынудившую владельца РБК Михаила Прохорова продать свой медиа-холдинг, можно прийти к выводу: любое описание деятельности властных структур, в том числе с элементами критики, возможно для российских СМИ в том случае, если это не затрагивает интересы определенного круга лиц или же не характеризует эти лица негативно. «Обезличенная» критика органов власти или государственных структур возможна, если СМИ обеспечено материально (готово к судебным издержкам) или имеет среди учредителей или руководства людей, имеющих определенный вес в государственных кругах или соответствующие финансовые возможности.

В развитых демократических странах Запада средства массовой информации подвержены не вертикальной регуляции, но саморегуляции, которая, в свою очередь, поддерживается устоявшейся многолетней сферой медиабизнеса. Такой системе присуща частичная самоцензура. Саморегуляция системы российских СМИ возможна при соблюдении следующих условий: 1) возможности зарабатывать деньги самостоятельно. При сохранении контрактных отношений СМИ с органами власти желательно сделать эту схему прозрачной и публичной, изъяв коммерческие структуры из числа операторов организации тендеров на оказание этих услуг. Необходимо ограничить суммы расходов каждого органа власти на информировании населения о своей деятельности; 2) вывода районных средств массовой информации из государственного владения за счет продажи контрольного пакета акций изданий частным владельцам; 3) упрощения про-

цедуры регистрации новых СМИ с максимальным снижением финансовой нагрузки для учредителей изданий в процессе их работы; 4) оптимизации законодательства в сфере СМИ. Например, закон об уважении к власти ограничил демократические свободы СМИ, хотя был направлен на борьбу с оскорблениями в сети; закон о фейковых новостях является антидемократическим: под его санкции попадают все публикации, основанные на информации из анонимных источников.

Принятие подобных мер могло бы запустить процессы появления новых (независимых от власти) СМИ, процессы саморегуляции и самоцензуры за счет укрепления профессионального сообщества, в том числе на основе Союза журналистов России и его региональных представительств.

Библиографический список

Марков Е.А. Государственное влияние в российских СМИ // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4. С. 91–94.

Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: «ВАГРИУС», 1998. 223 с.

Тарусин М.А., Федоров В.В. Взаимоотношения государства и средств массовой информации. Претензии населения к СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2009, № 5. С. 5–7

Российский медиа-холдинг РБК. Досье // URL: <https://tass.ru/info/3280060> (дата обращения 21.03.2019)

Masaltseva Tatiana

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

Golovachev Arseny

Student of Philological Faculty
Perm State University

INTERACTION OF MODERN RUSSIAN MEDIA AND STATE STRUCTURES ON THE EXAMPLE OF RBC

The article deals with the peculiarities of interaction between the system of modern Russian media and government agencies, the system of state control and censorship of domestic publications. The analysis is accompanied by the characteristic of information policy of large private media holdings. The authors examine the peculiarities of interaction between the media and the state, analyzing the history of the RBC media holding and the reasons for its closure as a result of the publication of a number of materials affecting the interests of the powers.

Key words: state mass media, independence of mass media, liberal mass media, censorship, pluralism of opinions.

Михеева Евгения Ивановна
магистрант кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
mixeeva.zhenya@mail.ru

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ УРБАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГОРОДСКИХ МЕДИА (на примере интернет-изданий “THE VILLAGE”, «БУМАГА», “IT’S MY CITY”, «ЗВЕЗДА»)

В статье представлен контент-анализ городских интернет-медиа “The Village”, «Бумага», “It’s My City”, «Звезда». В ходе исследования были выявлены приоритетные темы публикаций исследуемых изданий: «культура», «городская среда», «еда».

Ключевые слова: урбанистически ориентированные городские медиа, информационная повестка, “The Village”, «Бумага», “It’s My City”, «Звезда».

В 2010-х гг. сложился особый кластер городских медиа – урбанистически ориентированных сетевых изданий [Абашев, Печищев 2018]. Одним из значимых событий в формировании этой группы медиа стало появление городской интернет-газеты “The Village”, в которой на первый план вышли темы повседневной жизни мегаполиса и проблемы городского развития, увиденные глазами неравнодушных к своему городу активистов. Издание зарождалось в виде блога на сайте “Look At Me”, где журналистами и редакторами были сами пользователи. В конце 2012 года сайт перестал быть пользовательским, и за весь контент полностью стала отвечать редакция. Ориентируясь на установку, предложенную городской интернет-газетой “The Village”, в 2012 году начали появляться урбанистически направленные медиа в крупных городах по всей России.

Урбанистически ориентированные издания создают нестандартный (по сравнению с традиционными городскими медиа) контент. Изучив тематические предпочтения “The Village” в 2016 году, А. Бушуев и Я. Иванова заключили, что основной особенностью этого типа медиа является обращение «к урбанистке как возможности описания ценностных характеристик современного горожанина» [Бушуев, Иванова 2016]. Среди доминирующих исследователи отметили темы развлечения и досуга, следом – малого бизнеса и общественных инициатив, еды и покупок, а также городских пространств. Мало представлены текущая общественная повестка, темы экологии и политики. Эту особенность авторы связали с неже-

лением быть в одном ряду «с многочисленными СМИ, каждый день публикующими материалы по этой теме» [Бушуев, Иванова 2016]. Являются ли эти наблюдения актуальными и соответствуют ли они другим изданиям из кластера новых городских медиа, – ответ на этот вопрос является целью нашего исследования.

Материалом исследования послужили урбанистически ориентированные городские медиа “The Village” (Москва), «Бумага» (Санкт-Петербург), “It’s My City” (Екатеринбург), «Звезда» (Пермь). Их выбор связан с тем, что они представляют города разных типов. Отобранные медиа являются представителями разных федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Уральский и Приволжский.

Для достижения поставленной цели в качестве дизайна выборки предлагается проанализировать все публикации (за исключением рекламных постов) за период с 1 августа 2018 по 28 февраля 2019 года, представленные на сайтах изданий. При разработке программы контент-анализа были выделены основные тематические поля и соответствующие им индикаторы, поиск которых и осуществлялся в ходе исследования. Например, тема «городская среда» формировалась индикаторами – благоустройство города, инфраструктура, парки, дороги, памятники, транспорт, здания, гиды; «культура» – музеи, театры, кино, музыка, искусство, живопись, литература, СМИ; «еда» – рестораны, бары, кафе, клубы, рецепты, советы по выбору продуктов и т.д.

Всего было проанализировано 2 348 публикаций, половину из которых составляют статьи на сайте интернет-издания «Звезда», а именно 1185, 502 – на сайте «Бумаги», 433 – на сайте “The Village” и 228 – на сайте “It’s My City”. Таким образом, среднее количество публикаций в месяц распределилось следующим образом: 170 публикаций – «Звезда», 72 – «Бумага», 62 – “The Village” и 32 – “It’s My City”.

Исходя из результатов контент-анализа, можно сказать, что приоритетной темой публикаций в интернет-издании “The Village” является «стиль» (индикаторы: мода, магазины, косметика, вещи, дизайн и т.д.). Чуть менее частотными стали тема «еды», которая включала новости, связанные с ресторанами, барами, кафе, кофейнями и т. п., а также всевозможные рецепты, и тема «культуры» с индикаторами: музеи, театры, кино, музыка, искусство, живопись, литература, СМИ. Тема «экономика» появляется в каждой десятой публикации. Чуть меньше внимания “The Village” уделяет рассказам о городской среде. «Психологию» и «технологии» можно встретить в четырех процентах публикаций онлайн-издания. В то же время «интернет» и «туризм» в среднем освещаются не чаще раза в две недели. «Политика», «медицина», «работа», «закон» и «погода» практически не встречаются на «страницах» городского медиа.

Несколько иная картина складывается в городском интернет-издании «Бумага». Медиа отдает предпочтение интервью с интересными людьми, их рассказам о себе или размышлениям о социально значимых проблемах. Чуть реже можно встретить культурную повестку, а также публикации о городской среде. В 13% публикаций «Бумаги» читателям рассказывают об открытии нового бара или приготовлении необычного коктейля в домашних условиях. В отличие от «The Village», тема «стиль» в «Бумаге» встречается гораздо реже и занимает лишь четвертую позицию. Шесть процентов новостей рассказывают читателям о состоянии онлайн-сферы и ее изменениях, а также делают обзор сайтов и приложений. Повестка чрезвычайных происшествий и медицинские советы на «страницах» «Бумаги» встречаются в каждой 25-ой статье. В трех процентах случаев читатель встретит новости о технологиях, психологии, законе, а также различные «тесты». Еще реже (два процента) можно почитать о новостях науки, погоды и работы, крайне затруднительно найти новости экономики, политики, туризма и ЖКХ (один процент).

В издании «It's My City» наиболее приоритетной темой является «культура» – ей посвящена четверть всех публикаций. Индикаторы, соответствующие темам «еды» и «городской среды», – на второй и третьей позиции в повестке «It's My City»: их можно встретить с частотой 16% и 15% соответственно. Тема «афиша» составляет 13%: это связано с тем, что издание ведет еженедельную рубрику, которая рассказывает читателям Екатеринбурга, куда они могут сходить в ближайшие выходные и будние дни. Почти в каждой десятой публикации можно встретить интервью с интересным жителем или гостем города. В четырех процентах публикаций можно познакомиться с материалами о «стиле» и «туризме», в двух процентах – о политике, психологии, технологиях, работе. Крайне редко встречаются новости погоды (один процент), интернета, медицины, науки и юриспруденции.

В ходе исследования текстов пермской «Звезды» были выявлены следующие результаты. Более четверти публикаций, а именно 26%, «Звезда» посвящает теме «городская среда». Чуть реже можно встретить тему культуры – 22%. В отличие от всех предыдущих городских медиа, «Звезда» достаточно часто пишет о новых законах, судебных разбирательствах и назначенных штрафах (тема «закон»). Такие новости можно увидеть в 13% случаев. Также необходимо отметить и то, что медиа достаточно часто пишет о новостях науки и образования. В каждой 20-ой публикации можно встретить новости экономики или медицины. В трех процентах публикаций можно прочитать о новостях политики, ЖКХ или стиля, чуть реже (2%) – интернета. Крайне редко можно встретить публикации, чьи

темы связаны с туризмом, работой, людьми, психологией, технологиями, афишей.

Таким образом, были получены следующие результаты: приоритетные темы публикаций урбанистически ориентированных городских медиа распределены по категориям «стиль», «люди», «культура» и «городская среда». В таблице 1 выделены приоритеты каждого издания.

Таблица 1. Приоритетные темы публикаций СМИ

<i>“The Village”</i>	Стиль – 23%	Еда – 15%	Культура – 14%
<i>«Бумага»</i>	Люди – 15%	Культура – 14%	Еда – 13%
		Городская среда – 14%	
<i>“It’s My City”</i>	Культура – 26%	Еда – 16%	Городская среда – 15%
<i>«Звезда»</i>	Городская среда – 26%	Культура – 22%	Закон – 13%

Из таблицы видно, что во всех СМИ лидирует тема культуры. Три издания из четырех часто рассказывает о новых заведениях, где горожане могут провести свой досуг. Также три издания из четырех видят необходимость в рассказах о городской среде. Таким образом, приоритетными темами публикаций во всех анализируемых изданиях стали «культура», «городская среда» и «еда». Необходимо сказать, что издания крайне редко повествуют о политических или экономических аспектах жизни.

Сергей Пойдо, основатель городской газеты “The Village”, а также медиадиректор Института архитектуры, медиа и дизайна «Стрелка», в интервью для “Look at me” свидетельствует, что идея городских медиа заключается в рассказе о комфортном городе, радикальной и оптимистичной позиции: «хочешь изменить город, делай это самостоятельно, не дожидаясь ЖЭКа, городской администрации или мэра» [Пойдо 2013]. Урбанистически ориентированные медиа смотрят на город глазами рядового горожанина и хотят видеть его удобным и комфортным для повседневной жизни.

Библиографический список

Абашев В. В., Печищев И. М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №4 (30). С. 201–214.

Бушуев А., Иванова Я. Новая среда социального дискурса: городская интернет-газета (на примере The Village) // Современный дискурс-анализ. 2016. Вып. 2 (15). С. 59–72.

Пойдо С. «Сергей Пойдо о том, что происходило с медиа в 2013 году» / беседовал Д. Трабун // Look at me. 27 декабря 2013 год. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/199219-media> (дата обращения: 04.02.2019).

E.I. Mikheeva

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

CONTENT ANALYSIS OF THE INFORMATION AGENDA OF URBANISTICAL- LY ORIENTED CITY MEDIA (on the example of internet editions "THE VILLAGE", "THE PAPER", "IT'S MY CITY", "THE STAR")

The article presents a content analysis of urban online media “The Village”, “The Paper”, “It’s My City”, “The Star”. Priority topics of the publications of the researched editions were identified in the course of study: "culture", "urban environment", "food".

Key words: urban media, informational agenda, “The Village”, “The Paper”, “It’s My City”, “The Star”.

Пономарев Николай Филиппович
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
aprioripr@gmail.com

СТОРИТЕЛЛИНГ В ТРАНСМЕДИЙНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

В статье предлагается описание сторителлинга как способа конструирования «мира истории» в перспективе трансмедийной франшизы. Даются операциональные дефиниции таких конструктов, как трансмедийный проект, трансмедийная вселенная и трансмедийный сторителлинг, описываются качества трансмедийных проектов.

Ключевые слова: трансмедийный проект, «мир истории», трансфигурационный персонаж, трансмедийная франшиза.

Почти тридцать лет назад Бен Багдикян описал оптимальную для корпорации схему производства и продажи медиапродуктов: «Журнал, принадлежащий компании, выбирает или заказывает статью, которая подходит для последующей трансформации в телесериал для сети, принадлежащей компании. Далее этот материал перерабатывается в сценарий для киностудии компании. Саунд-трек озвучивается вокалистом, который стал популярным благодаря тематическим статьям в журналах компании, и постоянно ротируется на радиостанциях компании. Когда эта песня становится популярной под маркой компании, она снова поступает в кабельные системы и в пункты проката видеокассет по всему миру» [Bagdikian 1990]. Сегодня такого рода кампании и программы планируются и реализуются в соответствии с проверенными на практике технологическими шаблонами как трансмедийные проекты и трансмедийные франшизы.

Трансмедийный проект – это комплекс мероприятий, ориентированных на производство и массовое распространение медиапродуктов, которые по содержанию ассоциируются с одним фикциональным (вымышленным) миром и воплощаются в разных форматах (медиа, технологиях, жанрах, платформах, локациях) с помощью разных техник для достижения коммерческих, политических, культурных или иных целей.

Конкретный трансмедийный проект создается посредством сторителлинга, инвентизации и игрофикации как согласованный кластер мультимодальных нарративов (техника нарративизации), инвентов (техника инвентификации), игр (техника геймификации) и мемов (техника мемористики). К модификациям трансмедийных проектов относятся «трансмедийный сторителлинг», «вездесущий гейминг», «повсеместные игры», «распределенная франшиза», «интермедиа», «гибридные медиа» и т. п.

Трансмедиа-продюсеры создают, оркестрируют и контролируют *трансмедийную вселенную* [Klastrup, Tosca 2004] как разновидность гибридной реальности с инфраструктурой *надлежащей* навигации, в который погружаются «зрители-юзеры-игроки»: «Чтобы в полной мере прожить фикциональный мир, потребители должны играть роли охотников и собирателей, гоняться за фрагментами истории по медиаканалам, делиться находками в интерактивных дискуссионных группах и сотрудничать друг с другом, чтобы обогащать свои переживания» [Jenkins 2006: 21].

С одной стороны, содержательное ядро трансмедийной вселенной составляют ‘миф’ (базовые культурные знания для интерпретации событий и участия в событиях, или ‘предыстория всех предысторий’), ‘топос’ (базовые знания о ситуации и географии для ориентации и прогноза), ‘этос’ (этические нормы, социальные ценности и законы для должного поведения). С другой стороны, трансмедийная вселенная состоит из трех доменов: канон (контролируемая медиапродюсером оригинальная версия трансмедийной вселенной из авторизованных медиапродуктов); апокриф (расширенная авторизованная версия оригинального нарратива, включая побочные продукты, альтернативные и второстепенные истории); фанон (неавторизованная фанатская интерпретация оригинальной версии трансмедийной вселенной, создаваемая множеством лояльных пользователей в таких форматах, как фанфикшн, фанкино, косплей, флешмоб и т.п.).

Будучи читателями-писателями («числителями») и потребителями-производителями, фанаты соучаствуют в доработке, трансформации и расширении трансмедийной вселенной, заполняя пробелы, исправляя недостатки в каноне, создавая новые или реанимируя старые сюжетные линии. Фанаты оценивают, соответствуют ли новые официальные медиапродукты канону, апокрифу и фанону (см. документальный фильм «Народ против Джорджа Лукаса» (2010) о конфликте интерпретаций).

Трансмедийная вселенная в целом *больше*, чем любой конкретный нарративный, визуальный, зрелищный, игровой или какой-либо другой медиапродукт: «Строительство трансмедийной вселенной сравнимо с переплетением множества разных нитей в полотно: сумма никогда не может быть эквивалентна их взаимосвязи. Как в герменевтическом круге, мы не можем знать части, если мы не знаем целое; в то же время мы не можем знать целое, если мы не знаем части» [Boni 2017: 16].

Каждый компонент трансмедийного проекта (кинофильм, роман, аттракцион, телепродукт, вебсайт, ARG-игра, сайт, обмена видео-хостинг, паблик в социальных сетях, форум, вики-сайт, социальные виртуальные миры, блоги и микроблоги, комиксы, анимация, телесериал, аниме, настольная игра, косплей, костюмы, игрушки и т.п.) вносит свой когнитивный, эмоциональный и ценностный вклад в развитие многослойной трансмедийной вселенной.

Трансмедийные вселенные вроде «Звездных войн», «Warcraft» или «Средиземье» почти неотличимы от описаний фактуального мира (реального мира), который в коллективной памяти представлен конstellляциями культурных концептов, а в публичном дискурсе – медиатизированным социальными суррогатами. В результате «Обама – это такой же трансмедийный персонаж, как Оби Ван» [Jenkins 2011].

Трансмедийная вселенная (по крайней мере, для некоторых фанатов-резидентов) сопоставима по сложности с реальным миром, поскольку в ней существуют свои физические законы, социальные отношения, юридические нормы, магические процедуры, хронотопы, культурные ценности, исторические закономерности, мифологии, персонажи, политические альянсы, сферы производства. Она активно исследуется и развивается фанатами далеко за пределы официальной версии: «Трансмедиа – это не только восхитительный культурный феномен, который может внести полезный вклад в эволюцию современных обществ., трансмедийные практики могут внести вклад в диалогическую коэволюцию культурных субсистем» [Ibrus, Ojamaa 2014].

Ядром трансмедийной вселенной могут быть конкретная история (напр.: «Библейские нарративы рассеяны по миру, обнаруживаются на мозаичных окнах и фресках, в картинах и представлениях. К тому же популярная культура всегда была источником множества адаптаций в виде комиксов, романов, фильмов и телепродуктов» [Boni 2017: 16]), конкретный мир или персонаж: «Когда я впервые начинал, вы обычно продавали историю, потому что без хорошей истории у вас не было бы фильма. Позже, как только стартовали сиквелы, вы продавали персонаж, потому что хороший персонаж может объединить множество историй. А сейчас вы продаете *мир*, потому что ‘мир’ может объединить множество персонажей и множество историй посредством множества медиа» [Jenkins 2006: 116].

Некоторые персонажи со временем превращаются в интертекстовые и даже трансмедийные (или трансфигиональные, транстекстовые) персонажи вроде Шерлока Холмса, Франкенштейна или Бэтмана при транспозиция (адаптации) или перекомпоновке соответствующих историй: «Не существует никакого реального Гарри [Поттера], но зато существует множество возможных Гарри [Поттеров] (виртуальных? семиотических?), которые конструируются [читателями] из текстов. Трансмедийные знаки не требуют прикрепления к определенным объектам: они формируют открытые или закрытые системы перекрестных ссылок» [Lemke 2011].

Культурная циркуляция персонажей ускоряется вплоть до того, что «персонажи превращаются в маркеры и критерии культурной грамотности в такой степени, что даже потребители, которые обычно вообще не интересуются франшизой, чувствуют “Я должен что-то об этом знать, в противном случае меня исключат из дружеских разговоров”» [Parody 2011].

Популярные в публичном дискурсе персонажи используются в маркетинге: «Их всюду узнают по лицам, их словечки охотно цитируются..., о них говорят максимально долго и максимально много в самых разных дискурсивных сферах; они – точки отсчета, часть общей культурной и художественной грамотности» [Parody 2011].

Трансмедийный сторителлинг [Jenkins 2003] как преимущественно нарративный трансмедийный проект конструирует первоначальную центральную историю со сквозным сюжетом и главными персонажами, которая усилиями авторов и фанатов разворачивается в бесконечный гиперсериал: «Трансмедийный нарратив представим как центробежный процесс: первоначальный текст в результате Большого Взрыва порождает нарратив, внутри которого порождаются новые тексты, вплоть до пользовательского контента. С этой точки зрения, трансмедийный сторителлинг порождает текстовую галактику» [Scolari in Munglioli 2011: 130].

Первоначальный «мир истории» [Herman 2002] превращается в трансмедийную вселенную за счет продления в прошлое и будущее (приквелы и сиквелы), повышения статуса персонажей (спин-оффы), комбинирования персонажей и сюжета с другими сеттингами (и наоборот), совмещение персонажей из фикциональных вселенных в одной истории (кроссоверы), разбиения макро-истории на автономные микро-истории (сериализация), пересказа истории с точки зрения нового персонажа (рефокализация) и т.д.

Впрочем, существуют и ограничения для такого рода трансформаций: «Если сюжет *Звездных войн*” перенести в другую среду, например, в мир средневековой фантазии, никто не опознает его как версию “*Звездных войн*”, поскольку этот сюжет – это всего лишь одна из бесчисленных историй, которые рассказывают о борьбы добра со злом. Мир “*Звездных войн*” отличается не сюжетом, а сеттингом, и если изменить сеттинг, то вся история потеряет свою идентичность» [Ryan 2013]

Привлекательность трансмедийных нарративов объясняется желанием «зрителюзеров-потребителей», которые уже потратили когнитивные усилия и пс“., «Властелин Колец», «Песня льда и огня», «Звездные войны», «Индиана Джонз», «Бэтман», «Человек-Паук», «Расхитительница гробниц»), обеспечить себе возможности возвращения в привлекательную среду обитания *в любой момент и без особых усилий*: «Поскольку мы инвестировали достаточно много умственной энергии в конструирование мира истории, мы хотим получать дивиденды в виде возможности возвращаться в этот мир как только захочется. Для погружения [в историю] требуется некоторое время, но благодаря трансмедийному сторителлингу, сериалам и трансфикциональности при рассказе о новых событиях мы уже находимся в состоянии погружения, поскольку воображение уже построено-

ло себе долговечное жилище в мире истории» [Ryan 2013: 385]. Таким образом «трансмедийный сторителлинг – это не игра с целью сложить историю наподобие пазла, а скорее возвращение в любимый мир» [Ryan 2015].

Трансмедийная франшиза [Ryan 2013] – это развлекательный, культурный или политический трансмедийный проект массового производства и распространения разнообразных медиапродуктов, ассоциированных с фикциональной вселенной, и/или вымышленным персонажем, и/или фикциональным нарративом: «Проект или франшиза трансмедийного нарратива должен состоять из трех (или более) нарративных сюжетных линий, существующих внутри одной фикциональной вселенной на любой из следующих платформ: кинофильм, телевидение, малометражный фильм, широкополосная сеть, издательское дело, комикс, анимация, мобильные средства связи, специальные площадки, DVD/Blu-ray/CD-ROM, нарративные коммерческие и маркетинговые ролики и другие технологии, которые существуют или могут существовать в настоящее время. Эти нарративные расширения НЕ являются перепрофилированием материала с одной платформы на любые другие платформы» [Producers Guild of America 2012]. В прошлом веке предлагались определения с другими акцентами: «Суперсистема – это сеть интертекстуальности, созданная вокруг фигуры или группы фигур из попкультуры, которые являются вымышленными... или реальными. Чтобы стать суперсистемой, сеть должна охватывать несколько способов производства образов, быть привлекательной для разных поколений, классов и этнических субкультур, на которые нацелены разные стратегии; должна поощрять массовое коллекционирование распространяемых дополнительных продуктов)» [Kinder 1991: 122-123].

По происхождению развлекательные франшизы делятся на запланированные (центральная макро-история *изначально* создается как точка входа в обширный нарративный мир, напр., «Матрица») и стихийные (мир *уже популярной* истории расширяется до трансмедийного мира, напр., «Гарри Поттер», «Звездный путь», «Голодные игры»).

Развлекательные трансмедийные франшизы подобно коммерческим франшизам «Кока-Кола» или «МакДональдс» тоже ассоциируются с ценностями и смыслами, порождают ожидания, переживания, воспоминания, чувства: «Трансмедийные франшизы преследуют нас, колонизируя хронотопы постмодернистской жизни и разворачивая брендированный контент медиапродуктов повсюду, где мы ходим и смотрим» [Lemke 2011].

Трансмедийная кампания – это эпизод реализации трансмедийного проекта по продвижению конкретного товара, бренда, стиля или идеи. Трансмедийные проекты соединяют экономические интересы собственников с эмоциональными и творческими запросами потребителей: «Трансмедийный сторителлинг – это маркетинговая стратегия, которая принуди-

тельно скормливает нарративные миры публике посредством максимально возможного числа платформ, чтобы достичь максимально широкой аудитории» [Ryan 2015].

Успешный трансмедийный проект (франшиза или кампания) должен обладать следующими качествами: «сериальность» (рассредоточен по множеству медиапродуктов) (1); непрерывность (создает связную фикциональную вселенную) (2); тотальность (содержит множество подробностей и деталей) (3); многовариантность (содержит альтернативные персонажи, сеттинги и миры) (4); многосубъектность (включает в себя разные перспективы и голоса) (5); увлекательность (транспортирует выюзеров в фикциональную вселенную) (6); многослойность (подталкивает выюзеров к исследованию фикциональной вселенной) (7); побудительность (подталкивает выюзеров к соучастию в создании фикциональной вселенной) (8); полезность (содержит полезные для повседневной жизни выюзеров знания) (9); «прилипчивость» (привлекает внимание выюзеров и надолго запоминается выюзерами) (10); «текучесть» (подталкивает выюзеров к простому шерингу, стримингу и мемингу) (11): «[Мы живем] в мире, где, если нечто не распространяется, то умирает, если оно не достойно цитирования, оно ничего не значит» [Jenkins, Ford, Green 2013: 188].

Приведем пример долгосрочной трансмедийной кампании. В 2006 г. стартовала трансмедийная кампания «Фабрика счастья» компании «Кока-Кола». Сначала был показан анимационный коммерческий ролик «Магический мир внутри торгового автомата «Кока-Колы» с музыкальным шоу. Далее последовали реклама, билборды, короткие фильмы-сиквелы, вирусная реклама, интервью с вымышленными персонажами фильма, игры на вебсайтах, коммерческие ролики, песня «Открой счастье» (iTunes Top 40), книга комиксов, экспозиции в супермаркетах и маски персонажей «Фабрики счастья». В 2011 г. «Магический мир Кока-Колы» расширили до коммерческого фильма «Великое осчастливление», который получил сюжетное развитие в ютубе, фейсбуке и социальных сетях. Высшая фаза развития *трансмедийной вселенной* «Фабрика счастья Кока-Колы» – это создание канона и апокрифа *трансмедийной франшизы* как источника контента для разработчиков новых персонажей и сюжетов.

Библиографический список

- Bagdikian B. The media monopoly. Boston: Beacon, 1990.
Boni M. Introduction. Worlds, today // ed. M. Boni. World building. Trans
Herman D. Story logic. Problems and possibilities of narrative. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002.
Ibrus I., Ojamaa M. What is the cultural function and value of European transmedia independents? // International journal of communication. 2014. Vol. 8. P. 2283-2300.

Jenkins H. Transmedia storytelling: Moving characters from books to films to video games can make them stronger // MIT Technology Review. January 15, 2003.

Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. N.Y.: New York University Press, 2006.

Jenkins H. Transmedia 202: Further reflections // The official weblog of Henry Jenkins. August 1, 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html

Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable media: Creating value and meaning in a networked culture. N.Y.: New York University Press, 2013.

Kinder M. Playing with power in movies, television, and video games: From muppet babies to teenage mutant ninja turtles. Berkeley: University of California Press, 1991.

Klastrup L., Tosca S. Transmedial worlds A1984 Rethinking cyberworld design // Proceedings International Conference on Cyberworlds 2004. IEEE Computer Society, Los Alamitos, California, 2004.

Lemke J.L. Transmedia traversals: Marketing meaning and identity // Interdisciplinary perspectives on multimodality: Theory and practice. Proceedings of the Third International Conference on Multimodality / ed. A. Baldry, E. Montagna. Campobasso: Palladino, 2011. P. 576-596.

Mungiolli M.C. Narratives, languages and media in the context of interactive digital technologies: Interview with Carlos A. Scolari // MATRIZES: Revista do Programa de Pós-Graduação em Ciências da Comunicação da Universidade de São Paulo. 2011. Vol. 4 (2). P. 127-136.

Parody C.E. A theory of the transmedia franchise character. Doctoral dissertation. University of Liverpool, 2011.

Producers Guild of America. Code of credits – new media. 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.producersguild.org/?page=coc_nm#transmedia

Ryan M.-L. Transmedial storytelling and transfictionality // Poetics today. 2013. Vol. 34 (3). P. 362-388.

Ryan M.-L. Transmedia storytelling. Industry buzzword or new narrative experience? // Storyworlds. 2015. Vol. 7 (2). P. 1-19.

Steinberg M. Anytime, anywhere: Tetsuwan Azomu stickers and the emergence of character merchandising // Theory, culture and society. 2009. Vol. 26 (2-3). P. 113-138.

N. Ph. Ponomarev

Associate Professor of Journalism And Mass Communications Department
Perm State University

STORYTELLING IN THE TRANSMEDIA UNIVERSE

The article offers a description of storytelling as a way of constructing the story world in the perspective of the transmedia franchise. Operational definitions of such constructs as a transmedia project, transmedia universe and transmedia storytelling are given, the qualities of transmedia projects are described.

Key words: transmedia project, story world, transfictional character, transmedia franchise.

Бакланова Ирина Ивановна
заведующий кафедрой общего языкознания, русского и
коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ СУБЪЕКТА РЕЧИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

В статье анализируется место и роль субъекта в диалектном высказывании. Определяется соотношение формального и семантического подходов к определению субъекта. Выясняется, что в диалектном высказывании субъект может быть конкретно-личным, совокупным, обобщенным и проч.

Ключевые слова: диалектное высказывание, субъект, семантический субъект.

Исследования в области диалектологии базируются на рассказах информантов в жанре воспоминаний. По определению Т.А. Демешкиной, именно «этот жанр как вербализация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [Демешкина 2000: 101]. В воспоминаниях жизнь конкретного человека вписана в контекст жизни общества, эпохи. Хотя повествование ведется от первого лица, важно понять, как отражается субъект речи в собственных высказываниях.

Работы, посвященные изучению субъекта и субъективного в языке, сегодня актуальны и востребованы. Мы обратимся к функциональному аспекту в изучении субъекта речи вслед за Г.А. Золотовой и др. Семантическим субъектом, с точки зрения Г.А. Золотовой, может быть не только имя существительное в И. п. (традиционное подлежащее) [Золотова 2005: 159]. В русском языке есть несколько моделей предложений, в которых можно выделить семантическое подлежащее, выраженное существительным в косвенном падеже. При этом учитываем, что форма субъектного компонента значима: например, И. п. – это форма для выражения субъекта действия, личного, контролирующего ситуацию; Д. п. – это форма для выражения субъекта состояния (*Мне грустно*) и проч.

Под субъектом мы речи будем понимать лицо говорящее как совокупность экстралингвистических и лингвистических компонентов [Котюрова 2006: 520]. В качестве субъекта речи в данном случае будет выступать не конкретное лицо, как, например, в научном стиле (субъект речи – это совокупность признаков личности ученого, влияющих на научный стиль), а *субъект обобщенный (обобщенный образ)* диалектоносителя).

Отправной точкой исследования стали наблюдения над речью М.П. Сусловой, автора дневниковых записей из с. Камгорт Чердынского района. Предложения в дневнике М.П. Сусловой имеют ясную структуру и сжатое, лаконичное содержание. В них нет лишних слов, то есть они распространены лишь настолько, насколько это необходимо автору для объективного описания ситуации, события, явления: *«Не разговариваю; Пообедали; Встала в 5; Стряпали пельмени утром; Чуть гладила»*. Структурный анализ предложений показал наличие сказуемого и отсутствие подлежащего в 64,1 % случаев: *«Поставила пиво; Доила корову; Делала картофельный студень; Спал целый день; Сделал свет в сених; Ходили по воду с флягой 7 раз; Ездила по телку в Бигичи»* [Русинова, Вяткина 2007: 189-191]. Мы видим, что производитель действия (субъект) себя не называет.

Понимая жанровые особенности дневниковых записей и учитывая их письменный характер, мы, тем не менее, задались вопросом: не является ли подобное положение дел общим для диалектной речи в целом, для чего проанализировали диалектные тексты, сделанные автором статьи.

Анализ высказываний в любом случае предполагает соотношение формального и семантического способов выражения субъекта. Анализ только грамматического субъекта, равного подлежащему, не даст полного представления о месте и роли субъекта в диалектных высказываниях.

При определении состава субъектов речи применим классификацию В.Г. Гака, выделившего при изучении «поля неопределенноличности» 8 форм субъекта [Гак 1998: 86-87].

Конкретно-личный субъект чаще всего представлен личным местоимением *я*. Производитель речи полностью совпадает с субъектом, *я* говорящего. По мнению Г.Я. Солганика, в разговорном стиле нет «зазоров» между категориями «производитель речи» и «субъект речи». Отсюда такое качество, как естественность (безыскусственность) речи [Солганик 2014: 64]: 1) *Работала я на лесозаготовках...// везде работала/ где приходилось косить/ молотить или сено собирать*; 2) *Все забыла я// я начну говорить/ у меня уже засекают в памяти*; 3) *Надысь собралась я в гараж за овощами// ... долго я стояла на остановке...* 4) *Сама совала нос куда не следует// 5) Я же точно помню/ что не трогала очки// сама давно уж не видала их.*

Особенно отчетливо проявляется конкретно-личный субъект, если его действия противопоставляются действиям другого человека: *Я нет/ я дочи/ я не могла такая способная быть* [как мама]; [Почему не ладите с сыном?] *Дак молодые/ музыка / телевизор/ пьянки/ а я старая уж*.

Конкретно-личный субъект может быть формально выражен именем существительным или личным местоимением в Д. п., Р. п., Т. п. Наш материал показывает наличие форм Д. п.: 1) [Все смеются/ я не понимаю почему// потом только мама сказала/ что обманывает брат меня/ шутит так] *Мне тоже потом стало смешно*; 2) *А мне так было обидно*; 3) *Мне здесь нравится*.

Совокупный субъект выражен местоимением *мы* и, кроме того, может указывать на другое лицо, которое включено в эту категорию: *мы с тобой, мы с мамой* и проч.: 1) *Мы обычно много болтаю со старухами/ старимся уж*; 2) *Мы утром пошли с мамой в лес за дровами...* [узнали, что кончилась война]// *потом пришли домой/ [кричат все...// все радовались// кто плакал/ кто прыгал/ кто плясал// вся деревня ликовала]/ так мы встретили победу*. В круг лиц попадают люди из ближайшего окружения: родственники, соседи. Они являются соучастниками событий, их мнение становится важным для говорящего (см. также: [Бакланова 2013]).

Периферийное место занимают высказывания, в которых говорящий, субъект речи, не назван, но включен в высказывание вместе с именем, называющим второе лицо: *мы с мамой, мы с сестрой*: 1) *Вот с мамой работали/ обеспечивали/ держали лошадь/ корову// вдвоем обеспечивали*; 2) *Молода-то была эгоза/ всё с сестрой бежали*.

Неопределенно-личный субъект представлен, в первую очередь, в неопределенно-личных предложениях, суть которых заключается в отсутствии подлежащего, называющего деятеля, причем деятель может быть как известен, так и неизвестен говорящему: 1) *В войну жили лучше/ [чем сейчас живём]*; 2) *Тогда в деревне очень плохо жили/ очень плохо жили*. Формальная отнесенность этих высказываний к неопределенно-личным не исключает, однако, их обобщенного характера: [*Все, и я в том числе,*] *тогда в деревне очень плохо жили*.

Особенностью высказываний со сказуемым, выраженным формой множественного числа глагола, является их возможность трактоваться и в качестве неполных (при соответствующем контексте). 1) *Мужиков проводили/ были как белуги / ждали письма от их*; 2) *Дождались мужиков с фронта* [вот в Нытве доживаю свой век]; 3) *Иногда после работы ходили в клуб пели / плясали*; 4) *В войну метали / катали для фронта / так и после войны/ [пока я работала]/ всё метали/ катали*. Однако контекст не подтверждает двусоставный характер предложений-высказываний. Пола-

гаем, что в этих высказываниях умалчивается совокупный субъект (*мы с бабами, девки с бабами*).

Обобщенно-личный субъект представлен, прежде всего, в обобщенно-личных предложениях-высказываниях: 1) [*Денег-то нет*]/ *дак на чё купишь*; 2) *Когда весной идёшь*/ [как хорошо пахнёт]; 3) *Чё-то где-ка делаешь*/ [дак разогреются [ноги]]; 4) [*А жалить начнут*] / *так просто реви*/ [такие они жалючие]; 5) *Корову держишь*/ [а сам не видишь ни молоко ни масло].

Обобщенный субъект, с нашей точки зрения, имеется и в предложениях с местоимениями *все, никто, кто, каждый*. Все они подразумевают включение говорящего в субъект речи: *никто и я в том числе; кто (кто-то) и я в том числе; все и я в том числе, каждый и я в том числе*: 1) [Тут еще соседи есь] *к ним никто не ходит*; 2) *Каждый старался/ чтобы не было клочка какой-то земли непаханой*; 3) [Мы утром пошли с мамой в лес за дровами... узнали, что кончилась война// потом пришли домой] / *кричат все...// все радовались// кто плакал/ кто прыгал/ кто плясал// вся деревня ликовала*/ [так мы встретили победу]; 4) *Все знают такое название/ все так говорят*.

Говорящий может быть представлен отстраненно, в этом случае субъект включен в какую-либо социальную группу: пожилых людей («старух»), необразованных («слепых») людей и проч.: 1) *Некоторые говорят / а старухе не надо [водки]/ да нуще нам еще надо/ везде на каждую дыру надо*; 2) *Слепому человеку везде тупо*// [и вот дрова всю жись колола]; 3) *У нас ведь так заведено/ праздник/ дак ходят из одного дома в другой*. Есть высказывания без указания на субъект действия или состояния: 1) *Тяжко было/ голодно/ холодно/ не то что сейчас*; 2) [Не было еще совхозов]/ *некогда было отдыхать*; 3) *Нынче неохота шить-то*/ [потому что ленюсь]. Включение говорящего в круг других лиц является признаком обобщенно-личного субъекта.

Однако обобщенность имеет ограниченный характер: если признак обобщенного лица “любой, всякий, каждый и я в том числе”, то в диалектных высказываниях семантика обобщенно-личного лица очерчена местом и временем: “любой, всякий, каждый, *живущий там и тогда*, и я в том числе”.

Устраненный субъект домысливается в неполных предложениях: [Не ходила в школу?] *Ну немного ходила/ класс или два кончила// жила/ работала/ черную работу / пахала// во время войны всю дорогу с лесом возилась/ дрова колола*.

Полагаем, что в Дневнике М.П. Сусловой мы наблюдаем устраненный субъект. Парадокс ситуации в том, что говорящий субъект (Мария

Петровна Суслова) себя не называет, он неочевиден, вместе с тем на плечах «устраненного субъекта» держится все хозяйство семьи Сусловых.

Подведем итоги.

В диалектных высказываниях используется большинство форм субъекта, выделенных В.Г. Гаком (за исключением неопределенно-указательного, собирательного и безличности). Значение субъекта передается единицами разного порядка: местоимениями (*я, мне, сама, все* и проч.), именами существительными (*мы с сестрой*), формами глагола.

Анализ нашего материала лишь отчасти подтвердил мысль Г.Я. Солганика о том, что в разговорной речи степень выраженности *я* максимальна [Солганик 2014: 64]. Специфика живой речи состоит в том, что говорящий постоянно переключается с плана конкретно-личного субъекта на совокупный или обобщенно-личный субъект: *У меня маленькие вот были ребята/ и все робиш/ кто копна возил/ кто чё делал.*

Диалектоносители чаще представляют себя частью обобщенно-личного или совокупного субъектов. И в том, и в другом случае имеются ограничения для выражения значения субъекта. Так, обобщенность субъекта ограничена временем и пространством: наряду с маркерами субъекта речи – определительными (*все, каждый*), отрицательными (*никто*) местоимениями – используются наречия *тогда, там* и существительные, например, *в деревне*. Ограниченность совокупного субъекта проявляется в списке лиц, включенных в него: это родственники, односельчане и под.

Содержание высказываний убеждает в том, что диалектоносители всегда знают и лицо (лица), выражающее неопределенный субъект, что также связано с их нахождением в ограниченном в пространстве. Поэтому говорить о неопределенно-личном субъекте в нашем случае можно лишь условно.

Особенности выражения субъекта речи, его место и роль в высказывании определяются спецификой народного мировосприятия. Это отражает место диалектоносителя в социуме, в социалистической системе коллективистского труда. Учитывая возраст информантов, можно говорить о том, что они помнят (или хотя бы знают по воспоминаниям своих родителей) довоенные, военные события, воспринимают их как общее дело, поэтому чаще ведут повествование не от конкретно-личного субъекта, а от лица совокупного, обобщенно-личного или так называемого неопределенно-личного субъекта.

Библиографический список

Бакланова И.И. Средства выражения диалогичности в речи диалектоносителей (на материале русской речи жителей Коми-пермяцкого округа) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 35-39.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Ком-Книга, 2005. 352 с.

Котюрова М. П. Субъектность речи (текста) // Стилистический энциклопедический словарь. М.: Флинта, 2006. С. 517–523.

Русинова И. И., Вяткина И. И. Грамматические особенности дневниковых записей диалектоносителя // Дневник М.П. Сусловой (1981–1985): Публикация и исследование текста / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь: Перм. ун-т, 2007. С. 188–195.

Солганик Г. Я. О структуре речи (категории производителя и субъекта речи) // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. No 1. С. 57–66.

I. I. Baklanova

Head of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages
and Methods of Teaching Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PLACE AND ROLE OF THE SPEECH SUBJECT IN DIALECT STATEMENT

Place and role of the speech subject in dialect statement is analyzed in the article. Correlation of formal and semantic approaches to the subject determination is defined. It was found out that the subject in dialect statement can be concrete-personal, complex, impersonal, generalized, etc.

Key words: dialect statement, subject, semantic subject.

Боброва Мария Владимировна
преподаватель колледжа профессионального образования
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
младший научный сотрудник отдела диалектной лексикологии
лексикографии и лингвогеографии русского языка
Институт лингвистических исследований РАН
bomaripgu@yandex.ru

ЛЕКСИКА ЖИВОТНОГО МИРА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: НАЗВАНИЯ РЫБ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00555
«Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики
Пермского края)»*

В статье изучена ихтиологическая лексика (названия рыб), которой мотивированы современные прозвища коми-пермяков, проживающих в Пермском крае. Описаны лексико-семантические, мотивационные, ономастиологические особенности вхождения наименований рыб в указанные антропонимии. Сделан вывод о лингвокультурной специфике ихтиологической лексики: о ее казуальности в прозвищах и низкой лингвокультурологической маркированности в языке.

Ключевые слова: коми-пермяцкая антропонимия, современные прозвища, Пермский край, ихтиологическая лексика, названия рыб.

Приходится констатировать, что к настоящему времени слабо изучена ономастика коми-пермяцкого народа. В частности, антропонимии посвящены лишь отдельные статьи А.С. Кривошековой-Гантман, О.П. Аксеновой, Т.Г. Голевой, А.С. Лобановой, Н.А. Нечаевой, М.Н. Никоновой, студенческие и школьные научно-исследовательские работы; см., в частности, [Голева 2013; Лобанова URL; Лобанова, Нечаева 2014; Лобанова, Никонова 2004; Нечаева 2014] и некоторые другие труды, в которых привлекаются прозвища. В настоящей публикации мы продолжаем начатое нами целенаправленное исследование современных прозвищ (далее в дефинициях – также «пр.») коми-пермяков, проживающих в Пермском крае ([Боброва 2018] и др.).

В качестве материала для анализа привлечены онимы, зафиксированные в период с 1997 г. по настоящее время, преимущественно в сельских населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа, а также в столице ок-

руга (Кудымкаре) и в краевом центре (Перми). Сведения получены путем опроса, направленной беседы, анкетирования, непосредственного и включенного наблюдения, метода сплошной выборки (из печатных и рукописных источников). Носителями прозвищ выступают представители всех возрастных групп. Материалы отражают антропонимикон, актуальный в последние полвека, но главным образом в последние 20 лет. Всего к настоящему времени наш архив прозвищ коми-пермяков насчитывает около 900 прозвищ, что составляет примерно 20 % от всего собранного в крае прозвищного материала, наряду с русскими и татарскими антропонимами данного разряда.

Зафиксировано более 200 (более 22 %) прозвищ, мотивированных наименованиями животных различных классов. Наиболее востребована лексика, связанная с названиями млекопитающих, птиц и насекомых; «рыбная» лексика обнаружена в немногочисленных, хотя и не единичных (17) антропонимах.

В основе всех онимов лежат наименования видов рыб: ерша (*Ёрш* / *Йорш*¹), жереха (*Жерех*), карася (*Карась*), кеты (*Кета*), налима (*Налим*), чехони (*Чехонь*), уклейки (*Шаклей*, *Шакля*), щуки (*Щука*). Реестр мотиваторов специфичен по лексическому составу и лексико-грамматической отнесенности: во-первых, в ряду ихтиологических лексем (ихтионимов) отсутствуют названия органов рыб или иных предметов, имеющих отношение к таким животным; во-вторых, выявлены слова только с предметным значением. Ср., например, прозвища русских (*Карась*, *Окунь*, *Селёдка*, *Сом*, *Килька*, *Краснопёрка*, *Лещ*, *Рыба*, *Рыбий Глаз* и др.) или прозвища, мотивированные словами иных лексико-семантических групп и включающие также единицы с атрибутивным значением (ср., например, среди номинаций, связанных с млекопитающими и птицами: *Баля Бёж* < *баля бёж* ‘овечий хвост’², *Вёв Пинь* < *вёв пинь* ‘лошадиные зубы’, *Кань Ныр* < *кань ныр* ‘кошачий нос’, *Кутю Кольк* < *кутю кольк* ‘куриное яйцо’, *Катша Поз* < *катша поз* ‘сорочье гнездо’).

Онимы производны от лексем различного происхождения: 1) собственно коми-пермяцких (*шаклей* диал. ‘уклейка’ [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985: 552]), 2) заимствованных из русского языка или через русский язык (*Кета*, *Карась*, *Налим*, *Жерех*, *Щука*), в том числе осваиваемых коми-пермяцким языком в настоящее время (*Кара[с’]*, ср. *тыпыв* ‘карась’ [Баталова, Кривошекова-Гантман 1985: 500]), 3) коми-пермяцких в русском грамматическом оформлении (*Шакля* из диалектного *шаклей*, наряду с *Шаклей*).

В качестве прозвищ используются исключительно вторичные номинации, не фиксируются неологизмы. Взаимодействие с лексикой иных тематических групп и полей не обнаружено. В качестве производящих от-

мечаются только имена существительные, слова иных частей речи, в том числе прилагательных или глаголов, отсутствуют. Все прозвища индивидуальные, отсутствуют коллективные (групповые, семейные, родовые). Возможная причина данных фактов – предметность, конкретность мышления номинаторов.

При образовании прозвищ произошла метафоризация либо метонимизация значения, ср., например: 1) *Ещё Генка **Налим***. [С рыбалкой связано?] *Нет, он может увильнуть, скользкий, а налиим очень скользкий* (Б. Мочга Юсв.) – и ***Налим Петь** <налим Петр> (в детстве любил ходить на рыбалку)*³ (КПО).

Мотивационная база омонимичных прозвищ не совпадает. Так, отмечено три прозвища **Щука**, из которых: одно отфамильное именование (из **Щукин**), одно именование женщины – любительницы соленой щуки и одно именование женщины, отличающейся неприятным характером и хитростью, коварством; два прозвища **Чехонь**, из которых: одно именование мужчины – любителя ловить рыбу чехонь и одно именование молодого человека, отличающегося худобой и подвижностью.

При этом все прозвища зафиксированы в различных населенных пунктах и районах Коми-Пермяцкого округа, что указывает на ассоциативную нестабильность соответствующих понятий и на способность этой лексики транслировать в прозвищах разнородную информацию.

Выделим группы сигнификативно значимых признаков рыб, манифестированных в онимах.

1) Особенности внешнего вида: **Жерех** ‘пр. располневшего молодого мужчины’, возникшее по ассоциации с рыбой жерех, которая отличается прожорливостью и обладает широким, крупным телом (*Вот есть у нас... **Колобок**, он молодой, за тридцать ему. Он и **Жерех**, вот. Чё-то так располнелся. Есть и братья, и сёстры – нормальные. Такой полный – как колобок стал вообще* (Б. Мочга Юсв.)); **Йорш** ‘пр. вспыльчивого, неуравновешенного человека’, которое мотивировано тем, что ерш обладает очень колючими плавниками, раны от укусов этими иглами обычно долго не заживают; **Налим** ‘пр. мужчины, у которого в состоянии алкогольного опьянения широко раскрываются, выпучиваются глаза’ – по аналогии с глазами налима; **Налим** ‘пр. изворотливого мужчины’: тело налима обильно покрыто слизью.

2) Поведенческие особенности: **Щука** ‘пр. женщины, отличающейся неприятным характером и хитростью’, продиктованное представлениями о хищничестве щуки, которая нападает на своих жертв из засады.

3) Особенности как предмета добычи: **Налим Петь** ‘пр. мужчины, которому в детстве нравилось ловить рыбу’, **Чехонь** ‘пр. мужчины, которому нравится ловить рыбу чехонь’, мотивированные способностью на-

званных рыб выступать в качестве объекта добычи, а косвенно – быть желаемой (ценной) добычей; *Шакля* ‘пр. распутной женщины’, появление которого объясняется легкостью поимки уклейки (*Шакля – прозвище соседки, потому что шакля – непривередливая рыба, ловится на всё, хоть на соплю. А женщина была распушенная, податливая, то есть её можно было поймать хоть на что* (Кудымкар)).

4) Особенности как предмета потребления, ср.: *Щука, Карась* – прозвища людей, которым нравится на вкус соответствующий вид рыб, появление антропонимов связано с употреблением таких рыб в пищу.

Прозвища имеют качественный (*Налим* ‘пр. мужчины, у которого в состоянии алкогольного опьянения широко раскрываются, выпучиваются глаза’, *Йорш* ‘пр. вспыльчивого, неуравновешенного человека’, др.) либо ситуативный (*Щука* ‘пр. женщины, которой нравится на вкус соленая щука’, др.) характер и отражают особенности внешности, поведения, характера номинированных лиц, их привычки.

На основе выявленных признаков можно реконструировать «фотографические» элементы ономаσιологического «портрета» рыб⁴. Так, щука – это опасная рыба (хищница), употребляемая в пищу; налим – очень скользкая рыба с выпученными глазами, обладающая промысловой ценностью; чехонь – рыба, отличающаяся узким сплюснутым телом и юркостью; жерех – прожорливая рыба с крупным телом; уклейка – рыба, которую легко поймать. Ожидаемо «штрихи» таких «портретов» неидентичны в языковых рефлексах представителей разных культур, даже и на сопредельных территориях. Ср., например, прозвище *Налим*, которое зафиксировано в «русской» части Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа и отражает наличие у этой рыбы усов: *Рыбой один был же это, Вася Ус. Налимом его звали вот. <...> Усы у молодого выросли, вот и Вася Ус* (Дубровка Юрл.).

В качестве устойчивого мотива («лейтмотива») можно рассматривать только способность рыб, чьи названия мотивируют прозвища, быть объектом рыболовного промысла, объектом рыболовных, а также вкусовых предпочтений номинируемого лица. Это отразилось в двух мотивационных моделях («Рыба» > «Человек, которому нравится ловить (эту) рыбу», «Рыба» > «Человек, который любит есть эту рыбу»), помимо которых нашли применение неспецифичные модели, актуальные фактически для любой лексико-семантической группы («Предмет» > «Человек, имеющий сходство с этим предметом», «Основа фамилии» > «Человек – носитель этой фамилии»). Показательно, что первая из названных мотивационных моделей применяется только к мужчинам-рыбакам.

На наш взгляд, все сказанное свидетельствует о том, что «рыбная» лексика аналогично «растительной» обладает слабой лингвокультуроло-

гической маркированностью. В данном случае такая «культурная отмеченность» связывается лишь с утилитарным «родовым» свойством рыб служить объектом добычи и потребления, названия иных видов рыб не используются. И это, считаем, естественно для культуры народа, для которого рыбная ловля издревле являлась одним из важнейших промыслов. По причине ослабленных культурно обусловленных связей обращение к ихтионимам в коми-пермяцкой языковой культуре имеет казуальный характер. Именно этим объясняется нерегулярность мотивационных отношений между конкретными ихтионимами и прозвищами, высокая степень вариативности таких отношений.

Итак, ихтиологическая лексика, представленная в современных прозвищах коми-пермяков в Пермском крае, немногочисленна. Мотивация употребления отдельных лексем неустойчива. Полагаем, что данный фрагмент имеет малую значимость в современной языковой картине мира коми-пермяков, занимает в ней переходное или даже периферийное положение. Можно констатировать, что выбор конкретных таких лексем в качестве мотиватора прозвищ случаен, вероятность их использования в антропонимах данного разряда низкая.

Примечания

¹ Здесь сохранено написание, использованное носителем коми-пермяцкого языка как родного (но ср.: *ёрш* ‘ерш’ [Кузнецов, Спорова 1946: 84]).

² Семантика коми-пермяцких слов указана в соответствии с данными словаря: Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.

³ При цитировании анкетных данных сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁴ В терминологии Е.Л. Березович и М.Э. Рут. Подробнее см. [Березович, Рут 2000].

Сокращения

КПО – Коми-Пермяцкий округ

пр. – прозвище

Юрл. – Юрлинский район Коми-Пермяцкого округа

Юсьв. – Юсьвинский район Коми-Пермяцкого округа

Библиографический список

Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Изв. Урал. ун-та. 2000. № 17. С. 33–38.

Боброва М.В. Лексика тематического поля «Растительный мир» в современных прозвищах коми-пермяков // Филология в XXI в. 2018. № 1(1). С. 135–141.

Голева Т.Г. Этнотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп // Урал индустриальный. Бакунинские чте-

ния: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 44–48.

Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкой словарь. Кудымкар: Комипермгиз, 1946. 388 с.

Лобанова А.С. Этническая культура и культура коми-пермяков. URL: <http://komiperm.ru/library/Etnicheskaja-kultura-i-jazyk-komi-permjakov> (Дата обращения: 02.05.2019 г.).

Лобанова А.С., Нечаева Н.А. Собственные имена коми-пермяков: этнолингвистический аспект // Актуальные проблемы диалектологии языков и народов России: мат-лы XIV Всерос. науч. конф. (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.). Уфа, 2014. С. 164–166.

Лобанова А.С., Никонова М.Н. О вариантах функционирования личных имен в коми-пермяцком языке // Этническая культура и современная школа: мат-лы областной науч.-практ. конф. (22–23 апреля 2003 г., Кудымкар). Вып. 1. Пермь, 2004. С. 195–199.

Нечаева Л.Н. Собственные имена коми-пермяков в современных условиях. Вариативный и семантический аспект // Филология в зоне актуальности: вызовы времени: сб. ст. по мат-лам всерос. науч. конф. молодых ученых; г. Пермь, 1–2 апреля 2014 г. / ред. кол.: М.П. Абашева и др.; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2014. С. 156–159.

M.V. Bobrova

Teacher of College of Professional Education

Perm State University

Junior Research scientist in the Department of dialect lexicography and linguistic geography of the Russian language

Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences

THE ANIMAL WORLD VOCABULARY IN THE MODERN NICKNAMES OF THE KOMI-PERMYAKS: THE FISH NAMES

The article is about the ichthyological vocabulary (the fish names), which motivated the modern nicknames of the Komi-Permyaks, the residents of Perm region. The lexical and semantic, motivational, and onomasiological features of the occurrence of the words in these anthroponyms, are described. The conclusion about the linguocultural specificity of the ichthyological vocabulary: about its casuality in nicknames and low linguocultural significance in language, is made.

Key words: Komi-Permyak anthroponymy, modern nicknames, Perm region, ichthyological vocabulary, fish names.

К ВОПРОСУ О «ЯЗЫКЕ ЧИСЕЛ» КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ЗАГАДОК (на примере загадок с числительными *õtık* (один), *кык* (два))

В статье рассматриваются коми-пермяцкие загадки, содержащие числительные один и два. В ходе исследования приведены параллели с русскими загадками, в результате чего выявлены универсальные свойства числительных, к примеру, способность выступать в качестве определений, и их национальное своеобразие. Отмечаются грамматические особенности коми-пермяцкого языка в отношении использования числительных и их связь с мифологическим мировоззрением древнего коми-пермяка.

Ключевые слова: имена числительные в коми-пермяцких загадках, универсальность и национальные особенности загадок с числовым компонентом, символизм числа в загадке.

Малые жанры устного народного творчества: пословицы, поговорки, загадки, получившие в научном мире название паремий, являются отраженными в языке свидетельствами освоения окружающего мира. Осваивая мир, познавая его закономерности и используя их для удовлетворения своих потребностей, человек научился абстрактно мыслить – постепенно стал осознавать «число само по себе, независимо от предметов и лиц, которые могли исчисляться...» [Колесов 1982: 162].

Материалом для нашего исследования послужили тексты коми-пермяцких загадок из сборника «Красный круг по небу катается (Гöрд гöглян небоёт тарласьö)» (2010).

Какова функция чисел *õtık* (один), *кык* (два) в загадках и их возможная символика? Способны ли эти числа стать выразителями какого-либо особого признака предмета, отличного от количественного? Ответы на эти вопросы мы постараемся дать в статье. Для нашего исследования мы выбрали загадки, содержащие только одно числительное. Надо иметь в виду, что при переводе на русский язык они могут быть представлены в качестве не только количественных, но и порядковых имен числительных.

Бесспорно, особую роль в жизни человека играли числа, им «придавалось сакральное, “космизирующее” значение» [Структура текста 1980: 5]. Число *один*, например, в архаичной традиции – это не начало счета в современном смысле, а выражение целостности и единства, поэтому оно приписывается богу или космосу и «в наиболее древних текстах встречается крайне редко или вообще не встречается» [Мифы народов мира 1980:

630]. Скрывается ли за числом *один* особый смысл, или оно уже утратило символическую функцию и использовано в прямом значении – указывает на количество предметов – в коми-пермяцкой загадке *тӧлсь да звездаз йылсь* (про месяц и звезды): *Пастухыс ӧтік, а баляэзыс лыддьытӧмӧсь* (Пастух один, а овцы не считаны) [КК/ГГ 2010: 47-48, 23]? Из русских загадок указанной тематики соответствует следующая: «Один пастух тысячу овец пасет» [РНЗ ПК 2012: 15]. В русской загадке числительное *один* образует со словом *пастух* сочинительную связь, поэтому рассматривается в качестве определения. В коми-пермяцкой загадке и ее переводе “Пастух один, а овцы не считаны” слово *один* вступает в предикативные отношения. Если обратиться к грамматике коми-пермяцкого языка, то мы обнаружим, что среди слов, составляющих загадку, нет ни одного слова в именительном падеже в обычном понимании этой языковой категории. Да, слово *пастухыс* в коми-пермяцкой загадке стоит в именительном падеже, но притяжательный суффикс *-ыс* указывает на то, что этот предмет – в данном случае пастух – принадлежит какому-либо одному лицу (*пастухыс* – его (её) пастух; во множественном лице: *пастух-ныс* – их пастух; *пастух-ным* – наш пастух). В загадке *Пастухыс ӧтік, а баляэзыс лыддьытӧмӧсь* (Пастух один, а овцы не считаны) [КК/ГГ 2010: 47-48, 23] подразумевается, что у к о г о-т о есть пастух, и этот к т о-т о имеет овец – бесчисленное множество. В коми-пермяцкой загадке грамматически отразилось первобытное сознание: всё, что окружает человека, создано кем-то, кому-то принадлежит. Видимо, этот взгляд на мир сохранился и в современном коми-пермяцком языке в определенно-притяжательном склонении существительных. Следовательно, особый смысл числа *один* в национальной загадке окончательно не утрачен.

Количество звезд в коми-пермяцкой загадке *Пастухыс ӧтік, а баляэзыс лыддьытӧмӧсь* (Пастух один, а овцы не считаны) [КК/ГГ 2010: 47-48, 23] передано не именем числительным, а кратким причастием в форме множественного числа. Значение этого причастия переводится примерно так: предметов настолько много, что их подсчет невозможен. В аналогичной русской загадке «Один пастух тысячу овец пасет» [РНЗ 2012: 15] количество звезд определено числительным *тысяча*, что могло, по мнению ученых, обозначать «предел возможного» [Колесов 1982: 165]. Русскую загадку «Один пастух тысячу овец пасет» можно перевести дословно на коми-пермяцкий язык: *Ӧтік пастух сюрс баля пастухаӧ*. Как видно, количественная сторона одного и того же явления выражена в языках по-разному, возможно, потому, что языки, развиваясь в различных социально-культурных условиях, отображают «исторический опыт каждого народа по освоению этого мира» [Колшанский 1990: 31].

Нами обнаружены факты запрета на указание точного количества голов скота в хозяйстве коми-пермяка во избежание, к примеру, сглаза,

вот почему овцы могли быть *лыддьытёмось* (не считаны). Во время разговора на вопрос «Много ли у вас овец?» коми-пермяки обычно неопределенно отвечают: «*Котрасьёны мымдакё*» (Бегают сколько-то, сам не знаю точно) или «*Кынымакё емось*» (сколько-то есть, мне неизвестно), или «*кык-мёдик*» (дословный перевод этого выражения: два-другой или два-второй) [Полевые исследования]. Подобное явление характерно и для некоторых славянских народов. Например, по мнению С.М. Толстой, «у южных славян строго запрещалось считать звезды», потому что считавший может умереть, или у него на лице и руках вырастут бородавки, или же пойдет мор среди овец [Толстая: эл. ресурс].

Подобное указание на количество предметов в рассматриваемой загадке может быть связано с мифологическим мировоззрением коми-пермяка, с его пониманием себя как части природы. Числительное *тысяча* в русской загадке как бы ограничивает мир: он большой, но он определен, коми-пермяцкая загадка показывает, что мир открыт, огромен и бесконечен. Или древний коми-пермяк осознавал бесконечность натурального ряда чисел?

Иное значение у числительного *õtık* (один) в загадке *шонді йылісь* (про солнце): *Лун-лун õтік туй кузя ветлõtö* (Изю дня в день по одной дороге ходит) [КК/ГГ 2010: 46, 7]. Числительное *õtık* (один) в данном контексте, как в русском, так и в коми-пермяцком языке, обозначает признак, выступает в роли имени прилагательного (например, одинаковый). Подтверждение этому языковому факту находим в «Очерке грамматики коми языка» В.И. Лыткина и Д.А. Тимушева, где указано, что «количественные числительные в предложении могут выступать в роли ... определения...» [Очерк грамматики коми языка: эл. ресурс].

Исторически числительное *один* во многих индоевропейских языках не сразу стало использоваться для обозначения количества, а «по-видимому, употреблялось для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных» [Супрун 1969: 18-19]. Что-то похожее, скорее всего, наблюдалось и в финно-угорских языках. Рассмотрим это на примере коми-пермяцкого языка (в сравнении с русским языком). Слово-сочетание *õtık туй* в коми-пермяцком языке соответствует словосочетанию *один путь* или *одна дорога* в русском языке, где слово *õtık* (один) обозначает количество предметов. Например, в предложении *Менам керкуёсянь школадз ем дзир õтік туй* (От моего дома до школы есть только одна дорога) [КПРС 1985: 306]. Кроме того, и в том, и в другом языке порядковые числительные, указывающие на первые два предмета, образованы не от исходных имен количественных. В русском языке количественным числительным *один, два* соответствуют порядковые *первый, второй*, в коми-пермяцком языке количественным числительным *õtık, кык* (один, два) соответствуют *медодзза* (первый) – *мёд, мёдик* (второй),

помимо *кыкѳт* (второй). Следовательно, мышление людей, говорящих и думающих на разных языках, в своих некоторых чертах сходно, потому что язык, как «способ духовного освоения действительности», предполагает «одинаковые принципы человеческого мышления» [Колшанский 1990: 12].

Дуализм семантики числа *два* в народной традиции оправдан уже на уровне обыденного сознания, два – это 1 + 1. Два может рассматриваться как целое, состоящее из парных предметов (два глаза, две руки), – и на этом покоится «положительная семантика» числа [Толстая эл. ресурс]. Но, например, в русской традиционной культуре число *два* «получает преимущественно отрицательную оценку, считается дьявольским числом», потому что «два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по поверьям, принести неудачу и даже смерть» [Толстая эл. ресурс]. Кроме того, в результате многочисленных исследований древних текстов, содержащих числа, сделан вывод, что «число 2 лежит в основе бинарных противопоставлений» [Мифы народов мира 1980: 630], так как может быть представлено в виде объединения двух противопоставленных единиц (день – ночь, верх – низ, жизнь – смерть).

Во всех рассмотренных нами коми-пермяцких загадках (число загаданных предметов в которых не менее двух) «считаемые предметы рассматриваются как однородные; их однородность состоит уже в том, что их можно считать в качестве элементов некоего множества» [Супрун 1969: 6]. Действительно, если загадка говорит, что *Кык вон рядом олѳны, а ѳтамѳднысѳ оз адзѳ* (Два брата рядом живут, а друг друга не видят) [КК/ГГ 2010: 73, 223], мы считаем братьев (в данном случае *синнез* – глаза) безусловно похожими. В загадках такого вида мы наблюдаем вещи и явления, с которыми человек «постоянно сталкивался в быту и в работе» [Аникин 1957: 73], кроме того, это могут быть загадки о самом человеке.

Два предмета, которые являются объектами замещения в коми-пермяцких загадках, могут представлять отдельные, но однородные части одного целого. Например, в загадке *морт йылсь (про человека) Кык столб, Столббез вылас бочка, Бочка вылас коромысла, Коромысла вылас кашник, Кашник вылас вѳр быдмѳ* (Два столба, На столбах бочка, На бочке коромысло, На коромысле горшок, На горшке лес растѳт) [КК/ГГ 2010: 72, 213] это могут быть две его ноги. В загадке *Кык вон рядом олѳны, а ѳтамѳднысѳ оз адзѳ* (Два брата рядом живут, а друг друга не видят) такой парой выступают *синнез* (глаза) [КК/ГГ 2010: 73, 223]. В такой же взаимосвязи показаны *телега круггез* (колѳса телеги) в загадке *Кык вѳв ордѳн котѳртѳны* (Две лошади рядом бегут) [КК/ГГ 2010: 102, 459].

Интересна загадка *синнез йылсь (о глазах): Кык шатъ кымѳрѳдз судзѳны* (Две вицы до тучи достают) [КК/ГГ 2010: 73, 220]. Необычную, на первый взгляд, непонятную, «замену» глаз вицами хорошо объясняют

слова А. Афанасьева, сказавшего, что «вся трудность и вся сущность загадки именно в том и заключается, что один предмет она старается изобразить чрез посредство другого, какой-нибудь стороною аналогического с первым. Кажущееся бессмыслие многих загадок удивляет нас только потому, что мы не постигаем, что мог найти народ сходного между различными предметами, по-видимому, столь непохожими друг на друга; но как скоро мы поймем это уловленное народом сходство, то не будет ни странности, ни бессмыслия. [Афанасьев 1995: 13]. Такое «сходство» зафиксировано в коми-пермяцком языке фразой *видзёт керас – кыздз шатъон вурьштан* (глянет – как вицей хлестнет).

Замена загаданного неодушевленного предмета одушевленным характерна для загадок разных народов. Наличие объектов, связанных родственными отношениями, для описания загаданного предмета также не является чем-то своеобразным. Особенность коми-пермяцкой загадки состоит в том, что при указании на количество однородных частей загаданного предмета могут использоваться не только или братья, как в русской загадке «Два братца одним поясом подпоясаны» [РНЗ ПК 2012: 138] или только сестры как в загадке «Две сестры одним поясом подпоясались» [РНЗ ПК 2012: 138], но и братья и сестры одновременно, что зафиксировано в языке словом *соя-вона*, переводимым примерно как ‘сестринская-братская’. Загадка *йёр йылись* (про изгородь) *Кык соя-вона отік кушакён кушакасьёмась* (Сестра с братом одним кушаком подпоясаны) [КК/ГГ 2010: 86-87, 337] и загадка *йёр майёг йылись* (про жерди забора) *Кык соя-вона отік йиён йиасьёмась* (Сестра с братом одним поясом опоясаны) [КК/ГГ 2010: 86, 336] лексически синонимичны, но, скорее всего, всё же говорят о разных предметах. Первая загадка зашифровала часть изгороди от столба до столба, вторая – две вертикальных жерди забора, выступающие как единое целое.

Кроме рассмотренных загадок, с числом *два* в коми-пермяцком фольклоре встречаются загадки про уши лошади, про яйцо, про подвязывание лаптей и про надевание меховой шапки на голову. На наш взгляд, в коми-пермяцких загадках число *два* не несет отрицательной семантики, используется в прямом числовом значении, кроме рассмотренного случая про глаза, сравниваемые с вицами, в котором смысл сравнения затемнен.

В результате нашей работы выявлено, что явное предпочтение в коми-пермяцких загадках отдано числу два. К слову, из 49 загадок сборника с именами числительными 23 загадки имеют этот числовой компонент. Вообще же «язык цифр» в коми-пермяцких загадках универсален и совпадает с «языком цифр» русских загадок, если они касаются числительных от одного до пяти, и разнится при условии использования загадками чисел, кратных десяти. Кроме того, числа в коми-пермяцких загадках выражают не только прямое, количественное, но и оценочное значение, а чис-

ла, кратные двум и указывающие на родственные отношения, имеют национальные особенности.

Библиографический список с принятыми сокращениями

Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М., 1957. 237 с.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Том первый. М.: Современный писатель, 1995. 416 с.

Колесов В.В. История русского языка в рассказах: Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1982. 191 с.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 105 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авторы-сост.: Р.М. Баталова, А.С. Кривошеёва-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.

КК/ГГ – Красный круг по небу катается Гёрд гёглян небоёт тарласьё. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментариев. СПб.: Маматов, 2010. 144 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / гла. ред. С.А.Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.

Очерк грамматики коми языка. URL: <http://foto11.com/komi/grammar/> (дата обращения: 19 июля 2019).

РНЗ ПК – Русские народные загадки Пермского края: сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями. СПб., 2012. 256 с.

Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 3–58.

Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969. 232 с.

Толстая С.М. Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия. URL:<http://folk.spbu.ru/Reader/tolstaya2.php?rubr=Reader-articles> (дата обращения: 19 июля 2019).

M.G. Zhidkikh

Teacher of Russian Language and Literature
Lyceum №8, Perm

TO THE QUESTION OF THE LANGUAGE OF NUMBERS OF THE KOMI-PERMIAN RIDDLES (for example, puzzles with numerals one, two)

The article discusses Komi-Perm puzzles containing numerals one and two. In the course of the study, parallels with Russian riddles are given, as a result of which the universal properties of numerals are revealed, for example, the ability to act as adjective names, and their national identity. Grammatical features of the Komi-Permyak language are noted in connection with the use of numerals and the connection of numerals with the mythological worldview of the ancient Komi-Permyak.

Key words: numerals in Komi-Perm riddles, universality and national features of riddles with a numerical component, symbolism of the number in the riddle.

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры теории и технологии обучения
и воспитания младших школьников
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zvereva_yuliya_2013@mail.ru

НАЗВАНИЯ ХОЛЩОВЫХ ТКАНЕЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта №19-18-00117 Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья

В статье рассматриваются названия тканей домашнего изготовления, произведенные из растительного сырья. В пермских говорах отмечается большое количество наименований льняной и конопляной ткани, которые могут характеризовать материал с разных сторон: степени очищенности от примесей, толщины переплетения нитей, окрашенности ткани в тот или иной цвет. Большинство слов в этой лексико-семантической группе являются исконно русскими.

Ключевые слова: Пермский край, пермские говоры, лексика, названия тканей.

Одежда и обувь, как и другие предметы быта, занимают важное место в жизни носителя диалекта, являются показателем территориальной, этнической и социальной принадлежности человека. В названиях одежды и обуви находят отражение культура, традиции и обычаи русских крестьян, проживавших на территории Прикамья.

В пермских говорах отмечается большое количество языковых единиц, обозначающих различные виды одежды и обуви, а также материалов, из которых они изготавливаются. Лексика, называющая традиционную одежду, постепенно уходит из языка, поскольку уходят в прошлое реалии. Из-за распространения материалов фабричного производства многие слова, называющие традиционные ткани, изготовленные в крестьянском хозяйстве, перестают употребляться, устаревают.

Предметом анализа в настоящей работе стали названия тканей, изготовленных в домашних условиях. Отдельных исследований, посвященных названиям тканей немного, в основном это работы историко-лексикологического характера, например, статьи О.Н. Гауч [Гауч 2008], Г.А. Лукиной [1972], Е.Н. Поляковой [Полякова 2010], О.Г. Щитовой [Щитова 2007], диссертации З.А. Носковой [Носкова 1989] и М.В. Тарасовой [Тарасова 2001]. Существуют также научные работы, по-

священные изучению лексики текстильного производства на материале русских говоров [Боровая 2012; Михайлова 1969; Ненашева 2017; Чумакова 1965] и литературного языка [Петрунина 1971; Штукарева 2001]. В пермских говорах зафиксировано более 200 лексем, называющих ткани, однако эта лексико-семантическая группа еще не становилась объектом изучения.

Для номинации самого понятия *ткань* используется как литературные лексемы *ткань*, *материя* и *материал*, так и фонематические, морфологические и словообразовательные варианты к этим словам: *матери́чка* (*матери́чко*), *матерь*, *матерьё*, *матерьишко*, *матерля́н*, *матерья́лец*, *ткани́на*, *тканка*, *тканьё*. Часто такие варианты имеют дополнительную эмоциональную окраску.

Хотя слова с этими корнями могут обозначать любую ткань, однако чаще всего лексемы с корнями *матери-* и *материал-* используются для названия ткани фабричного производства (*Матери́чка никакого не было на штаны, в холишовом ходили. Акчим Краснов. А это вот из материя, фабрично да чё на машине. Акчим Краснов. [АС]*), а с корнем *тк-* для самодельной материи: *Один сундук ситцевой лопоти привезла, а другой – тканья. Тюлькино Сол. Дак ведь раньше всю тканьку на краснах ткали. Илаб Сол. [КСРГСПК]. Ткали тканку на юбку; гляди, какая она клетчатая; тканки клетчатые и полосатые бывают. Осокино Сол. [СПГ]*.

В пермских говорах для наименования ткани фабричного производства также используется слово *мануфактура* и его фонематические варианты (*манафактура*, *манафактурак*, *малафактура*, *манакура*): *Так вот раньше-то мануфактуры не было, что такли, то и носили. Бондюг Черд. А теперь стали манактуру продавать, не стали носить на голое-то холишовое. Бигичи Черд. [КСРГСПК]*. В говорах сохраняется устаревшее значение слова *мануфактура* ‘ткани, текстильные изделия’, однако появляется дополнительная сема ‘фабричного изготовления’. Очевидно, что эта семантика лексемы связана с ее происхождением, так как в русском языке первоначально слово использовалось в значении ‘текстильная фабрика’ [Черных 1: 509-510]. В значении ‘ткань фабричного производства’ в говорах встречается также сочетание *красный товар*: *Красным товаром торговал мужик, мануфактурой. С красным товаром татары приехали. Кузнецова Сол. [СПГ]. Красный товар был. Сичас мануфактура это. Илаб Сол. [КСРГСПК]*. Этот фразеологизм был широко распространен в русском национальном языке, сейчас же является вышедшим из употребления.

Таким образом, для носителей языка был важен такой признак ткани, как характер изготовления: в домашних условиях или производственным способом. Для наименования ткани домашнего изготовления исполь-

зуются также лексемы **домотканина**, **домотканка** ‘домотканая холщовая ткань’ (*Женищины носили сарафаны и юбки длинные и широкие. Рубахи из домотканины, а рукава из ситца, оставляли ластовицы. Гадья Черд. [КСРГСПК]; Юбочку и кофту одинакового цвета, парочкой подбирали. Кто победнее – ситец, или домотканку. Богатовка Чернуш. [АЧ]*) и **самодельщина** ‘ткань домашнего изготовления’ (*У нас, вишь, самодельщина наткана у самих. Акчим Краснов. [АС]*).

Для изготовления ткани часто использовалось растительное сырьё – лён или конопля. Обычно для именования льняной и конопляной ткани домашнего изготовления употреблялись слова **холст** и производные от него **холстина**, **холстинка**, **холстовина**, **холицина**, **холицовина**, **холицовица**, **холицовое**: *Выткешь холст, а потом выбасишь какой-нибудь краской, я чернила в кукусиновый цвет. Тюлькино Сол. Нижна рубаха: вверху гумага, а по станушке – холстина. Жуланова Сол. [СПГ]. Холстинку-то выткешь белую и сошьём становины. Марушева Черд. Гуни-те дублёны были, ешо колишовиной покрывали их. Адамово Черд. Раньше-то еть не было никакой материш, из холишовицы всё шили. Колвинец Черд. [КСРГСПК]. В первый класс мама холст окрасила, сошила стяженки [нынче пальто], подклад сделала холстяной, вот я иду и царапаюсь. Холицина колет. Усть-Гаревая Добр. [АЧ]*.

Часто с этими лексемами употребляются определения, таким образом возникают номинативные сочетания, называющие конкретный вид ткани в зависимости от сырья или степени его очеса: **волоконный холст** (*Волоконный холст получше, а толстый похуже – изгрёбный, из изгрёбей. Акчим Краснов. [АС]*), **изгрёбный холст** (*Изгрёби получают, когда второй раз руно треплешь. Изгрёбный холст. Парусину из её делают, половики. Илаб Сол. [КСРГСПК]*), **конопляный холст** (*Конопляной холст толстой, ето мешки шить. Камгорт Черд. [КСРГСПК]*), **леняной холст** (*Изгрёбной холст шёл на верхнюю одежду, запоны, таны. Леняной холст – на праздничную одежду. Вилиб Черд. [КСРГСПК]*), **пачесной холст** (*Тонкое ткали. Тонкой, изгрёмной, пачесной, всякой [холст]. Носкова Юрл.*), **рядиношный холст** (*Берут толстые нитки, из их рядиношной холст ткут; недотки из его шили рыбу ловить. Оськино Сол. [СПГ]*), **толстый холст** (*Я-то без мамы толстой холст сотку. Камгорт Черд. [КСРГСПК]*), **тонкий холст** (*Из тонкого холста. Давыдово Гайн. [КСРГСПК]*), **холстинка кежовая** (*Холстинку кежовую выткала. Марушева Черд. [СПГ]*), **холицовица отрённая** (*Раньше бельё-то было холишовица отрённа. Редикор Черд. [КСРГСПК]*).

Такие определения, как **волоконный**, **изгрёбный**, **отрённый**, **пачесный**, в составе сочетаний указывают на степень очистки льна: **волоконный** ‘изготовленный из наиболее тонкого и эластичного волокна льна’

(Нижню рубашку сделали. Становину налаживали волоконную, тоненькую. Акчим Краснов. [АС]), **изгрёбный** ‘изготовленный из изгребей – сорта льняного волокна, получаемого после отделения волокна и пачесей’ (Нижние юбки-те толстые были, изгрёбные, грубые, эко место. Верхнее Мошево Сол. [СПГ]), **отрёпный** ‘вытканый из отходов, полученных при трепании льна’ (Летом носили онучча. Портянка холишова, отрёпная. Из отрёпья нарядут. Тиуново Гайн. [КСРГСПК]), **пачесный** ‘сделанный из пачесей – отходов при вторичном чесании льна’ (Уж если тонко надо пресь, то пачесают, и называется пачеса. И почесное из него бельё шьют, становины у жсенин. Редикор Черд. [КСРГСПК]). Определения **конопляный** и **леняной** называют сырьё, из которого получается ткань, прилагательные **толстый** и **тонкий** указывают на толщину ткани и степень выделки. Определения **кежовый** и **рядиношный** образованы от названия тканей **кеж** ‘грубый домотканый холст в полоску или крупную клетку’ и **рядно** ‘неплотная, редко сотканная ткань’, и, таким образом, характеризуют материал с точки зрения цвета и плотности переплетения нитей.

Для наименования льняного холста употреблялись слова **лён** (Лён-от на гуни, на онучи, на запоны шёл да на бешметы. Пянтег Черд. [КСРГСПК]) и **ленное**, **лённое** (Лённое – на полотно, изгрёбной-от – од-нозубица. Митрофанова Черд. [КСРГСПК]). Из льна получали разную ткань в зависимости от степени очищенности, в пермских говорах фиксируются лексические единицы, которые указывают на это. Так, **тонкопряденный лён** обозначает тонкую льняную ткань, а **пачесной лён** – ткань, полученную из пачесей – отходов при вторичном чесании льна.

Значение ‘тонкая льняная ткань’ имеют также лексемы **волокно** (Волокно-то – это льняной холст с колюцьками. Редикор Черд. [КСРГСПК]); **полотно** (Подъюбочники шили: полотно белоё, кружева пришьют; ожи-дён и в праздник носили, у кого есть. Верхнее Мошево Сол. [СПГ]); **тонкое** (Тонкоё ткали. Носкова Юрл. [КСРГСПК]). Наименование **волокно** закрепляется за тонкой льняной тканью, так как одно из значений этого слова в говорах ‘очищенный от костры, вычесанный лён’ [СРНГ 5: 53]. Лексема **полотно** в пермских говорах может обозначать как любую ткань домашнего изготовления, так и получать более конкретное значение. По мнению исследователей, слово **полотно** (*poltъno) является общим для всех славян обозначением льняной ткани [Лукина 1990: 68]. Видимо, в русском языке появляется и более узкое значение, в «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» оно тоже фиксируется [СЛПП 2: 74].

Для наименования более грубой ткани, включающей примеси от обработки льна используются лексемы **толстое** (Изгреби, из них вот и тол-

стое. Камгорт Черд. [КСРГСПК]), *изгреби* (*Изгреби-те* – это изгрёбной холст, это полотно само. Акчим Краснов. [АС]), *изгрёбно* (*Щетью чешешь – отходят изгреби, спрядешь их... из их ведь изгрёбно-от холст называется, он толстой. Тюлькино Сол. [СПГ]),* *портянина* (*Из ниток напредём да наткём – это портянина. Лён напредём, наткём – портянина; из кудели – тоже портянина. Володино Сол. [СПГ]),* *портяное* (*Из портяного, там оболочки такие шились. Из холста выткнут эту, наткут, а потом туда настешку наделают – вату, ли кудель ли. Кулики Очер. [АЧ]).* Слова *изгреби* и *изгрёбно* являются производными от глагола *jbgzgrebti ‘выскрести, выгрести’, подобные лексемы фиксируются во многих славянских языках и имеют значение ‘очески льна, конопли’ [ЭССЯ 9: 30–31]. Лексемы *портянина* и *портяное* образованы от прилагательного *портяной*, которое происходит от существительного *порт* ‘грубая ткань (пеньковая, льняная)’ из праславянского *rǫtь, связанного с глаголом *пороть* [Фасмер 3: 334].

В пермских говорах отмечаются также названия льняной ткани, которые различаются по признаку окрашенности в какой-либо цвет/ неокрашенности: *безузорица* ‘холст, ткань без узора’ (*Мама у нас все больше безузорицу ткала. Мухоморка Юрл. [СРГКПО]);* *вишнёвка* ‘домотканая пестрядь красного цвета’ (*Были вишнёвки – рубашиная пестрядь. Черный Яр Киш. [СРГЮП]);* *кеж, кежина* ‘грубый домотканый холст в полосу или крупную клетку’ (*Кеж – цветной лён. Кежи делают только в клетку. Зелва Черд. Кеж – материал крашеный, наткут цветными нитками. Камгорт Черд. Цветная ткань кежина зывается, белая – холст. Баяндино Черд. [КСРГСПК]);* *крашенина* ‘крашеная ткань домашнего изготовления’ (*Сидели вечерами-то лен теребили, волокно пряли на крашенину. Всё ведь раньше из своего полотна шили. Орда Орд. [СПГ]);* *пеструшка, пестрядушка, пестрядь* ‘домотканый льняной (реже из конопли) холст в клетку или в полосу’ (*Мама направит – я по готовой дороге езжу. Я сновала, мама узоры направляла. Пеструшки и простой холст ткала. Бор Сукс. Пестрядушка полосатая. Мелкие полосы. Красные, синие полосы. Основа-то одинаковая. Мартьяново Сукс. [СРГЮП]. Пестрядь в мелкую клетку ли в полосу ли, а кеж в крупную клетку, на скатёрку. Ныроб Черд. [КСРГСПК]);* *чернядь* ‘домотканый холст, выкрашенный в синий или чёрный цвет’ (*Была шапка с полками: верховище – четыре клина, подкладка шубна или стачёна, верх – из черняди. Харюшина Сол. [СПГ]).* Приведенные лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму, кроме слова *кеж*. В статье Л.П. Михайловой приводятся различные языковые единицы, которые могут быть фонематическими вариантами слова. Исследователь отмечает, что происхождение лексемы неясно, хотя она отмечается в памятниках письменности XVII века со значением ‘пеньковая плотная

ткань, главным образом полосатая' [Михайлова 2013: 73]. По мнению А.Е. Аникина, слово *кеж* – ориентализм, но источник его происхождения неизвестен [ЭСРДС: 280]. В пермских говорах лексема *кеж* обозначает не пеньковую, а льняную ткань. Скорее всего, значение слова меняется, поскольку лен для изготовления одежды использовался в крестьянском быту чаще, чем конопля.

Часть лексем, называющих холщовую ткань, мотивированы способом изготовления на ткацком стане: *восьмерик*, *восьмина* 'толстый льняной холст, вытканый на берде в 8 пасм' (*Если в одну нитку – это называется однозубича. А если всё снуёшь – называются восьмерик*. Акчим Краснов. [АС]. *В берде восем пасом – ткём восьмину из гребя* (Тюлькино Сол.) [СПГ]); *однозубица*, *однозубичка*, *однозубка* 'редкий домотканый холст, получаемый при заправке лишь одной нитки в промежуток между зубьями берда' (*Однозубицу-то ткали, в одном зубу две нитки, в другом одна*. Митрофанова Черд. [КСРГСПК]. *Однозубицька. По одной нитоцьке в зубу-ту*. Акчим Краснов. [АС]. *По одной в зуб навставляют – будет однозубка, реденькое полотно*. Русский Сарс Окт. [СРГЮП]); *третница* 'холст домашнего производства, вытканый особым способом – в одном зубу берда две нитки, а в другом – одна' (*Третница – жиденькой холст, на портянки да чё да ткут*. Тюлькино Сол. [СПГ]); *череззубица* 'домотканый холст, основа которого формируется чередованием одной и двух нитей' (*Чтобы легче была лопотина-то, ткали череззубицу. Это значит, что в берде имеются зубья. В одном зубу две нитки, в другом одна*. Пянтег Черд. [КСРГСПК]).

В пермских говорах отмечаются и другие наименования холщовой ткани, которые мотивированы другими признаками: способом нанесения рисунка на ткань: *набойка* и *набойник* (*С ластовкима, рубаха с наставкима, выбирали на кроснах. Набойка – набойцятой холст*. Носкова Юрл. *Набойник – это матерьял, набойник синий, с цветами*. Редикор Черд. [КСРГСПК]); плотностью плетения: *рединка*, *редное*, *рядно* 'неплотная, редко сотканная ткань' (*Рединка. Бердо по одной нитке в зуб*. Покча Черд. [КСРГСПК]. *Штаны мужикам шили из редного*. Опалиха Киш. [СПГ]. *Рядно – редкий холст*. Гадья Черд. [АЧ]). Как мы видим, для наименования одной реалии могут быть использованы разные лексемы, обычно в названии актуализируется один признак ткани.

Таким образом, в пермских говорах встречается большое количество наименований холщовой ткани. Эти названия могут быть мотивированы различными признаками: материалом, способом изготовления, цветом. Большинство лексем этой группы имеют русское происхождение, что связано с древностью возделывания льна и конопли и изготовления из них тканей на территории России.

Сокращенные названия районов Пермского края

Гайн. – Гайнский; Добр – Добрянский; Киш. – Кишертский; Краснов. – Красновишерский; Окт. – Октябрьский; Орд. – Ординский; Очер. – Очерский; Сол. – Соликамский; Сукс. – Суксунский; Черд. – Чердынский; Чернуш. – Чернушинский; Юрл. – Юрлинский.

Библиографический список с принятыми сокращениями

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

АЧ – Этнографический архив А.В. Черных.

Боровая Е.И. Лексика вышивания в орловских говорах: названия тканей, используемых при вышивании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 93–102.

Гауч О.Н. Наименования тканей в деловых документах второй половины XVIII века (на примере документов Тобольского филиала государственного архива Тюменской области // Вестник Челябинского университета, № 37, 2008. С. 21–27.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания.

Лукина Г.А. Названия тканей в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. // Этимология. М.: Наука, 1972. С. 242–262.

Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990.

Михайлова Л.П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах. Дисс. канд. филол. наук. Л., 1969. 488 с.

Михайлова Л.П. Тюркский след в лексике севернорусских говоров (Чежовина) // Вестник КГУ им. А.Н. Некрасова. 2013. № 1. С. 71–75.

Ненашева Л.В. Названия женской одежды в говорах Архангельской области // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 115–123

Носкова З.А. История наименований тканей в древнерусском языке XI–XIV вв. Дисс. канд. филол. наук. М., 1989. 246 с.

Петрунина В.М. Русская лексика современного текстильного производства (семантическая и словообразовательная характеристика). Дисс. канд. филол. наук. Пенза, 1971. 324 с.

Полякова Е.Н. Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 14–24.

СЛПП – Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010–2011.

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (издание продолжается).

Тарасова М.В. Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI – XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. Тула, 2001. 245 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Москва: Прогресс. 1986-1987.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1–2.

Чумакова Ю.П. Текстильная лексика говоров района "Богословщина" рязанской области: семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика. Дисс. канд. филол. наук. Горький, 1965. 535с.

Шугарева Е.Б. Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке. Дисс. канд. филол. наук. Москва, 2011. 259 с.

Щитова О.Г. Лексико-семантическая группа названий тканей в томских деловых документах XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. с. 55–62.

ЭСРДС – Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск: Наука. 2000. 768 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Москва: Наука, 1974–2019. Вып.1–39.

Yu. V. Zvereva

Associate Professor of the Department of Theory and Methods
of Teaching and Training Junior Schoolchildren
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

NAME OF CANVAS FABRICS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE PERM REGION

The article discusses the names of home-made fabrics made from vegetable raw materials. In the Permian dialects there is a large number of names for linen and hemp fabric. These names can characterize the material from different angles: the degree of purity from impurities, the thickness of the weave of the filaments, the color of the fabric in a particular color. Most of the words in this lexico-semantic group are native Russian.

Key words: Perm region, Perm dialects, vocabulary, names of fabrics.

Михайлова Анастасия Владимировна

аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
lobanova.a93@yandex.ru

Лобанова Алевтина Степановна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, русского и
коми-пермяцкого языков, методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена некоторым особенностям английской и коми-пермяцкой языковых моделей времени. Предпринята попытка сопоставительного анализа их ключевых компонентов: видовременных форм глагола и слов-носителей языковой модели. Результаты работы могут иметь практическое значение при обучении коми-пермяков английскому языку.

Ключевые слова: языковая модель времени, коми-пермяцкий язык, английский язык.

Современной лингвистикой признано, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира – сложная многоуровневая система, отражающая совокупность представлений народа об окружающем мире, его устройстве, концептуализации действительности в самых разных аспектах.

Одной из важнейших составляющих данной системы является восприятие этносом категории времени. Каждая культура характеризуется своим восприятием и осознанием этой философской, культурологической и лингвистической категории. Языковая модель времени, представляющая собой часть языковой картины мира, является объектом данного исследования. Заметим, что ученые справедливо считают время одной из труднейших категорий. «Никто и ничто, никакие явления, процессы и свойства не могут существовать вне времени, не меняться с течением времени и быть ему не подвластным, именно поэтому категория времени имеет для человека большое значение. Вместе с тем хотелось бы отметить, что восприятие времени в каждой культуре является уникальным и имеет свои разнообразные связи с другими понятиями и лексическими полями» [Казаченко 2015: эл. ресурс].

Языковая модель времени – это презентация научных и наивных представлений о времени при помощи различных языковых средств, в том числе и при помощи семантики слов-носителей этой модели [Стопочева-Мойер 2001: 13]. В лингвистике феномен времени чаще рассматривается с позиций семиотики, этнолингвистики, лингвокультурологии или когнитивной лингвистики. «В языке коми-пермяков средства его репрезентации существуют на грамматическом и лексическом уровне. К их числу относятся видовременные формы глагола, аналитические формы времени глагола, морфемы с темпоральным значением, темпоральные лексические единицы, устойчивые выражения, реализующие данное значение» [Лобанова 2017: 147]. Уникальность каждой языковой модели времени приводит к тому, что при изучении иностранного языка обучающиеся сталкиваются с определенными трудностями как на лексическом, так и на грамматическом языковых уровнях. В языке реализуется несколько когнитивных моделей времени, определяемых как культурно-познавательным опытом этноса, так и свойствами самого языка, функционирующего в речи. «...Язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних – грамматических и лексических – средств для обозначения темпоральных аспектов действительности» [Арутюнова 1997: 9].

В данной работе, используя сопоставительный метод анализа. Мы попытаемся обозначить некоторые грамматические элементы – точнее, глагольные формы коми-пермяцкого и английского языков, реализующие темпоральную семантику, чтобы в дальнейшем использовать полученные результаты при обучении коми-пермяков иностранному языку.

Особую роль в интерпретации идеи времени в языке играют глаголы, выражающие мир событий, существующих во времени [Болдырев 2009: 72]. В связи с этим считаем необходимым уделить особое внимание системам видовременных форм глагола в двух языках. Поскольку практическое применение результатов работы видим в использовании на занятиях английского языка, то и логика, в которой будет выстроен сопоставительный анализ, должна отвечать этим целям: из 16 видовременных форм английского языка в статье будут рассмотрены только 9, изучаемых в рамках школьной практики и вузовской программы для неязыковых факультетов.

Группа простых времен (Simple/Indefinite Tenses) в английском языке используется для выражения действий, которые протекают в настоящем, прошлом или будущем времени, но не указывают на его характер, продолжительность, завершенность или предшествование другому действию. Другими словами, в грамматической форме глагола этой группы времен заключена семантика единичности или постоянности, а также по-

втора или регулярности действия в настоящем, прошлом или будущем. В коми-пермяцком языке для обозначения единичных и повторяющихся действий функционируют разные видовременные формы глагола. На конкретном примере можно увидеть, что простому настоящему времени в английском языке будут соответствовать две видовременные формы в коми-пермяцком языке: *Masha feeds her dog.* к.-п. *Машиа вердЛё ассис понсö* букв. «Маша иногда кормит свою собаку». / к.-п. *Машиа вердö ассис понсö* букв. «Маша кормит свою собаку». На многократность производимого действия в коми-пермяцком языке указывает суффикс *-л*, имеющий синонимичные варианты: *-ывл*, *-лывл*.

Простому прошедшему времени английского языка в коми-пермяцком языке соответствуют уже 4 грамматические формы: *Mary fed her dog.* к.-п. *Машиа вердic ассис понсö* букв. «Маша накормила свою собаку». / к.-п. *Машиа вердLic* (или *вердЛЫВLic*) *ассис понсö* букв. «Маша иногда кормила свою собаку». / к.-п. *Машиа вердöм ассис понсö* букв. «Маша, оказывается, накормила свою собаку». / к.-п. *Машиа вердLöм* (или *вердЛЫВLöм*) *ассис понсö* букв. «Маша, оказывается, иногда кормила свою собаку».

Приведенные выше коми-пермяцкие формы нуждаются в небольшом комментарии. Дело в том, что коми-пермяцкому глаголу наряду с настоящим временем, будущим простым и будущим сложным временем присущи шесть грамматических форм с семантикой прошедшего времени (в большинстве своем это аналитические формы). Особый интерес представляют формы очевидного прошедшего времени и неочевидного прошедшего времени. Выбор формы определяется тем, видел ли говорящий, как происходило действие (очевидное прошедшее), или не видел (неочевидное прошедшее). В рамках данной работы практически не рассматриваются остальные четыре грамматические формы глагола прошедшего времени.

Простому будущему в английском может также соответствовать несколько коми-пермяцких форм. Поскольку они являются синонимичными, нет необходимости их приводить все: *Mary will feed her dog.* / к.-п. *Машиа вердас ассис понсö* букв. «Маша накормит свою собаку». / к.-п. *Машиа вердЛЫВЛас ассис понсö* букв. «Маша иногда накормит свою собаку».

Времена длительной группы (Continuous/Progressive Tenses) в английском языке выражают действие как процесс, то есть действие, продолжающееся в момент речи или в настоящий период времени; действие, которое длилось в какой-то момент или период времени в прошлом или будет длиться в будущем. В коми-пермяцком языке функционирует форма прошедшего времени, весьма схожая с английской формой прошедшего длительного. Следует, однако, уточнить, что настоящее и будущее дли-

тельные времена английского языка в языке коми-пермяков будут соответствовать тем формам, которые отвечают за единичные действия в группе простых времен: *Masha is feeding her dog.* / к.-п. *Машиа вердö ассис понсö* букв. «Маша кормит свою собаку»; *Masha was feeding her dog.* / к.-п. *Машиа вöлі вердö ассис понсö* букв. «Маша кормит было свою собаку»; *Masha will be feeding her dog.* / к.-п. *Машиа вердас ассис понсö* букв. «Маша накормит свою собаку».

Совершенные времена (Perfect Tenses) английского языка выражают действие, которое произошло до определенного момента в настоящем, прошедшем или будущем времени, а также наличие какого-либо результата действия. В русском языке то же значение частично передают глаголы совершенного вида, которые отсутствуют в коми-пермяцком. Кроме того, настоящее совершенное время в английском соответствует прошедшим видовременным формам как в русском, так и в коми-пермяцком языках, что вызывает определенные трудности у учащихся. Выделенные нами формы глагола в коми-пермяцком языке, способные обслуживать перфектную группу, не имеют полных английских соответствий, а характеризуются лишь некоторыми схожими чертами в формах настоящего и прошедшего времени.

Для будущего простого времени в коми-пермяцком языке нет никакой особой формы, более того, данная грамматическая форма полностью совпадает с формой настоящего времени (в 1 л. и 2 л.), только контекст определяет время – настоящее или простое будущее. А вот грамматические формы 3 л. имеют разные маркеры для простого будущего и настоящего времени. По этой причине, сопоставляя формы простого, длительного и совершенного времен английского языка с близкими по значению формами коми-пермяцкого языка, приходится пользоваться одним вариантом. Сравните: *Masha has fed her dog.* / к.-п. *Машиа вердöм ассис понсö* букв. «Маша, оказывается, накормила свою собаку»; *Masha had fed her dog.* / к.-п. *Машиа вöлі вердöм ассис понсö* букв. «Маша, оказывается, накормила было свою собаку»; *Masha will have fed her dog.* / к.-п. *Машиа вердас ассис понсö* букв. «Маша накормит свою собаку».

Таким образом, системы видовременных форм английского и коми-пермяцкого языков являются достаточно развитыми и имеют как сходства, так и различия, что подтверждает факт уникальности каждой языковой модели времени при наличии общезыковых универсалий. Семантические значения способов протекания действий во времени, которые в одном языке заложены в грамматической форме глагола, могут быть переданы с помощью слов-носителей языковой модели времени (так называемых «слов-маркеров») в другом языке. Словами-носителями языковой модели времени могут быть:

- 1) термины, обозначающие единицы измерения времени (*минута, час*);
- 2) термины, обозначающие временные промежутки (*день, месяц*);
- 3) слова, указывающие на регулярность (*обычно, иногда*);
- 4) слова, указывающие на момент речи (*сейчас, в данный момент*);
- 5) слова, указывающие на завершенность действия к моменту речи (*уже, ещё*);
- 6) слова, обозначающие прошлое, настоящее, будущее (*вчера, сегодня, завтра*).

Стоит отметить, что термины, обозначающие временные промежутки и единицы измерения времени, часто используются в сочетании с другими словами – носителями языковой модели, т.к. самостоятельно не способны указывать на определенный момент или промежуток во времени, а лишь отражают способы его измерения и членения.

Очевидно, что не все слова-маркеры английского языка будут иметь прямой перевод на коми-пермяцкий язык, и наоборот. В большинстве случаев всё же удастся подобрать адекватный эквивалент (к.-п. *удерлун – two days ago* «позавчера») или прибегнуть к заимствованным из русского языка словам (*час – an hour*). Сложнее обстоит дело с предлогами времени английского языка, аналогов которым нет в коми-пермяцком в силу полного отсутствия этой части речи в данном языке. Их функции выполняют либо послелоги (*by 7 o'clock – 7 час кежӧ* «к 7 часам»), либо особые падежные формы (*from 9 to 11 o'clock – 9 чассянь 11 часӧдз* «с 9 часов до 11 часов»). Очевидно, что обозначенные составляющие довольно интересно проявляются в сопоставляемых языках и требуют отдельного анализа.

Сопоставив ключевые аспекты английской и коми-пермяцкой языковых моделей времени, можно сказать, что для снятия предполагаемых трудностей при обучении коми-пермяков иностранному языку особое внимание следует уделить следующим моментам:

- 1) Объективным различиям между языковыми моделями времени, вызванными уникальностью языковой картиной мира разных народов. Билингвальные учащиеся потенциально готовы воспринять этот факт, т.к. им уже приходилось сталкиваться с подобными различиями в русском и родном языках.

- 2) Сложным системам видовременных форм глагола в обоих языках, имеющим как общие черты (развитая парадигма форм прошедшего времени в коми-пермяцком языке, имеющая определенные семантические сходства с формами английского языка), так и существенные отличия (множество форм глагола в коми-пермяцком языке, способные обслуживать группу простых времен английского языка).

3) Словам-маркерам и их эквивалентам, помогающим ориентироваться в иноязычной модели времени.

4) Соотношениям предлогов времени английского языка с послелогов времени и особыми падежными формами в коми-пермяцком языке.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д., Янко Т.Е. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индик, 1997. 352 с.

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты. СПб.: URSS, 2009. 176 с.

Казаченко О.В. Концепт «время» в русской языковой картине мира: новые перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/665> (дата обращения: 30.05.2019).

Лобанова А.С. Лингвокультурологический аспект исследования циклического времени в коми-пермяцком языке // Пермистика-16. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2017. С. 147-153.

Стопочева-Мойер А.Ю. Время в контексте языка и культуры: минимальные единицы членения. Учебно-методическое пособие. М.: Диалог-МГУ; Макс-Пресс, 2001. 51 с.

A. V. Mikhailova

Postgraduate Student of Foreign Language Methodology Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

A. S. Lobanova

Associate Professor of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages
and Methods of Teaching Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

LANGUAGE MODEL OF TIME IN ENGLISH AND KOMI-PERM LANGUAGES

The article is devoted to some features of the English and Komi-Perm language models of time. The comparative analysis of their key components is made: the forms of the verb and the words-markers of the language model. The results of the work can have practical application in teaching English in case of Komi-Perm students.

Key words: language model of time, Komi-Perm language, English language.

Пешина Калиса Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru

Денисова Нина Александровна
учитель русского языка и литературы
МАОУ «СОШ № 60» г. Перми
nadenisowa@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ДЕРЕВНИ РАТЕГОВА

В статье дается характеристика микролокальной фольклорной традиции деревни Ратегова, располагавшейся в Красновишерском районе Пермского края и ныне исчезнувшей. Описывается специфика календарного и семейного обрядового фольклора, сохранившиеся элементы исторической и семейной памяти, мифологическая проза. Материалом для работы послужили интервью с бывшими жителями Ратеговой и записи из фольклорного архива ПГНИУ.

Ключевые слова: Пермский край, микролокальная традиция, календарный и семейный фольклор, мифологическая проза, сельская антропонимия.

Современная реальность жестока к небольшим населенным пунктам, и всё больше деревень, отстоящих далеко от крупных городов, стирается с лица земли. Вместе с ними утрачиваются микролокальные варианты обрядов, исчезают фольклорные произведения различных жанров, уходит память о традиционном укладе жизни.

В деле фиксации ускользающих от нас воспоминаний помощь могут оказать исследовательские работы, выполненные учащимися средней школы и посвященные составлению родословной, изучению истории семьи и деревни, где проживали предки. В основу этой статьи легла одна из таких работ, выполненная старшеклассницей Е. А. Денисовой под руководством учителя Н. А. Денисовой [Денисова Е., Денисова Н. 2018]. В рамках краеведческого проекта «Прикамская сторона» в 2017–2018 гг. было записано несколько больших интервью и собран ценный материал о фольклорной традиции североприкамской д. Ратегова. Рассказчицей стала близкая родственница собирателей Антонина Ильинична Аверкина (в девичестве Щёткина), которой на момент интервью было 88 лет. На родине она прожила до 16 лет, впоследствии переехав с семьей в г. Краснокамск.

Нам показалось интересным реконструировать элементы фольклорной традиции этой деревни, опираясь на доступные источники. В дополнение к интервью с А. И. Аверкиной в архиве Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ удалось найти записи двух бесед с жительницами Ратеговой, сделанные в 1986 г., и интервью с переселенкой из этой деревни, записанное в 2010 г. Таким образом, в нашем распоряжении оказались материалы разных лет, различные по объему и содержанию. Их сопоставление и описание состояния традиции в период 1930–50-х гг. – основная задача этой статьи.

Изучение локальных и микролокальных традиций остается одним из актуальных направлений современной науки [Локальные традиции... 2003; Морозов 2015; Паштова 2016; Региональные исследования... 2015; Христофорова 2010]. Обычно внимание исследователя направлено на выявление наиболее яркой специфики местного фольклора, сбор текстов определенного жанра, наиболее интересного для собирателя или не имеющего аналогов в более широком контексте. Однако, если территория не демонстрирует ничего «своего», но вместе с тем дает достаточно широкий материал, повторяющий и варьирующий общеизвестные тенденции, это не должно быть поводом для вынесения ее за рамки научного исследования. Б. Н. Путилов отмечает: «Может быть, трудность региональных исследований не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков (хотя на эту сторону должно быть обращено самое пристальное внимание), а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» [Путилов 1994: 152].

Название д. Ратегова происходит от коми-пермяцкого дохристианского имени *Raméz* [Полякова 2005: 319]. Исторических сведений об этом поселении сохранилось не так много. Деревня располагалась примерно в 2 км от с. Губдор, ранее входившего в Чердынский, а теперь в Красновишерский р-н Пермского края, и приблизительно в 38 км от г. Красновишерска. Впервые Ратегова упоминается в переписи Перми Великой 1623–1624 гг., тогда в починке было 2 двора и мельница. В 1795 г. в селении числилось уже 12 дворов. В XIX–XX вв. жители устойчиво идентифицировали себя как русских. По-видимому, максимально разрослась деревня к нач. XX в.: согласно «Списку населенных мест Пермской губ. 1904 г.», там было 47 дворов и проживало чуть более 400 чел.; подсобный заработок крестьян составляла заготовка леса, работа на горных заводах и соляных промыслах, извоз, охота и рыбная ловля [Кривощёков 1914: 654–655]. Во втор. пол. XX в. население Ратеговой только сокращалось, основной причиной чего стала политика укрупнения колхозов и курс на ликвидацию «неперспективных» деревень. В 1963 г. там оставалось 143 жителя, в 1969 г. – 94, в 1981 г. – 36, а по последним статистическим данным от

2010 г. – всего 2 человека. Фактически же деревня опустела еще к началу 2000-х гг.

Обратимся к имеющимся фольклорно-этнографическим материалам. А. И. Аверкина описала жизнь деревни в 1930–40-х гг. От нее зафиксированы произведения различных жанров: игры, загадки, пословицы, жестокий романс, шуточная плясовая и свадебные песни, несколько заговоров на урожай, сюжеты сказочной прозы.

Существенная часть интервью посвящена обрядовой традиции деревни, в том числе уточняется локальная обрядовая терминология. Среди календарных праздников наиболее яркими подробностями были отмечены Святки: *«Девки молодые “наряжались” и ходили “славили”. Но не по домам, а на игрищах. Слов “колядовать”, “колядки” у нас не слышала. Говорили “наряжаться”. Выворачивали шубы, лошадьё наряжались»*. Широко отмечалась Троица: *«А в Троицу веселились. Только в Троицу играли “кру’гом” (“хоровод” не говорили). Говорили “березку завивать”. Так игры взрослые вокруг живой березы назывались. Только песни веселые не пели, все больше ноющие, скучные (может, потому что война была). В Троицкую неделю березку ставили детям перед каждым почти двором для игр»*. Рождество, Крещение, Масленицу, Пасху праздновали тихо, в семейном кругу.

Продолжали отмечаться и престольные праздники: *«Три престольных праздника считались главными: в августе Ильин день и два Егорьева дня: осенью и весной. В эти дни в деревню приезжали из других деревень, гуляли по улицам, приглядывали невест и женихов. К праздникам всё чистили. <...> На улицах прибирали. Пиво ставили заморённое <...>. В каждом доме, к кому зашли, надо было пиво подать»*. Антонина Ильинична также припоминает, что в Ильин день некогда было принято обходить деревню с иконами: *«Раньше, говорят, с иконами вокруг села ходили, но я этого уже не видела»*.

Сохраняли актуальность обряды жизненного цикла. В связи с рождением ребенка (нежеланного из-за голодного времени) упоминается поверье о влиянии имени на судьбу: *«Спрашиваешь, почему именем умерших еще называли? Так чтоб тоже померли маленькими, кормить-то нечем было столько ртов»*. Подробнее всего рассказчица описывает свадьбу – возможно, в связи с тем, что ее мать была песенницей: *«Мама очень хорошо пела. Говорила, что приданое на песнях заработала. Была запевалой. У них команда была – звали их на свадьбы. Я от нее много песен знала»*. В свадебном обряде сохранялась традиция причитывания невесты: *«Особенно причитали бедные невесты, всю свою судьбу рассказывали, кулаки в кровь кусали. Их чаще не по любви-то отдавали. В конце плача, ес-*

ли невеста честная, красную ленту к иконе ложит». От самой А.И. Аверкиной записано 6 свадебных песен.

Вспомнила она и о проводах в армию: *«В армию провожали рекрутов, они с повестки уже не работали. В котомку ложку с чайкой, одёжку кой-какую. Хлеба. А неча дать-то было. А провожать шли пешком, крепко взявшись друг за дружку. И до Губдора. По пути пели под гармошку частушки: “Рекрута, вы, рекрута, вам дорожка не туда...” Проголосные рекрутам не пели».*

Интересные обрядовые детали упоминает Антонина Ильинична в связи с похоронно-поминальным обрядом. Как почти повсеместно на севере Прикамья, перед гробом выносили милостыню – *подорожную* и отдавали первому встречному: *«Клади в нее хлеб на тарелочке, катушку ниток целую. Говорили: “Подорожную взять – долго жить”. Поэтому никто от нее не отказывался».* Обязательной поминальной едой была кутья, а напитком – кисель: *«Говорили, “кисель дорогу топчет”. Это покойнику на тот свет».*

Следы народной исторической памяти проявляются в предании о возникновении деревни: *«...сначала был хутор, подаренный двум братьям Ратеговым, а потом деревня разрослась. Не знаю, правда ли, нет. Говорили, что деревня стоит на чистом месте».* Чрезвычайно интересно воспоминание Антонины Ильиничны о родовых фамилиях местных жителей и обычае присвоения прозвищ семьям: *«В Ратегова почти все были Щёткины. Были еще, помню, две фамилии: Головкины и Кузнецовы. <...> Все считали себя русскими. Щеткиных различали по обзывкам. На них никто не обижался. А просто прозвища – это Ваня Кибитка, Анюта Курамышина, Васька Блоха, Алёша Лапка. Нас по роду “майорскими” называли, или “майорами”. Говорили, отцов предок какой-то служил 25 лет. Когда вернулся, поставил четверть водки, чтоб его семью “майорами” звали. Помню, были еще Кéришичи, Федóсичи, Яки́мовчи, Илю́шичи, Гаши́ковчи (из них как раз мама была)».* О семейных прозвищах упоминается и другая уроженка Ратеговой в беседе 2010 г.: *«Да на каждом доме было уличное прозвище! Ореховцы, Малевцы, Якунники, Стёпичи. <Это по фамилии?> Нет, вот просто так! А у нас все были Щёткины»* (зап. от Нины Степановны Щёткиной, 1924 г.р., с 1966 г. проживает в пос. Рябинино Чердынского р-на).

Ценная подробность деревенского быта 1930–40-х гг. – упоминание о местных юродивых: *«Их называли “уроды”. В деревне всегда были нищие люди, которые не в себе. Матюга Филинский – всё на брюхе плясал. Акуля Долгоносая – ходила по деревне, перед домами поплясывала. Глухая Параня-нищая, плохо говорила. Им подавали “построки́шки” – просто-*

кваши то есть. Веселили они всех, зла не делали. И их никто не обижал. Даже детям запрещали их дразнить».

Совсем немного упоминает А. И. Аверкина о колдунах. Однако о распространённости подобных представлений свидетельствуют архивные записи 1986 г., когда в Ратеговой был зафиксирован пласт мифологической прозы о колдовстве. Это сюжеты о чертях-помощниках, передаче магического знания в бане и некоторые другие типичные для Северного Прикамья рассказы, но с интересными деталями. Сопоставляя эти данные с поздним интервью, можно выделить две записи, где, несмотря на разницу имен персонажей, совпадает основной мотив: колдуна там «привязывают» к лавке. Рассказ А.И. Аверкиной короткий: *«... был мужик, которого считали колдуном. Звали его Санко Табарёч (он тоже Щёткин). Непьющий был. Парни над ним смеялись, однажды к лавке привязали. А судьба тяжёлая: четверо детей было, один сын остался».* Сюжет 1986 г. более подробный *«А колдуны у нас были, <...> Гавря был, Алеша Семин – это уже всё покойники. <...> Потом Алеша зашел, говорит: “Сейчас я Гаврю привяжу”. – “Ну, давай привязывай”. Не знаю, чё-ко он у дверей там делал. Ну, Гавря сидел, у него лавка вот так-де [раскачивает лавку]. Вот до стола додвинется: “Идти надо!”. И сидит. <...> Мы спрашиваем: “Ушел Гавря-то?” Он [Алёша] говорит: “Куда он уйдет? Пока я его не отпущу!”. Вот пришли, а он всё ишию там, всё ишию мозолится»* (зап. от П. Д. Щёткиной, 1915 г.р., и Л.Е. Щёткиной, 1912 г.р.).

Опыт целенаправленной работы с фольклорными материалами одной деревни позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы. Очень многое зависит от целей собирателей. Так, экспедиция 1986 г., по-видимому, была ориентирована именно на сбор мифологической прозы. Записанные тексты по-своему интересны и ценны, но не дают представления о традиции деревни в целом. Беседа, не столь ограниченная тематически, позволяет актуализировать тексты, относящиеся к разным пластам народной культуры. Неожиданным для нас было то, что в интервью 2018 г. появляются подробности свадебного обряда, записывается свадебная лирика. Возможно, это объясняется тем, что мать рассказчицы часто приглашали на свадьбы как хорошую исполнительницу. Также в памяти А. И. Аверкиной, давно уже ставшей городской жительницей, сохраняется и множество семейных прозвищ. Фольклорная традиция деревни Ратегова не является уникальной, но удивительно то, что ее «осколки» продолжают жить много лет спустя после полного исчезновения деревни.

Библиографический список

Денисова Е.А., Денисова Н.А. Ратегова. История и фольклорные традиции исчезнувшей деревни (по воспоминаниям Антонины Ильиничны Аверкиной (Щёткиной): Школьная научно-исследовательская работа [Рукопись]. 2018.

Кривощёв И.Я. Словарь географо-статистический Чердынского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1914. 839 с.

Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Мат-лы IV Международной науч. конф. «Рябининские чтения-2003» / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 439 с.

Морозов И.А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 5–14.

Паштова М.М. Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблем // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Вып. 28. С. 94–101.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.

Путилов Б.Н. Региональное/локальное начало в фольклоре // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 144–153.

Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: Сб. ст. / Отв. ред. М. В. Ахметова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. 296 с.

Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: Автореф. дисс... на соискание ученой степени доктора филол. наук. М., 2010. 46 с.

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

N. A. Denisova

Teacher of Russian Language and Literature
Perm Secondary School No. 60

LOCAL FOLKLORE TRADITION OF DISAPPEARED RATEGOVA VILLAGE

The article is devoted to description of the (micro)local folklore tradition of Rategova village that was located in Perm region. The authors describ family and calendar ritual folklore, history and mythological prose of the village. The research material is an interview with former villager recorded in 2010s, and texts from the folklore archive of Perm State University.

Key words: Perm region, microlocal tradition, calendar and family folklore, mythological prose, rural anthroponymy.

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков, методики преподавания языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
podjukov@yandex.ru

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА СМЕРТИ В ДИАЛЕКТНОМ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья»

В статье рассматриваются экспрессивно-стилистические качества диалектных лексико-фразеологических средств представления смерти. На материале русских говоров Прикамья исследуются негативные (грубые и шутливо-иронические) характеристики понятий *умереть*, *убить*, *хоронить*, описываются способы создания экспрессивной окраски, функции метафорических номинаций связанных со смертью действий и состояний. Особое внимание обращается на сакральную функцию ритуального осмеяния смерти, психологическую нагруженность грубых и шутливых реакций на смерть. Делается вывод о том, что принятие смерти и страх перед ней в народной культуре сосуществуют, не исключают друг друга.

Ключевые слова: диалектная лексика и фразеология, языковая образность, способы выражения экспрессивной окраски, функции метафоры в ритуальном и повседневном общении.

В характеристике смерти как категории человеческого бытия обычно выделяют два аксиологических полюса. Первый, позитивный, связан с возвышенным отношением к смерти, с пониманием ее как великого таинства. Завершающее жизнь событие в этом случае оценивается как естественная неизбежность, переживается со смирением. Второй, негативный аспект выражен в неэстетичных образах и предполагает изображение смерти как пугающего, ужасного или комического события. С одной стороны, понятие «умереть» представлено метафорами *уснуть*, *отойти*, *растать*, с другой – *завернуться*, *испечься*, *кувырнуть*, *копыта отдать*.

Поскольку смерть является для человека источником особой напряженности и экзистенциональной тревоги, в культуре, в том числе и традиционной, выработаны разные способы психологического ей противостояния. Это попытка убедить себя в том, что между миром живых и миром мертвых нет непроходимой пропасти, что смерть не конец, а лишь переход в другую реальность. Один из специфических способов преодоления

ужаса смерти – ее осмеяние, доходящее до глумления. Обращенная к смерти грубость или шутка, которые на самом деле представляют защитную реакцию на страх, выявляются у достаточно большой по объему части слов и выражений народного лексикона смерти.

Способна вытеснить страх смерти, как и других негативных эмоций, шутка. Смех, символизирующий жизнь, включался в погребальный обряд и был формой игры, позволяющей преодолеть ощущение бессилия человека перед неминуемым концом. По мнению Н. Велецкой, смех на похоронах «наиболее надежно обеспечивал вечную жизнь, бессмертие души» [Велецкая 1978: 30]. Отсюда отмеченные грубостью и шуткой выражения о смерти типа соль-илецкого *кверху лапоть* [СРНГ 13-188], пермское *как иштей (штейчки) пролил* ‘о неожиданной смерти’ (строится на символике щей, одного из обязательных поминальных блюд и известного народного представления основ повседневной жизни, что иллюстрируют поговорки типа *Для щей люди жենятся*).

Грубое и юмористическое содержание тех или иных выражений может быть результатом их позднего переосмысления. Так, в просторечном фразеологизме *с копыльеv долой* смерть осмысливается как падение животного (возможно, однако, использование здесь указания на снятие гроба с умершим с саней – в связи с *копыл* ‘стояк в полозьях саней как опора для рамы с кузовом’). Жаргонно-просторечное *жмурика сыграть* ‘умереть’ изначально было связано с образом слепой смерти в игре в жмурки, глубокий смысл которой – не забывать об ограниченности человеческой жизни [Богданов 2001: 132]. Просторечное выражение *жрать землю* ‘быть мертвым’ содержит глагол *жрать*, который первоначально был стилистически нейтральным [Колесов 2006:9]; кусание земли здесь не питание землей, а вбирание сил земли как божества (ср. ульяновское *землю жевать*, польское *gryzć ziemię* ‘быть мертвым’, также немецкое народное *dee hett all lang' Sand äten* ‘о давно умершем’, букв. «он давно уже песок ест»). По свидетельству С. Максимова, молодые кусали землю в знак любви и верности [Максимов 1903: 259]. Юмор как когнитивная игра с образами в этих случаях помогает человеку иначе взглянуть на трагическую ситуацию.

Грубость отличает отдельные отрицательные характеристики понятий, связанных со смертью, и вне установки на доминацию над ней. Так, названия самоубийц, выражающие народную оценку самоубийства как страшного греха. Презрительная оценка покончившего с собой *пучешар* (*пучешаря, пучешарик, шаропучик*) восходит к представлению о том, что несправедливо умершие, не дожившие до «своей» смерти, некоторое время способны чувствовать, слышать, видеть («Вот, например, утонул, или задушился – пучешаря. За пучешариков, говорят, всем надо молиться». Ло-

паиха, Кишертский район). Закрепленное во множественном числе слово *шаропучики* используется также как название времени перед Троицкой субботой, когда разрешено помянуть умерших неестественной смертью («Как эти шаропучики пройдут, так и купаться можно. У нас вот в семик не поминают родителей, это шаропучики, шаропучий день»). Калинин, Кунгурский район). Названия мотивированы сочетанием *пучить шары* ‘пристально, упорно смотреть, проявляя внимание, интерес’: устойчивая характеристика самоубийц – их вредоносность, служение нечистой силе. Впрочем, пристальный неподвижный взгляд может и самостоятельно указывать на отнесенность к иному миру (ср. пермское *шары выставить* ‘умереть’ от *выставить* ‘установить, неподвижно устремить’). Заметим в связи с этим, что исполняемый в Троицын день обряд «опахивания» могил умерших ветками березы также связан с темой глаз (называется *родителям глаза чистить* и имеет своей целью вернуть усопшим метафизическое зрение и свет на некое время [Тульцева 2014: 31]). Отрицательное определение самоубийцы *скалозуб (скалозубик)* отмечает другую «способность» умерших не своей смертью: «До Семика наверно така погода продёржится. Мама раньше говаривала: пока-де скалозубы зубы скалят, тепла не будет. А как их помянут, покойников-то, накормят, оне зубы-то и закроют – и сразу тепло сделается» (Трушники, Чернушинский район). Души утопленников, давленников и отравленников, не израсходовавших свои жизненные силы, разгуливают по земле, представляя собой угрозу живым (выражение *скалить зубы* известно в значении ‘сердиться’, ср. также кубанское *выскалить зубы* ‘умереть’ [БСРП 2007: 260]).

Грубые оценки многих номинаций смерти основаны на лексике с семантикой интенсивности. Выражения *в яму спихать* ‘похоронить’ («Годов мне много, никого нет, в яму бы поскорее спихали, надоело жить», Б.Долды, Чердынский район), *в шивор бросить* в том же значении (вероятно, в связи с усвоенным из марийского языка *шўгар* ‘могила’), слова *валить* ‘хоронить’, *повалить*, *покинуть* ‘похоронить’ («В кожаной обуви, говорили, не надо валить покойника», Пянтег, Чердынский район; «Недавно старуху повалили в кокошнике; венчали раньше её в нём, а сейчас в гроб повалили», Дуброва, Соликамский район; «На горе у оградки монах был покинут, его и раскопали», Пыскор, Усольский район) основаны на семантике небрежного, грубого бросания. Как показывают контексты, номинации не содержат оценки выбрасывания ненужного, представленная в значениях сема интенсивности не выступает как количественная мера действия, а имеет выделительный смысл (используется как средство усиления эмоционального воздействия на слушателя, выделяет ситуацию, а не средства ее описания [Родионова 2004 – 306]). Кроме того, подчеркнуто грубое обращение с умершим может отражать заданное традицией рез-

кое заканчивание обряда. Как вещи для покойника специально делались «недоделанными», соответственно «инакости» «чужого» мира «в связи с идеей продолжения жизни там» [Байбурин 1993: 110], так и действия с ним были отмечены небрежностью.

Грубая окраска номинаций может быть задана также метафорической аналогией смерти как переворачивания, восходящей к архаичным представлениям о перевернутости связей загробного и «этого» миров. Глаголы *перевернуться*, *перемекнуться*, *переметнуться* ‘умереть’ («Больница далеко. Пока едешь, испростынешь весь. Так и перемекнуться можно» – Дубренята, Карагайский район; «А он вот через неделю переметнулся, помер» – Кишерть) представляют смерть как движение в обратном направлении. Подобное антиповедение как магический способ перехода в иной мир используется во многих обрядах (напр., у пермских охотников: кувыркивание через голову, если зверь не идет).

Грубую окраску придают оценкам зоонимические соотнесения и выражения с соматизмами. Выражение *(И) шкура на огород* ‘о смерти’ («Поживешь, поживешь, и шкура на огород, закопают», Юм, Юрлинский район) содержит соотнесение смерти человека с забиванием животного и обработкой его шкуры (на огороде ее растягивают для просушки; ср. близкое вологодское *кожей подарить* ‘умереть’ [СРНГ 14-50]). Грубыми являются и многие выражения физиологического характера. Таковы фразеологизмы *жить наср...ть* ‘об умершем человеке’ (используется и как оценка безрассудного), *гроб за ж... волочится* ‘о крайне старом человеке’. Выражение *пук и нету* ‘об умершем человеке’ представляет как знак смерти неконтролируемый процесс выпуска газа.

Сниженный характер имеют характеристики, основанные на звуковых образах. Пермское *ноги сдырить* (ср. *здыриться* ‘умереть, скончаться’, русские говоры Литвы [СРНГ 11-240]) содержит звуковой глагол *сдырить* ‘резко, толчком поднять кверху’, родственный *тыркать* ‘бить, толкать драть, задирать’ (ср. смоленское *задрать дрыгалы* ‘умереть, околеть’ [СРНГ 8-221], которым выражен намек на акт агонии).

К звуковым метафорам относятся также выражения *пыш только* (Гора, Берёзовский район) ‘о быстро умершем’ (использован звук дутья, выхода струи воздуха), *шарк ботами* ‘о внезапной смерти’ (использован звук однократного слабого движения ногами). Активное изображение смерти в акустических проявлениях связано с тем, что звучание может оказывать воздействие на психику непосредственно, минуя сознание: звуковые образы обращены к эмоциональной сфере, вызывают определенное эмоциональное состояние, заставляют переживать его неосознанно [Мишанкина 2003: 82].

«Ударные» метафоры *хронуться* ‘умереть’, *уторкать*, *убрякать*, *форкнуть* ‘убить’ воспроизводят звуковое впечатление от ломающего удара, вызывающего разрушение. Глагол *хаськнути* ‘убить’ («Вышел вечером из дому, его и хаськнули», Аликино, Карагайский район) стоит в этом же ряду, имитирует резкий звук (примечательно, что этот звукокомплекс наделен семантикой смертности в ряде других, не родственных русскому языков, ср. цыганское *хась* ‘гибель’ [Цыганско-русский словарь 1938: 142], ненецкое *хась* ‘погибнуть’ [Вальгамова, Янгасова 2012: 211]).

Принятие смерти и страх перед ней в народной культуре сосуществуют, не исключают друг друга. «Высокая» культурная лексика демонстрирует духовное возвышение над смертью, торжественно-приподнятое отношение к ней. С ее помощью конец жизни оценивается мировоззренчески, принимается, т.е. воспринимается как необходимость. Грубые и шуточные оценки – средство защиты от страха, в них осуществляется перевод страха в грубость, эмоций – в физическую реальность.

Библиографический список

Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.

Богданов К.А. Игра в жмурки: Сюжет, контекст, метафора // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 109-180.

Вальгамова С.И., Янгасова Н.М., Вануйто Г.И., Хэно И.С., Ириков С.И. Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, Научный центр изучения Арктики, 2012. 390 с.

Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 240 с.

Колесов В. В. Гордый наш язык. СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2006. 352 с.

Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 349 с.

Мишанкина Н.А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. / Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. /Отв. ред. З.И. Резанова. Воронеж, 2003. С.76-145.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (БСРП). Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий. – Славянский вестник. Вып.2. М.: Макс Пресс, 2004. С. 300 – 313.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 8. Л.: Наука, 1972. 309 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 11. Л.: Наука, 1976. 363 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 13. Л.: Наука, 1977. 359 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 14. Л.: Наука, 1978. 376 с.

Тульцева Л.А. Антропология сакральной флористики Троицына дня // Вестник антропологии. 2014. Вып. 1. С. 23-41.

Цыганско-русский словарь. Сост. М.В. Сергиевский, А.П. Баранников. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. 181 с.

I.A. Podyukov

Professor of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages
and Methods of Teaching Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

NEGATIVE ASPECTS OF THE IMAGE OF DEATH IN THE DIALECTAL LEXICAL-PHRASEOLOGICAL EXPRESSION

The article discusses stylistic properties of dialectal lexical-phraseological means to denote death. A case study of Russian dialects of the Kama river area examines negative (rude and joking-ironical) characteristics of the notions 'to die', 'to kill', 'to bury'. Also different means of creating expressive connotations, functions of metaphoric categories, actions and states connected with death are described. Special focus is given to the sacral function of ritual ridicule of death, to psychological loading of rude and joking reactions to death. A conclusion is made that admitting death and fear of it coexist in the folk culture and do not exclude each other.

Key words: dialectal vocabulary and phraseology, language figurativeness, means of creating expressive connotations, functions of metaphor in the ritual and everyday communication.

Русинова Ирина Ивановна

доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
irusinova@mail.ru

Федосеева Екатерина Леонидовна

магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
ekl-fedoseeva@yandex.ru

КОМИ-ПЕРМЯЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 17-14-59009 «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков:
опыт лексикографического описания»*

В статье рассмотрена необходимость создания коми-пермяцко-русского словаря названий растений; описаны тип и устройство будущего словаря, принципы отбора лексики; структура словарной статьи; перечислены основные источники коми-пермяцкой фитонимии.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; русский язык; фитоним; толковый словарь; диалект; наречие.

Народные названия растений являются обширной лексико-семантической группой, тесно связанной с миром материальной и духовной жизни человека. Их изучению посвящено много исследований, в том числе и на материале финно-угорских языков.

Но степень изученности фитонимии финно-угорских языков очень неравномерна: наименее изучены в этом отношении прибалтийско-финские языки (вепсский, ижорский, водский, ливский, а также карельские наречия), являющиеся либо бесписьменными, либо младописьменными, и, к тому же, их носители немногочисленны. Лучше всего изучена фитонимия финского, эстонского и коми языков, имеющих давние письменные традиции и хорошо исследованных [Бродский 2006: 7].

Среди работ, в которых анализируется коми лексика растительного мира, следует назвать, прежде всего, исследования А.Н. Ракина [Ракин 1976, 1977, 1979, 1984, 1985]. Они посвящены этимологии, принципам но-

минации растений, в том числе этому автору принадлежит «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь» [Ракин 1989].

Изучалась исследователями и коми-пермяцкая лексика растительного мира. Одной из наиболее крупных работ является диссертация Т.Н. Меркушевой «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка» [Меркушева 2003]. В диссертации лексика обозначенных тематических групп рассмотрена в нескольких аспектах: этимологическом, структурно-словообразовательном, лексико-семантическом и ареальном. В книге Е.Н. Федосеевой «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» проанализированы среди прочих лексических единиц и фитонимы. Например, на отдельная лингвистическая карта размещены названия жимолости [Федосеева 2015: 158]. Несколько статей А.С.Лобановой посвящены фитонимам, рассмотренным в культурологической ключе [Лобанова 2017, 2018 и др.].

Однако коми-пермяцкая лексика растительного мира на сегодняшний день недостаточно изучена и не в полном объеме отражена словарями, поэтому необходима ее дальнейшая фиксация и всестороннее описание, в том числе лексикографическое.

В рамках исследовательского научного проекта «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания» (рук. Ю.А. Шкураток) производится составление «Коми-пермяцко-русского словаря названий растений». В данной статье мы опишем основные принципы этого словаря.

Тип словаря

Данный словарь будет толковым тематическим переводным словарем недифференциального типа. Он будет включать следующую лексику растительного мира: общеупотребительную и территориально ограниченную (диалектную), зафиксированную в живых формах языка и отраженную в художественной, научной литературе и словарях.

Принципы отбора лексики

В данном словаре будут отражены все зафиксированные на данный момент лексические единицы, называющие объекты растительного мира и их части, функционирующие в коми-пермяцком языке. Лексикографироваться будет как исконная, так и заимствованная лексика, в том числе пришедшая из русского языка. То есть если соответствующее слово подано в словарях коми-пермяцкого языка или оно ощущается информантами как своё, оно будет включаться в состав словника.

Источники коми-пермяцкой фитонимической лексики

Наиболее авторитетным источником фитонимии является «Коми-пермяцко-русский словарь», составленный Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман [КПРС]. Представленная в работе лексика

растительного мира распространена на всей территории проживания этноса. В качестве источника использован также «Коми-пермяцкий орфографический словарь», авторами-составителями которого также являются Р.М. Баталова и А.С. Кривошекова-Гантман [КПОС]. В.В. Климов в приложении к словарю привел список наименований объектов флоры и фауны. Им представлено 240 фитонимов, встречающихся повсеместно на территории округа. Третьим лексикографическим источником выступил «Пермяцко-русский, русско-пермяцкий словарь» Н. Рогова [Рогов 1869].

Помимо словарей, источниками коми-пермяцкой фитонимии являются исследовательские работы. В диссертации Т.Н. Меркушевой, посвященной лексике флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка, из 607 единиц 283 обозначают объекты растительного мира. Часть из них зафиксирована в словарях, часть выявлена Т.Н. Меркушевой во время полевых исследований [Меркушева 2003]. Фитонимы северного наречия встречаются в хрестоматии Л.Г. Пономаревой. Методом сплошной выборки было выявлено порядка 40 единиц [Пономарева 2016]. Е.Н. Федосеева в монографии «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» дает список лексем, среди которых обнаружены фитонимы как встречающиеся в КПСР, так и записанные лично автором [Федосеева 2015: 124–156]. Несколько единиц взято из «Этнокультурологического мини-словаря коми-пермяцкого языка» А.С. Лобановой, опубликованного в «Коми-пермяцком этнолингвистическом сборнике» [Лобанова 2008: 49–186], а также из «Словаря мысовско-лупьинского диалекта», размещенного в сборнике «Лупьинцы: история, культура, язык» [Труды 2011: 143–201].

Еще одним источником фитонимической лексики выступают произведения коми-пермяцких писателей (см: [Климов 2009, Фадеев 1998]).

Наконец одним из ключевых источников народной фитонимии являются современные полевые записи. Собиратели фиксируют диалектные варианты наименований растений и их наивную интерпретацию. В полевой работе участвуют А.В. Кротова-Гарина, Ю.А. Шкуратор, Е.Л. Федосеева, И.И. Русинова. Ценность данного источника заключается в возможности показать контексты употребления лексических единиц. Наличие иллюстраций – современное требование любого толкового словаря. Полевые записи дадут возможность соблюсти в составляемом словаре это правило современной лексикографии.

Структура словаря

Корпус лексики, представленной в словаре, будет описан в нескольких тематических разделах: «Названия деревьев», «Названия кустарников», «Названия трав», «Названия ягод», «Названия огородно-полевых растений». Каждый раздел, помимо номинаций самих объектов (деревьев, кустарников, трав и т.д.), будет включать и названия их частей: цветов,

листьев, плодов и под. Внутри тематических разделов словарные статьи расположены по алфавиту.

Способы и модели толкования

Толкования лексических единиц производятся на русском языке. Дефиниция представляет перевод соответствующего коми-пермяцкого слова на русский язык. Если толкуется травянистое растение, то подается его ботаническое родовидовое наименование (если есть возможность его определить). В данном типе толкования слово-определитель присутствует только тогда, когда существует необходимость развести, например, название ягодного растения и ягоды и т.п.

Развернутые толкования подаются в том случае, когда невозможно идентифицировать растение. Тогда модель толкования, по нашему мнению, должна включать следующие компоненты:

1) Слово-определитель. В качестве слов определителей используются «дерево», «кустарник», «травянистое растение», «ягода», «огородное растение», «комнатное растение».

2) Характеристика растения по его применению (или функции) – например, сорное, лекарственное, кормовое, съедобное, декоративное.

3) Отличительные признаки растения. К отличительным признакам могут быть отнесены форма и размер листа, цвет листьев или цветков, запах, вкус, высота, время цветения, сбора, место произрастания и другие характеристики растений.

Структура словарной статьи

В структуре словарной статьи можно выделить следующие зоны описания:

1) Заголовочное слово (подается на коми-пермяцком языке прописными буквами, с обозначением ударения; в односложных словах ударение не обозначается).

2) Толкование (подается на русском языке строчными буквами; представляет собой перевод данного названия на русский язык; в редких случаях развернутое толкование).

3) Иллюстративный материал (выделяется курсивом). Он подается сначала на коми-пермяцком языке, а потом в переводе на русский язык. Если единица взята из словарей или других источников, в которых не приведены контексты употребления единицы, иллюстративный материал отсутствует.

4) Указание на источник (словарь, исследовательскую работу художественный текст, полевые материалы). Подается в сокращенном виде курсивом прописными буквами.

5) Географическая помета (подается в скобках после иллюстраций), если она есть в источнике, из которого взята единица. В случае использования полевых материалов указывается населенный пункт и район.

6) Варианты номинации растения. Для демонстрации системных связей считаем необходимым приводить в конце толкования параллельно существующие в говоре другие номинации растения. Причем варианты могут быть как фонематическими, морфологическими, словообразовательными, так и собственно лексическими.

Если одно растение имеет разные названия, они подаются следующим образом: фонетические или акцентологические варианты толкуются в одной статье, словообразовательные варианты – в разных статьях.

Если разные источники подают слово с разными ударениями, то в качестве заготовочных подаются оба слова, а ниже они приводятся с примерами, каждое в соответствии со своим источником:

Пи́пу, пи́пу

Пи́пу. Осина, осино́вый. *КПРС.*

Пи́пу. Осина. [А ѳсинаы́с комио́н кыдзко́ шусьо́?] *Пи́пу ли мый ли.* ПМ – [А осина как по-коми называется?] *Пи́пу что ли* (Лягаево, Кочёвский).

Приведем примеры словарных статей.

Группа «Названия деревьев»

Сус. Кедр. *Сейлісö ѳддьöн көзьягöдсö, сусьягöд и, пожумьягöд сейлісö и.* [Сусьягöдыс сія мый?] *Тожö ягöд быдмö сусыслöн, тожö ягöд.* [Сія мый сусыс?] *Колисö кысянь сейöны, ядросö, коли, шишкаэсö.* [Кедрыс?] *Кедра, кедра шусьö. Сылöн гыри́сь ягöдыс пожумьягöды́сья да көзьягöды́сья гыри́сьжык. Сусьягöдсö, пожумьягöдсö и көзьягöдсö сейöны. Ме ачым сейлі.* ПМ – *Ели очень көзьягöд, сусьягöд и пожумьягöд.* [Сусьягöд это что?] *Ягода у сус.* [Что такое сус?] *Шишки у него едят.* [Кедр?] *Кедр, кедр называется. У него ягоды крупнее, чем у сосны и ели. Их едят. Я сама ела* (Пузым, Кочёвский).

Льöмпу́. Дерево черемуха. *Мийö льöмпуэз вылын то[ль]ко скокайтім, вör шöрас олімö да.* ПМ – *Мы на черёмухах только скакали, посреди леса жили да* (Кочёво, Кочёвский).

Нинпу́. Липа. *Липазз. Этö нинпу. Менам сія целöй парк. Семь штук быдмöны йöрас. Садиті.* ПМ – *Липы. Это нинпу. У меня целый парк. Семь штук растет в огороде. Посадила* (Пуксиб, Косинский).

Пожум. Сосна. [А лиалісö, кытшöм пуэзвись лисö босьтлісö?] *Пожум, ѳсина.* ПМ – [А с каких деревьев брал камбий?] *Сосна, осина.* (Лягаево, Кочёвский).

Козу́ль. Женские цветы ели, имеющие вид маленьких красноватых шишечек на концах ветвей. [Тулыснас көззээз вылын мыйез быдмõны?] *Кузоллеыс. Кõзъягõд. Козуль. Зелёной. Одзжык гõрд вõлi. Ӗктан-Ӗктан кырым тыр.* – [Что растёт весной на ёлках?] *Весенние побеги. Еловые ягоды. Зелёные. Раньше были красные. Соберёшь полную горсть* (Лобоз Кочёвский).

Группа «Названия кустарников»

Верёс. Можжевельник. [Ёлкаок кодь, сэтõн лõз ягõдоккез эмõсь. Кыдз сiя кустыс шусис?] *Верõс, верõс. Сiйõ сейлисõ õддьõн. Сiйõ ӧктыллим верõс ягõдсõ. ПМ* – [На ёлку похож, на ней синие ягоды. Как этот куст называется?] *Можжевельник. Его ели. Ягоды можжевельника собирали* (Лобоз, Кочёвский р-н).

Жельнõг. Шиповник. *Няп пуллимõ. [Няпсõ кыдз рочõн висъталатõ?] Шиповник. [Няпыс сiя тэкõ туссес шиповникыслõн или ачыс кустыс?] Тусыс. [А кустыс ачыс кыдз шусьбõ?] Жельнõг. ПМ* – *Няп заваривали. [Няп как по-русски назовете?] Шиповник. [Няп – это ягоды шиповника или сам куст?] Ягоды. [А сам куст как называется?] Жельнõг* (Пуксиб, Косинский).

Жо. Калина. *Татõн жо калинасõ шуõны. ПМ* – *Здесь жо калину называют* (Пуксиб, Косинский).

Баяняня. Жимолость. *А вот сэтчин первой ягõдыс созрел, баяняня ми шуам. А тiян сэтчин Кудымкарланяс ыжман. Вот баяняня вõлi. ПМ* – *А вот там первой ягодой созрела, баяняня мы называем (жимолость). А у вас там в Кудымкаре ыжман. Вот жимолость была* (Пуксиб, Косинский).

Группа «Названия трав»

Кõчадз. Сныть обыкновенная. *Мый сейимõ? Лук ли мыйкõ мало дело вõлi, сол сейлимõ, кõчадзсõ вайлимõ ыбсис. [Сiя мый кõчадзыс?] Пиканнас тай шуõны. А перво кõчадз петыллõ межаяс. Сiйõ õддьõн уна сейлимõ. ПМ* – *Что ели? Лук, если был, соль ели, кõчадз приносили с полей. [Что такое кõчадз?] Снытью называют. А сначала кõчадз растёт на межах. Её в больших количествах ели* (Пузым, Кочёвский).

Барансюрлис(т). Щавель конский. *Пизыс кõр етиа вõлi, сэк косьтамõ эшõ барансюрлис(т)õн шуõны, видззез вылас быдмылис. [Сiя мый сэтшõмыс?] Понкыл тай турунсõ шуллисõ. ПМ* – *Когда муки мало было, тогда сушили барансюрлист, растёт на лугах. [Что это такое?] Понкыл траву называли* (Пузым, Кочёвский).

Дукатурун. Мята. [Одзжык чайесõ эз вузаллõ магазинас. Кытшõм туруннэз ӧктывлисõ, медбы юны?] *Дукатурун шусьлис. Мята. Комиõн дукатурун. ПМ* – [Раньше чай в магазине не продавали. Какие травы соби-

рали для чая?] *Дукатурун называлась. Мята. По-коми дукатурун (Пузым, Кочёвский).*

Пытшукулантурун. Душица обыкновенная. [А вот туруннэсö öктылісö. Öні тай, шуат, чайсö босьтöны, а одзжык турунсö öктылісö, мый керисö сыись?] *Душицасö больше-то да мятасö. [Нія комиön кыздзкö шусьöны?] Ме ог тöд, кылзы. А пытикулантурун душицаыс вöлі. ПМ – [А вот травы собирали. Сейчас, говорите, чай покупают, а раньше травы собирали, что делали из них?] Душицу больше и мяту. [А как они по-коми называются?] Я не знаю. Пытикулантурун душица была (Пуксиб, Косинский).*

Петшöр. Крапива. [Эшö кытшöм туруннэз öктöны тулыснас?] *Петшöр. Свежöй петшöрыс петас да. Сійö тай öктöны. Супсö нуöны свежöй петшöрсис. ПМ – [Еще какие травы собирают весной?] Крапиву. Свежую крапиву. Ее тай собирают. Суп варят из свежей крапивы (Пуксиб, Косинский).*

Йöлийöн. Осот огородный. *Öтыс [ёгыс] йöлийöн – небыतिकыс, а мöдыс эд сія желля – йöныс. ПМ – Один [сорняк] йöлийöн – мягкий, а другой ведь он колючий – йöн (Пуксиб, Косинский).*

Йöн. Осот полевой. *Öтыс [ёгыс] йöлийöн – небыतिकыс, а мöдыс эд сія желля – йöныс. ПМ – Один [сорняк] йöлийöн – мягкий, а другой ведь он колючий – йöн (Пуксиб, Косинский).*

Группа «Названия ягод»

Пуягöд. Ягода брусники. [Вермат висьтавны, кытшöм ягöддэз öктывлісö?] *Пуягöд öктылімö. Брусника. ПМ – [Скажите, какие ягоды собирали?] Пуягöд собирали. Бруснику (Пузым, Кочёвский).*

Туримöль. Ягода клюквы. [Вермат висьтавны, кытшöм ягöддэз öктывлісö?] *Туримöльсö öктылімö. Сія нюр вылын тай быдмö, гырись. Пу-ягöдысса гырисьжык. Клюква шусьö. ПМ – [Скажите, какие ягоды собирали?] Туримöль собирали. На болоте крупно растёт. Крупнее брусники. Клюква называется (Пузым, Кочёвский).*

Няп. Ягода шиповника. *Няп пуллімö. [Няпсö кызд рочöн висьтала-латö?] Шиповник. [Няпыс сія тэкö туссес шиповникыслöн или ачыс кустыс?] Тусьыс. [А кустыс ачыс кызд шусьö?] Жельнöг. ПМ – Няп заваривали. [Няп как по-русски назовете?] Шиповник. [Няп – это ягоды шиповника или сам куст?] Ягоды. [А сам куст как называется?] Жельнöг (Пуксиб, Косинский).*

Вежьягöд. Ягода морошки. *Вежьягöдсö мийö вот ваяллім, дак öні вот кызд керöны, дак сідз эзö керлö. Сійö просто банказö тэчасö и джоджылö суюöны. И только касьтісяннэз коста и ыджыт-ыджыт праздниккез коста. Сідз сійö эзö сетлö сёйны. ПМ – Морошку мы вот приносили, сейчас вот так делают, так не делали. Ее просто в банки кла-*

дут и в подпол ставят. И только на поминки и в большие-большие праздники. Так ее не давали есть (Пуксиб, Косинский).

Группа «Названия огородно-полевых растений»

Калега. Брюква. *Калегаись керлісö пирöггез. Закрытойöсь тожö. Öддöн кин быдтіс калегсö, дак сёйисö. ПМ – Из брюквы делали пироги. Закрытые тожсе. Очень (многие) кто вырачивал брюкву, так ели (Кочёво, Кочёвский).*

Кушман. Редька. *Кушмансис пельняннез керлісö. ПМ – Из редьки пельмени делали (Кочёво, Кочёвский).*

Морков. Морковь. *Морковсö сэк мян эз садитö мылякö, ага. Мылякö деревняэзас сійö эз перво садитлö. ПМ – Морковь тогда мы не сажали почему-то, ага. Почему-то в деревнях ее сначала не сажали (Кочёво, Кочёвский).*

Анькытш. Горох. *Ыджыт полезз вылын анькытисö кöдзлісö. Поле вылын кöдзасö, гусясьлімö. Мунам, охраниккез вöлісö, стариккез, ния вашöтöны, вермöны плетьнас даже вачкыны. ПМ – На больших полях горох сажали. На поле высадят, мы воровали. Пойдем, охранники были, старики, они отгоняют, могут плетью даже ударить (Кочёво, Кочёвский).*

Библиографический список с принятыми сокращениями

Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках: На материале прибалтийско-финских и коми языков: дис. канд. филол. наук. СПб, 2006. 311 с.

Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.

Климов В.В. Мый висьтасьöны Пармаись ниммез / В.В. Климов. Кудымкар, 2009. 136 с.

КПОС – Коми-пермяцкöй орфографическöй словарь. Мöдöдз издanne, исправитöм да содтöм / составитисö: Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авторы-сост.: Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.

Лобанова А.С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь: Изд-во «ОТ» и «ДО», 2008. 188 с.

Лобанова А.С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снýtь», пистик «хвощ полевой», гарадзуль «купальница» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–248.

Лобанова А.С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сборник статей XI Международного симпозиума. Отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары, 2018. С. 124–127.

Пономарева Л.Г. Речь северных коми-пермяков: Монография. Москва: Языки Народов Мира, 2016. 514 с.

Ракин А.Н. О происхождении названий ягод в Коми языке. // Уровни языка и их анализ. М. 1976. С. 155–164.

Ракин А.Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР, вып. 32. Сыктывкар, 1977.

Ракин А.Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР, № 22, 1979. С. 129–164.

Ракин А.Н. Основные пласты заимствованной ботанической лексики коми языка. // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 18–27.

Ракин А. Н. Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар, Коми филиал АН СССР, 1985.

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989. 88 с.

Рогов Н.А. Пермячко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. 415 с.

Труды – Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып VIII. Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник / Т.Г. Голева, И.А. Подюков, Л.Г. Пономарева, А.В. Черных. Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. 142 с. + Прил. (102 с.) + Вклейка 8 л.: ил.

Фадеев Т.П. Лолалан шор (Дышащий ручей). / Т.П. Фадеев. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1998. 368 с.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар, 2015. 196 с.

I. I. Rusinova

Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

E. L. Fedoseeva

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

KOMI-PERMYAK-RUSSIAN DICTIONARY NAME OF PLANTS

The article considers the creation of the Komi-Permian-Russian dictionary of plant names; describes the types and structure of the future dictionary, the principles of vocabulary selection; the structure of the dictionary article; lists the main sources of Komi-Permian names of plants.

Key words: Komi-Permian language; Russian language; plant name; explanatory dictionary; dialect.

Свалова Екатерина Николаевна
доцент кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков, методики преподавания языка,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ПРИКАМСКИХ ПОСЛОВИЦ О КОНЕЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья»

В статье рассматриваются грамматические и семантические особенности пословиц, содержащих народное объяснение жизни и смерти как базовых категорий человеческого бытия. Анализируются используемые в них грамматические формы, усиливающие характеристики всеобщности; образно-символическое оформление народных сентенций о смерти, их художественная форма. Описываются представленные в пословичных паремиях типичные для народной ментальности смыслы, определяющие народное истолкование смерти в диалектной среде

Ключевые слова: язык фольклора, логическая и образно-символическая структура пословиц о смерти, особенности семантики пословичных текстов.

События конца жизни – предмет размышлений как философов, так и людей, далеких от абстрактного исследования «сущего и должного». «Тяга к метафизическим обобщениям о “природе вещей” проявляется не только на высших интеллектуальных уровнях» [Эпштейн: эл. ресурс]; философизм – характерное свойство многих людей, способных через свой собственный опыт и анализ поступков других познать природу и смысл человеческого существования.

Народная словесность содержит немало текстов наивно-философского содержания. Одно из наиболее ярких проявлений народной философии – пословицы, содержащие осмысление бытийных ценностей. Тема смерти, завершающего момента человеческой жизни, вечная тема культуры и философских размышлений, находит в русской фольклорной традиции свое специфическое воплощение. Как отмечают исследователи, характерная особенность русских пословиц мировоззренческого содержания – яркая выраженность в них крестьянского менталитета [Иванова 2003:7]. Особенности крестьянского самосознания во многом связаны с тем, что крестьянину была присуща вера в бесконечное обновление жиз-

ни, в бессмертие человеческого рода, поскольку его жизнь была органично включена в жизнь окружающей природы.

Обычно в анализе сугубо народных (диалектных) пословиц обращается внимание на практическую сторону жизни, на отражение в них особенностей крестьянского труда и быта, морально-этических норм. В настоящей статье рассматриваются языковые способы философского обобщения, характерные для народных пословиц о смерти, анализируются грамматические и лексические средства передачи сложных ментальных смыслов. При этом пословица понимается нами как сложное образование, как единица языка и логики: сложное высказывание, в котором устанавливается связь между различными понятиями, отражены логические операции сопоставления, отождествления и взаимоисключения ситуаций и событий. Приведенные в пословице суждения, утверждения о закономерностях имеют свою логическую структуру и особый уровень образного оформления [Малкова: эл. ресурс].

Грамматическая оформленность экзистенциальных пословиц

Поскольку смерть человеку не дана в ощущениях, попытки постигнуть ее суть осуществляются не столько воображением, сколько рассудком и логикой. Если пословицы о человеке соотносятся с жизненными ситуациями, моделируют их, то пословицы о смерти лишены такой возможности. Поэтому для передачи смыслового содержания в пословице особое значение имеет ее структурная организация, набор грамматических средств обобщения. Прежде всего, обобщающая сила пословицы связана с категорией времени: обобщающие высказывания часто оформлены в настоящем панхроничном (атемпоральном, абстрактном) времени. Отсутствие в пословице указания на конкретное время действия придает ей вневременной характер, позволяет выразить постоянные свойства, состояния или действия субъекта. Пословица *Жив смерти боится*, в частности, утверждает, что страх смерти естественен для человека, при этом краткая форма прилагательного *жив* своей временной характеристикой усиливает идею ограниченности жизни. Отсутствие в этом высказывании конкретного лица, испытывающего страх (указание на лицо формой единственного числа в обобщающем значении) дополнительно усиливает абстрактность значения пословицы. Обобщённое лицо может быть выражено также личными формами глагола: *Умрём, ничего с собой не унесем* 'о том, что накопительство бессмысленно для смертного человека'. Обобщению способствует также использование безличных форм (как в пословице *И то будет, что нас не будет*, где выражена идея смирения перед неизбежным концом).

«Обобщённый смысл пословицы формируется не только и не столько употреблением пословицы в переносном, иносказательном смысле, сколько синтаксической структурой в целом» [Платонова 2011: 5]. Для пословиц, раскрывающих народное понимание смерти, характерно использование повествовательных предложений с отрицательной семантикой: *Чужого века не заберёшь* ‘об ограниченности жизни и неизбежности смерти’ (пословица основана на представлении о том, что человек проживает лишь отпущенный ему срок и не должен *жить чужое, заживать век другому*); *Передея смерти не умрёшь* ‘о том, что раньше предначертанного срока человек не умирает’. В этих выражениях абстрактный смысл усиливают глаголы 2 лица в обобщенно-личном значении. Также философское содержание передают инфинитивные предложения (*От смерти никому не отбиться* ‘о неумолимости прихода конца жизни’). Назидательность пословиц непосредственно выражается в оформленности их как побудительных предложений: *Жить надейся, а умирать ладься* ‘о том, что смерть близка, и об этом не стоит забывать’.

Маркерами всеобщности в таких текстах становятся также обобщенные местоимения и наречия (*Все там* будем, да не вдруг ‘о неизбежности смерти’, *От смерти никому не отбиться*). Обобщение может быть усилено сближением противоположностей (*Не молодостью жить, не старостью умирать, Умирать да родить нельзя годить*), использованием компаративов, семантика которых предполагает сопоставление, особую форму познания окружающего мира (*Рубаха к телу близко, а смерть еще близая, Не тот живет больше, чей век дольше*).

Семантические смыслы выражений о смерти.

Выражения о сущности смерти нередко отличает незавершенность и затемненность объяснения и соответственно неясность значения. Таково близкое к пословице *Без Бога не до порога* (‘о необходимости начинать любое дело с именем Бога’) выражение *От смерти не до порога*, вероятно, в значении ‘о непредсказуемости смерти’ (предлог *от* в причинном значении подчеркивает господство смерти), высказывание *Смерть на ложечке не хлебнёшь* (скорее всего, об особом значении смерти как испытания). Пословица *У Бога дён не с решето* может быть связана с идеей кратковременности, мимолетности жизни (ср. пермское выражение *цело решето* ‘много, в большом количестве’ – в связи с символикой решета как источника блага, чудесного). Пословицы не всегда определяют смерть в абстрактных понятиях, часто отмечают сложность и объективную ее неопределенность (как в загадке о смерти *Загадка без отгадки – что это?*).

В ряде случаев пословицы раскрывают суть понятия методом от противного, т.е. с помощью антитезиса, а не аргумента: *Жизнь прожить не река брести (реку перебрел, да опять пошел)*, *Жизнь прожить не река брести (котома нести)* ‘о том, что жизнь сложна, и прожить ее непросто’. Жизненный путь уподобляется переправе через реку. Примечательно сохранение в выражении особой грамматической формы – именительного падежа женского рода в сочетании с инфинитивом переходного глагола (считается прибалтийско-финским субстратом, результатом языкового контактирования русских говоров с финно-угорскими языками [Маркова 2003]). Комментарий к понятию смерть выражен и в пословице *Умирать – не лапти ковырять* (известен иносказательный фразеологизм *лапти ковырять* ‘делать что медленно, мешковато, вяло’). И в том, и в другом случае микротекст обработан фонетически – рифмующиеся компоненты представляют собой наиболее семантически значимые слова.

В определении сути смерти преобладают прямые высказывания. Смерти приписывается всевластие (*От смерти никому не отбиться, Смерть всех сравняет*). Она представлена как неизбежная участь всего живущего: *Что в людях ведётся, то и нас не минётся, Смерть причину ищет, Смерть голову откусит* (‘о неотвратимости смерти’), что смерть других – знак напоминания о смерти живущим (*Люди мрут, нам дорожку трут*, где использован глагол *тереть* в архаичном значении ‘делать твердым’, ср. диалектное *торить* ‘протаптывать’). Признание смертной природы человека, ограниченности его существования (в отличие от жизни вечной природы) содержится в выражениях *Смерть не по лесу ходит, а по народу, По безлюдью смерть не ходит*. Смерть определяется как итог жизни: *Хвали день при вечере, а жизнь при смерти*, суть жизни в связи с этим толкуется как движение к смерти: *День к вечеру – к смерти ближе (День за день – к смерти ближе; обозначенное в выражении чередование дней подчеркивает естественный ход времени, снимает трагическое восприятие конца жизни)*. Смерть понимается как ценность, которая позволяет переосмыслить содержание направленной на нее жизни: *Не молодостью жить, не старостью умирать, Смерть животы кажет* (*живот* здесь – устаревшее обозначение общего понятия жизни).

Отношение к смерти

В массе пословиц высказывается отношение к смерти (чаще в подтексте выражения). Пословица *Умирать ладья, а озимую (хлебушко) сей* не только говорит о непредсказуемости смерти, но и призывает в переживании грядущей смерти не забывать о земных заботах. Выражение *Жить надейся, а умирать ладья* также предписывает жить, ори-

ентируясь на два отношения к жизни, указывает на совместимость жизни и смерти как двух полюсов бытия (несмотря на использование противительного союза, здесь подчеркивается не противопоставленность понятий, а параллельность, отношения тождественности между частями высказывания).

Пословицы *Живой не без места, а мертвый не без могилы, Мертвые на заборе не вешаются* не просто напоминают правило, согласно которому умерший должен быть предан земле – в них содержится утешительное напоминание о долге оставшихся перед ставшими прахом. Пословица *Мертвый у ворот (у окошка) не стоит (есть не просит), а свое возьмет* также напоминает о необходимости воздавать почести умершим и представляет ее как непреодолимую силу (более категорично это правило выражено в варианте *Бог у ворот не стоит, а своё возьмёт*, который возник на основе представления о близости умерших к богу). Шутливая поговорка *Умереть – не нам напередь (есть еще жужгинцы да ракинцы)* ‘о нежелании умирать’ – пример иронического отстранения от смерти. В выражении упомянуты жители соседних с чердынским селом Бондюг (где записано выражение) деревень Жужгина и Ракина: смерть временно «переправляется» географическим соседям.

Народные сентенции о смерти отличает многообразие смыслов. Их внутренняя организация во многом обеспечена грамматически. Налицо также сниженная образность народных выражений о смерти. Будучи средством психологической защиты, давая человеку надежду, веру в наличие выхода из сложной жизненной ситуации, пословицы отражают народно-философский взгляд на предел человеческой жизни как специфический аспект человеческого существования.

Библиографический список

Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц). Автореф. дисс. ... доктора филологических наук. СПб., 2003. 22 с.

Малкова А.С. Структура пословицы: система поэтической образности как семантическая сеть // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2006. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2046/malkova.pdf> (Дата обращения: 5.02.2019).

Маркова Н. В. Глагольные конструкции с номинативным объектом в онежских говорах // «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского Севера. М-лы 4-й международной научной конференции. Петрозаводск: ПетрГУ, 2003. С.151 – 152.

Платонова Е.Н. Грамматические средства создания обобщённого значения в языке пословиц. Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. М., 2011. 22 с.

Эпштейн М. Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д.А. Пригова. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/10/ep23.html> (дата обращения: 09.03.19).

Svalova Ekaterina Nikolaevna

Teacher of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages
and Methods of Teaching Languages Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

EXISTENTIAL MEANINGS IN THE PROVERBS OF THE KAMA RIVER AREA ABOUT THE FINITUDE OF THE HUMAN LIFE

The article discusses grammar and semantic features of proverbs including folk explanation of life and death as basic categories of human existence. Grammatical forms used in these proverbs that intensify the characteristics of generality, figurative-symbolic presentation of folk gnomes about death and their imaginative form are analyzed. Presented in the proverbial paroemias meanings, typical for folk mentality and defining the interpretation of death in the dialectal sphere are described.

Key words: folklore language, logical and figurative-symbolic structure of proverbs about death, characteristics of semantics of proverbial texts.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1:908

Князева Евгения Александровна

доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

Фирсова Анастасия Владимировна

доцент кафедры туризма
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
firssowa@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В статье раскрывается инновационный потенциал учебного пособия «Следствие ведут пермяки: литературные расследования» (7 класс), описывается его содержание и структура, рассматриваются современные подходы к преподаванию литературного краеведения. Особое внимание уделяется типам заданий, ориентированных на развитие творческих способностей учащихся, формирование личностных УУД.

Ключевые слова: инновационный потенциал, межпредметный подход, метапредметный подход, краеведение, региональная литература, личностные универсальные учебные действия, ИКТ.

В Пермском крае при поддержке краевого Министерства образования и науки, в соответствии с задачами духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, заявленными в ФГОС, с 2015 года реализуется проект по изданию цикла краеведческих учебных пособий под общим названием «Мой Пермский край»: «Странички далеких и близких времен» (5 класс), «Мир живой природы» (6 класс), «Следствие ведут пермяки: литературные расследования» (7 класс), «Географические экспедиции в пермский период» (8 класс). Содержание учебных пособий представлено таким образом, что его можно использовать в любом классе среднего звена, реализовывать в виде самостоятельного учебного курса или вводить в общеобразовательные дисциплины как региональный компонент. Типология заданий, особенно в

пособиях для 7-8 классов, была разработана в целях реализации коммуникативно-деятельностного подхода и может использоваться в процессе преподавания любых дисциплин гуманитарного и естественно-научного цикла.

Как известно, краеведение – наука комплексная, включающая в себя знания из разных предметных областей: *истории*, *биологии* (ботаники, зоологии), *географии* (физической, экономической и культурной); *литературы*, *искусствоведения* (культурной регионалистики), поэтому в преподавании краеведения неизбежен *межпредметный* подход [Голубчиков 2014: 12]. Также очевидна необходимость и *метапредметного* подхода к реализации регионального компонента образования, использования ИКТ. Поиск и обработка краеведческой информации сегодня осуществляются во многом благодаря Интернету, а ориентация в региональном пространстве, воспроизведение любого географического объекта в любом масштабе и дополнение его образа своим контентом – благодаря геоинформационным системам (Google Earth, Virtual Earth, Google maps Яндекс карты, Дубль Гис). Важна и *личностная* направленность рассматриваемых учебных пособий. Многие задания, предложенные в них, позволяют развивать творческие способности учащихся, умение через литературные произведения вступать в диалог с писателем и осуществлять проектную деятельность в социокультурной сфере. Такая работа с текстом и местом формирует позитивную территориальную идентичность школьников, способствует определению ими себя как пермяков, неразрывно связанных с «малой» родиной [Фирсова 2018: 228–234].

Остановимся подробнее на инновационном потенциале учебного пособия «Мой Пермский край. Следствие ведут пермяки: литературные расследования» [Мой Пермский 2017]. Первое, что обращает на себя внимание, – это жанр, вынесенный в подзаголовок. Ему подчинена структура пособия. Каждая глава, посвященная творчеству одного писателя, представлена как «Дело»: дело № 01 от 7.10/1878 «Об исчезнувшем городе, речном божестве и чемодане» (Михаил Осоргин); дело № 02 от 17.04/1884 «О стране Гдетотамии, великом песнебойце и отставленном стуле» (Василий Каменский); дело № 03 от 9.01/1904 «О невидимом оружии, сыреборе и Номо humanitas» (Аркадий Гайдар); дело № 04 от 11.08/1880 «О таинственном золоте, кораблекрушениях и лесных пельменях» (Александр Грин); дело № 05 от 15.01/1879 «О подземном мире, коварных хранителях и динамите» (Павел Бажов); дело № 06 от 1.05/1924 «О двух родинах, любви и ящике с петухом» (Виктор Астафьев); дело № 07 от 29.01/1890 «О брыкающемся коне, жадной бумаге и восторженном человеке» (Борис Пастернак); дело № 08 от 24.12/1847 «О кино без кинокамеры, кумачовых сарафанах и тишине» (Василий Немирович-Данченко).

Названия дел содержат интригу, в датах «спрятаны» биографические данные, каждый писатель связан с каким-либо «ключевым словом», которое надо разгадать.

Выбор писателей осуществлялся на следующих основаниях: во-первых, в их творчестве есть «географический сюжет»; во-вторых, их произведения соответствуют возрастным особенностям подростков и могут быть интересны им; в-третьих, эти тексты имеют гуманистическую направленность; в-четвёртых, они отражают реалии пермской действительности XIX–XX веков.

У каждого из представленных авторов есть свой опыт взаимодействия с Пермским краем: М.А. Осоргин и В.В. Каменский здесь родились и жили долгое время; для В.П. Астафьева пермская земля стала второй родиной; для А.С. Грина и Б.Л. Пастернака поездка на Урал оказалась ярким эпизодом жизни, повлиявшим на их творчество; П.П. Бажов создал мифологию Урала, тем самым наделил регион особым культурным статусом; В.И. Немирович-Данченко был профессиональным путешественником-беллетристом, анализ его очерков позволяет раскрыть секреты создания травелога [Абашев 2015: 67–72].

Этот разнообразный опыт писателей определил *предмет исследований*: биографию автора, маршруты путешествий его самого и его героев, образы местного ландшафта, социальную и экологическую проблематику произведений, секреты писательского мастерства и др. В исследованиях должны принимать участие сами дети. Для активизации их деятельности авторы учебного пособия предлагают им не только «осваивать» литературные места, но и подключать воображение – представлять себя писателем, героем, режиссером, «оживлять» картины города и природы, созданные в художественных тестах.

Учебное пособие во многом ориентировано на формирование личностных универсальных учебных действий. Рассмотрим несколько примеров того, как отдельные задания согласуются с задачами УУД:

Задача – *осознавать себя личностью, которая формируется под влиянием других людей (блок самоопределение)*. В деле о В.В. Каменском, в «расследовании первом: птенец в гнезде», сказано, что большую роль в становлении поэта сыграл дядя Ваня. Задание звучит так: «Проведи расследование: кто помог определиться в жизни твоим родителям? Кто влияет на тебя?»

Задача – *отстаивать гуманные демократические порядки и препятствовать их нарушению (блок самоопределение)*. В деле об А.П. Гайдаре, в «расследовании втором: невидимое оружие», речь идёт о профессии журналиста. Деятельность А.П. Гайдара оценивается, исходя из требований, обозначенных в Кодексе профессиональной этики российского жур-

налиста. В учебник включён фрагмент кодекса со смысловыми пробелами. Задание: «Найди в Интернете Кодекс и заполни пропуски».

Задача – *совершать общественно полезные дела (блок самоопределение)*. В деле о В.П. Астафьеве, «расследовании третьем: не навреди», после анализа рассказов «Белогрудка», «Хвостик» и писем писателя, в которых звучит призыв к защите всего живого, ученикам даются проектные задания: нарисовать схему в форме инфографики, отражающую проблему утилизации отходов в России и/или Пермском крае; провести на территории своей школы «Экологический десант».

Задача – *формирование мотивов достижения социального признания (блок смыслообразование)*: в деле об А.П. Гайдаре «расследование первое: добрые дела» после анализа повести «Тимур и его команда», ученикам дано проектное задание: найти в книгах или интернете информацию о благотворительных фондах, действующих на территории Пермского края. Кому они оказывают помощь и как? Разработать свой благотворительный проект (Кому бы ты хотел помочь? Почему они нуждаются в помощи? Какой может быть адресная помощь? Как устранить причины кризисной ситуации)?

Задача – *развитие познавательных интересов, учебной мотивации (блок смыслообразование)*. В деле о М.А. Осоргине, «расследовании первом: об исчезнувшем городе», речь идёт о мистических уголках Перми. Задание: «Используя опросник, выясни у родителей, какие “страшные места” в Перми они знают».

Задача – *формирование мотивов, реализующих потребность в социально-оцениваемой деятельности (блок смыслообразование)*. В деле о М.А. Осоргине после знакомства с городом детства писателя ученикам предлагается разработать собственный маршрут по своему городу детства. В главе об А.П. Гайдаре также даётся задание – реконструировать маршруты его прогулок по Перми, сфотографировать старинные здания на этом пути, сделать выставку. В главе о Б.Л. Пастернаке – организовать и провести в классе конкурс выразительного чтения.

Задача – *формирование чувства прекрасного и эстетических чувств на основе знакомства с художественной культурой (блок нравственно-эстетическое оценивание)*. В деле о Б.Л. Пастернаке, «расследовании втором: пять секретов», рассказывается история создания стихотворения «Урал впервые». Ученики должны прочитать вслух стихотворение, обратить внимание на звучание слов, повторы на разных уровнях текста, затем вспомнить самые красивые природные места своей родины, описать их в стихотворной или прозаической форме. В деле о В.В. Каменском речь идёт об эстетике футуризма. Задание состоит в следующем: найти в Ин-

тернете информацию об объектах, созданных в футуристическом стиле (объектах паблик-арт), и составить личный рейтинг шедевров.

В процессе изложения основного и справочного материала учебного пособия содержатся ссылки на интернет-ресурсы: карты, тематические сайты, аудиогиды, фотоматериал, фильмы. Предложено много творческих заданий, выполнение которых предполагает использование интернета. Например: «Прочитай в книгах или узнай в интернете о писателе Викторе Петровиче Астафьеве. Попробуй создать его “военный билет” (фото, дата и место рождения, образование, семейное положение, когда призван в армию, кем служил, где был ранен, когда демобилизован)»; «Найди в книгах или интернете сведения о Павле Петровиче Бажове и узнай, чем он знаменит. Составь “облако тегов”, ключевые слова которого могут охарактеризовать жизненный и творческий путь писателя»; «Создай игру-квест по материалам жизни и творчества Б. Пастернака».

Задания учебного пособия реализуют различные межпредметные связи: литературы и географии («Посмотри на карту России. Какой путь мог проделать Саша Гриневский из Вятки (сегодня Киров) в Одессу?»), географии и математики («Найди на карте поселок Ильинский и г. Чермоз. Сосчитай, сколько километров прошел старик (герой фельетона А. Гайдара) пешком и какое время потратил?»), музыки и рисования («Найди и послушай композицию “В пещере горного короля” Эдварда Грига. Какие чувства ты испытываешь? Передай ощущения с помощью карандашей»), литературы и геологии («Какие минералы скрыты в недрах Уральских гор? На какие из них похожи по цвету ящерки из сказов Бажова?»).

Заслуживает особого внимания дизайн учебника, соотношение текста и иллюстраций. Информация разбита на блоки, вопросы и задания рассредоточены по главам так, чтобы любое воспринятое учащимися содержание учебного материала было руководством к действию. Все тексты сопровождаются насыщенным визуальным рядом: это либо фотографии из архивов, либо фотографии сегодняшних ребят, либо рисунки художников. Над каждой главой работал свой иллюстратор.

Делая вывод из вышесказанного, следует подчеркнуть, что инновационный потенциал регионального учебного пособия по литературе, на наш взгляд, заключается не только в нетрадиционной подаче краеведческого материала и реализации регионального компонента образования современными методами и средствами, но и в том, что учебник решает важнейшую прикладную задачу – создания разнообразных практик, в которых проявляется взаимосвязь человека, художественных текстов и отражённых в них локусов. Изучая художественные образы пространства, школьник вступает в творческое взаимодействие с местом, в котором живёт. В

этой деятельности начинает формироваться его территориальная идентичность.

Работа с личностными УУД на краеведческом материале способствует повышению мотивации к познанию окружающего мира, меняет отношение подрастающего поколения к культурному наследию своего региона. В то же время учебное пособие может быть ориентировано не только на школьный возраст, т.к. представляет ценность и для студентов, и для экскурсоводов, и для менеджеров культуры – как средство популяризации региональной литературы и даже территориального брендинга.

Библиографический список

Голубчиков Ю.Н. Гуманитарная география в стратегиях выживания человечества. М.: АНО «Диалог культур», 2014. 328 с.

Фирсова А.В. Роль литературной географии в вопросах формирования местной идентичности (на примере Пермского края) // Материалы междунар. Научн. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35309248> (дата обращения: 01.03.2019).

Мой Пермский край. Следствие ведут пермяки: литературные расследования/ под ред. Р.А. Кассиной; А.В. Фирсова, Е.В. Лившиц, Е.А. Князева, З.С. Антипина, К.Э. Шумов, Т.И. Пастаногова, М.Г. Вершинина. М.: Издательство ВЛАДОС, 2017. 199 с.

Абашев В.В. «Дикая красота и сумрачное величие...» Панорама Урала в путевых очерках вас. И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Выпуск №4 (32). С. 67–78.

E.A. Knyaseva

Associate Professor of the Russian Literature Department
Perm State University

A.V. Firsova

Associate Professor of Tourism
Perm State University

INNOVATIVE POTENTIAL OF REGIONAL LITERATURE TEXTBOOK

The article reveals the innovative potential of the textbook "the investigation is conducted by Permians: literary investigations" (for 7th grade), describes its content and structure, considers modern approaches to teaching literary local lore. Particular attention is paid to the types of tasks focused on the development of creative abilities of students, the formation of personal universal learning activities (skills).

Key words: innovative potential, interdisciplinary approach, metasubject approach, regional studies, regional literature, study of local lore, personal universal learning activities (skills), information & communication technologies.

Масальцева Татьяна Николаевна
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alba@mail.ru

ПЕРМСКАЯ ГАЗЕТА «СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ» В 1919 ГОДУ

В статье рассматриваются особенности редакционной политики, тематическое и жанровое своеобразие газеты «Сибирские Стрелки», издаваемой Белой Армией и распространяемой в Пермской губернии. Отмечены черты фронтовой газеты: обратная связь с читательской аудиторией: не только офицерами, но и солдатами армии А.В.Колчака. Обозначена также и роль литературных материалов в газете.

Ключевые слова: региональная газета, колчаковская газета, пропаганда, газетная литература.

С 25 декабря 1918 года по 30 июня 1919 года в Перми длился период режима белой армии – диктатуры Верховного правителя А.В. Колчака, возврата к дореволюционному порядку после социалистических преобразований. В Перми, как и в других занятых регионах, были разогнаны Советы и другие, созданные после Октябрьской революции, массовые организации, «были восстановлены институт губернаторов..., городские думы, земские управы, система сельских старост, созданы политический сыск и... карательные органы... был объявлен действующим... царский свод законов» [История Урала 1977: 100].

Белые войска адмирала А.В. Колчака, захватившего власть над контрреволюционными силами и ставшего «верховным правителем» при поддержке американской и английской интервенции, пришли на Урал из Западной Сибири, из Омска. Как пишут пермские историки, «в середине декабря белые усилили нажим на Кунгурском направлении, захватили Суксун, Кишертъ и после упорных двухдневных боев – Кунгур» [История Урала 1977: 92]. 25 декабря Пермь была занята колчаковцами.

С переходом города белогвардейцам в нем тут же возникла периодическая печать, поддерживающая белого адмирала. Положение прессы было определено приказом Верховного правителя Колчака № 57 от 07.12.1918 г.: «Не желая стеснять печать в своевременном полном освещении населения приказываю: цензуру печати отменить, кроме театра военных действий, возложить на одно из русских цензурных учреждений <...> обязанность возбуждать уголовные преследования против ответственных редакторов поврежденных изданий и авторов изданий непериоди-

ческих за помещение в печати <...> всякого рода печатных произведений, подрывающих авторитет Верховной власти, призывов, возбуждающих одну часть населения против другой или подстрекающих к вооружённым выступлениям и стачкам, злонамеренных слухов, касающихся Русской армии, союзных и Чехословацких войск, с правом конфискации отдельных выпусков периодического издания или же всего произведения, в которых таковые сведения или воззвания помещены» [Стельмак: эл. ресурс].

По мнению историков, всего на территории, подвластной Колчаку, выпускалось 122 газеты (данные «Списка изданий, выходящих на территории, освобожденной от большевиков к 1 апреля 1919 г.» [Молчанов 2002]). В каждом сибирском городе, захваченном армией А.В. Колчака, издавалось не менее 2–3 газет: такого количества периодических изданий в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке не было ни до, ни после Гражданской войны вплоть до 1930-х гг. [Симонов 2016: 33].

В Перми же при Колчаке в начале 1919 г. издавались газеты «Освобождение России», «Сибирские стрелки», «Свободная Пермь», впоследствии переименованная в «Современную Пермь», а позже в «Отечество», также были восстановлены «Пермские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости», «Пермская земская неделя». Редакция газеты «Освобождение России» издавала ещё и журнал «Русское приволье» (сохранилось 7 номеров).

Рассмотрим выходящую с 1 февраля 1919 г. по 27 июня 1919 г. газету «Сибирские стрелки», позиционирующую себя как издание Штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса. Данная газета имела непостоянный объём в один-два листа, размер и качество бумаги листов тоже менялись, периодичность не была постоянной. Адресом редакции значилось: «ст. Пермь I, вагон № 815». Редактор – Александр Крамаренко, начальник информационного отдела штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса, возглавляемого генералом А.Н. Пепеляевым.

Газета представляла собой своеобразный «почтовый ящик фронта», в ней печатались статьи, стихи, рассказы военнослужащих Сибирской армии. По типу она принадлежит к информационно-пропагандистским изданиям, поэтому в ней практически не были представлены аналитические жанры. Главной целью «Сибирских стрелков» было поднятие боевого духа (потому и розничная, и подписная цена для воинских частей устанавливалась меньше, чем для других читателей).

«Сибирские стрелки» старались соответствовать серьёзному требованию быть именно газетой, объединяющей всех бойцов. Это требование было озвучено генералом А.Н. Пепеляевым на встрече с редакторами пермских газет 27 марта 1919 года: «Ваши газетные статьи в большинстве случаев совсем не годятся для солдата, он не поймет их и читать не ста-

нет. Проще нужно писать, понятней для простого человека речью. И, побольше сердечности, тепла, которого он лишен на фронте. Надо знать и понимать душу солдата» (№ 57).

Газета занималась пропагандой идеологии белого движения, что ощущалось в демонстрации успехов белогвардейского движения: военных, дипломатических, экономических, хозяйственных, а также в показе плачевного положения противника, терпящего поражения, испытывающего крайнюю нехватку продуктов, жизненных благ. Примером публикации такого обзора-контрпропаганды можно назвать статью «Вести из Москвы» (№ 43) или «Документы о действиях Советской власти» (№ 49)

Демонстрация слабости красных, их плачевного положения часто приобретала форму рассказа раненого или военнопленного (своего бежавшего или чужого, взятого в плен).

Пропагандистская активность газеты нарастала в преддверии взятия Перми и отступления белогвардейцев в Сибирь: «Временный частичный успех красных заставляет наши доблестный войска, только что взявшие г. Глазов, отступить с сего фронта. Граждане!.. Поднимайтесь все, как один, и отразите дружно нашего общего и ненавистного всем врага» (статья «Гражданам гор. Перми» в № 123).

Итак, в газете «Сибирские стрелки» печатались военные сводки, телеграммы, хроника, статьи, описания боёв, велась полемика: публикации военнослужащих вызывали несогласие соратников, которые писали отклики на ранее опубликованные статьи. Постепенно увеличивалось количество литературных материалов: рассказов и стихов, написанных бойцами. Стихи, как правило, содержали призыв к солдату: «Смело, братцы, вперед;/ Грозный час настает,/ С нами Бог, а за нами – Россия!/ Если честь дорога –/ Не страшитесь врага:/ Дедов подвиги вспомним былые...».

Среди сотрудников газеты были весьма яркие авторы. Художественно-публицистические тексты публиковались за подписями Сергея Ауслендера: очерки «Армия» (22.03.1919, С.3) и «Адмирал Колчак» (21.02.1919); последний позднее был издан отдельной брошюрой. Обнаруживаются тексты стихотворений Константина Бальмонта «Последний клич» (30.03.1919, С.2), Сергея Городецкого «Х.В.» (20.04.1919, С.1), Георгия Иванова «Мы были слепы, стали зрячи» (20.04.1919, С.2). Представлена в большом количестве публицистика Алексея Ремизова: «Слово о гибели русской земли» (15.03.1919, С.2), «Доля солдатская» (16.03.1919, С.4), «За родину» (20.03.1919, С.2), «Хлебный голос» и «Слово о земле русской» (10.04.1919, С.2), «Страдной России» (20.04.1919, С.1). Указания на перепечатку отсутствуют; сведений о том, что перечисленные авторы были в это время в Перми, не обнаружено.

Среди авторов газеты – будущий писатель, подпоручик Всеволод Иванов. О пермском периоде своей жизни он рассказал в книге воспоминаний «Исход»: «Газета называлась “Сибирские стрелки”. Там я проработал до весны, используя опыт моей редакционной работы в петербургском издательстве и в пермской газете “Народная свобода”. В редакции этой газеты я был на вторых ролях <...>. Потом редактора отпустили отдыхать от ратных трудов в Сибирь, некому было мешать в основной работе, и я повёл газету по-деловому, сделав из неё не назойливо-пропагандистский орган, а деловое издание, восстанавливающее связь с Уралом. Опыт оказался удачным во всех отношениях. Наша газета, хоть и штабная, хоть и на колёсах, побивала всех своих соперников в других городах, от Омска до Перми. Превратившись из казенного, унылого заведения в живое предприятие, “Сибирские стрелки” все время наращивали тираж настолько, насколько могла выдержать походная типография» [Иванов 1994: 7].

По сведениям историка-краеведа М.Е. Ситникова, будучи офицером, 4 сентября 1914 года Всеволод Иванов был переведен «для пользы службы» в 107-й пехотный запасной батальон, который располагался в Перми. Всеволод Иванов писал статьи и стихотворения для газеты «Народная Свобода». Партийная газета, редактором которой был преподаватель истории Пермского реального училища Николай Александрович Несслер, представляла аудитории взгляды партии эсеров и привлекала внимание пермской интеллигенции. С ней сотрудничали профессора Пермского университета: Д.В. Алексеев, Б.Л. Богаевский, С.П. Обнорский, Н.Н. Оттокар, К.Д. Покровский и др. [Ситников: эл. ресурс].

После взятия Перми армией А.В.Колчака В.Н. Иванов «был откомандирован» сначала в редакцию газеты «Освобождение России», а 30 января в редакцию газеты «Сибирские Стрелки».

В «Сибирских стрелках» Всеволод Иванов писал в самых разных жанрах. Например, в жанре воспоминаний написана статья «Столетие со дня основания Санкт-Петербургского (Петроградского) университета» в № 21.

Создавая образ «длинного красного здания 12 коллегий, которое пересекает почти весь Васильевский остров бесконечным коридором своим и лишь четырьмя окнами смотрит на свинцовые воды Невы», автор подчеркивает: «В темные дни современности много нас, питомцев университета, раскиданы по фронтам Гражданской войны, как много нас дралось и в Европейской войне. Почти же и теперь свою alma mater делами рук своих и работой в пользу Родины».

Редакционные статьи на первой странице, имеющие вместо заглавия дату, например 24 марта 1919 года, традиционно не подписывались, но

предположительно принадлежали перу Иванова, о чем свидетельствуют особенности освещения событий и стиль. Так, в вышеупомянутой статье автор обсуждает возможность открытия «нового восточного фронта», если германские большевики объединятся с русскими: «... перед союзниками стоит задача ликвидации двух добрых друзей. Помощь их здоровой, творческой России есть одна из задач борьбы с Германией».

Писал Всеволод Иванов и тексты обзоров для рубрики «Из совдеповских газет», комментируя воззрения, высказывания и заблуждения Советской власти. Так, в номере 26 от 27 февраля, он критикует «громовые раскаты бахвальства, туман, пускаемый в глаза со всех страниц», в том числе и статьи Ленина в «Московской правде», приходя к выводу: «... тяжело больна и окутана паразитами наша родина: мы не можем радоваться ее гибели. И нам только один путь, путь начертанный Сибирским правительством <...> путь вооруженной борьбы с этой бесстыдством, цинизмом, злобой и наглостью преисполненной бандой проходимцев».

Кроме того, Всеволод Иванов писал обзоры публикаций не только для советских, но и для иностранных газет. Например, текст в № 59 «Что говорят о нас в Англии»: по мнению английских газет, «Россия находится в состоянии безнадежного упадка как в материальном, так в политическом и моральном отношении... английские газеты просто не улавливают громадной пропасти, расколовшей на две части русский весь народ. О Совдепии они все время пишут “Россия”, тогда как мы-то знаем, что тут “дистанция огромного размера”».

Был не чужд Всеволоду Иванову и жанр эссе. В № 109 (31.05.1919) на второй странице мы обнаруживаем текст «Правительство всероссийское», подписанный «И». Автор размышляет о возможностях сибирского правительства – «выразителя лучших чаяний народных, его душевных стремлений и идеалов». Автор аргументирует свою высокую оценку сибирского правительства его достижениями и его признанием со стороны союзников.

Обстоятельства Гражданской войны и колчаковского режима определили общую цель пермских газет первой половины 1919 г. («Освобождение России», «Свободная Пермь» и «Сибирские стрелки») – агитировать, в том числе и с помощью литературных материалов, против возврата большевистского режима в Пермь, культивируя чувство ненависти к «изменникам-красным», презрение к большевизму. Редакция этих газет считала, что аудитория должна быть мобилизована на борьбу с врагом во всех сферах жизни.

Библиографический список

Иванов В.Н. Исход // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 7–8.

История Урала: в 2 т. / Под. ред. И.С. Капцуговича. Т. 2. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1977. 939 с.

Корниенко С.И., Гагарина Д.А., Масленников Н.Н., Пигалева С.В. Пермские газеты колчаковского периода: уникальный информационный ресурс по истории гражданской войны // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 38. 2012. С. 31–33.

Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (ноябрь 1917 – 1920 г.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 271 с.

Симонов Д.Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил Востока России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, Филология. 2016. Т.15. № 6. С.31–40.

Ситников М.Г. Редактор газеты «Сибирские Стрелки»: [Электронный ресурс]. URL: www.fnpertm.ru (дата обращения: 20.11.2018).

Стельмак М.М. «За великие заслуги чехословацких войск, оказанные ими нашей родине, приношу от лица русской армии глубокую благодарность...»: Чехословацкий корпус и перемена власти в антибольшевистском лагере в 1918 г: [Электронный ресурс] // Исторический архив Омской области [официальный сайт]. URL: <http://www.iaoo.ru/note294.html> (дата обращения: 20.11.2016)

T.N.Masaltseva

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

PERM NEWSPAPER “SIBIRSKIE STRELKI” IN 1919

The author examines the peculiarities of editorial policy and thematic and genre originality of the newspaper “Siberian Arrows”, published by the White Army and distributed in the Perm province. The features of the front-line newspaper are noted: feedback from the readers: not only officers, but also soldiers of the army of A. V. Kolchak. The role of literary materials in the newspaper is also indicated.

Key words: regional newspaper, Kolchak newspaper, propaganda, newspaper literature.

ЧИСТИЛЬЩИКИ ОБУВИ В СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМАХ

В статье рассматриваются случаи использования образов этнических ассирийцев, прежде всего профессиональных чистильщиков обуви, в отечественных художественных фильмах. В кинопроизведениях советского периода ассирийцы никогда не называются своим этническим именем. В некоторых сериалах, снятых уже в 2010-х гг., мы также видим использование ассирийской темы, причем в ряде произведений она представлена весьма интересно с этнографической точки зрения.

Ключевые слова: чистка обуви, фильм, сюжет, произведение, ассирийцы, эпизод, автор.

При изучении этнической группы, в том числе диаспоры, проживающей в России, важно учитывать использование образов ее представителей в художественных произведениях, в том числе в художественных фильмах. В городской бытовой культуре XX столетия определенную роль играли профессиональные чистильщики обуви, в качестве которых выступали этнические ассирийцы. К сожалению, в художественной литературе и кинематографе авторы весьма редко указывали на этот момент. В данной работе нам хотелось бы рассмотреть сюжеты, в которых присутствуют чистильщики обуви и в которых этот мотив связан с этническими ассирийцами.

Фильм «Девушка спешит на свидание» (1936 г., режиссеры М. Вернер, С. Сиделёв, сценарий А. Зорич) который время от времени демонстрировался на телеэкранах еще в 1980-х гг. Здесь мы встречаем колоритный образ чистильщика обуви (актер Михаил Розанов), веселого, общительного восточного молодого человека, которого на каком-то этапе подменяет на «стоянке» один из главных героев фильма, Николай Николаевич Гуров (Михаил Ростовцев). В фильме чистильщик, а потом и его «сменщик», исполняют незамысловатую песенку И. Дунаевского – «Черные почистим, белые почистим...». Данный персонаж является одним из очень немногих чистильщиков обуви в отечественном кинематографе, кто предстает в эпизоде не безмолвным, да еще и поющим.

Вспомним известную сцену из фильма «Максим Перепелица» (1955), в которой главный герой уходит в самоволку, дабы купить на рын-

ке обещанной сослуживцам, взамен за чистку за него картошки, халвы. Всем, кто смотрел это кинопроизведение, памятен усатый восточный персонаж, у которого герой Леонида Быкова и пытается выяснить дорогу. Данный эпизод мы встречаем и в книге И. Стаднюка, в главе «Кило халвы», по которой снят фильм: здесь Максим, оказавшись у закрытой двери торговой точки, обращается «к чистильщику обуви, который рядом сидит, эдакому смуглому белоусому старику», последний с восточным акцентом пытается навязать свои профессиональные услуги, а, получив отказ, указывает путь в сторону рынка – «второй квартал направо» [Стаднюк 1983, 414]. Авторы фильма явно «подсмотрели» прототипа героя эпизода где-то на улице одного из городов, поскольку киношный чистильщик значительно колоритнее соответствующего литературного персонажа, он объясняет дорогу так, как частенько это делали ассирийцы – описывая путь так красочно и подробно, так что запутанный собеседник толком ничего не может понять.

В знаменитом фильме «Я шагаю по Москве» (1963 г., режиссер Георгий Данелия) также встречаем эпизод, в котором фигурирует чистильщик обуви, вновь усатый персонаж восточного вида. Главные герои фильма, Коля (Никита Михалков) и Володя Ермаков (Алексей Локтев), поджидают напротив ЗАГСа Сашу Шаталова (Евгений Стеблов), где тот должен жениться. Идет дождь, и ребята прячутся от него в палатке чистильщика обуви, который колдует над ботинками одного из них, а потом безуспешно предлагает почистить второму. В роли работника палатки «Чистка обуви», типичной для того времени – деревянной, предстал сам кинорежиссер Георгий Данелия. Известно, что сцена перед ЗАГСом снималась возле дома №44 по Ленинскому проспекту в Москве, однако выяснить, где снимался эпизод с палаткой, нам не удалось. Об этнической принадлежности героя Данелии зрителям не сообщается, однако автор (сам имеющий «восточное» происхождение), разумеется, был в курсе национальной принадлежности того, кого он изображает в эпизоде.

В известном советском сериале «Следствие ведут знатоки», в фильме «Шантаж», авторы дважды вскользь упоминают чистильщиков обуви. Интересно, что в литературном произведении Ольги и Александра Лавровых, по которому снята эта серия, чистильщики не фигурируют [Лавровы 2016, 207–209, 250]: в фильме мотив навеян, по-видимому, непосредственно реалиями городской культуры. Наиболее интересно первое упоминание, когда в беседе с З.Я. Кибрит следователь Токарев приводит пример некоего чистильщика обуви, ставшего ювелиром. Автору этих строк известен прецедент, когда фактически сложилась небольшая ассирийская династия ювелиров (отец и два сына), однако никто из них прежде не работал чистильщиком обуви – мастера с юности обучались ювелирному

делу. На «стоянках» сидели только представители старшего поколения семьи, которые в сознательном возрасте прибыли в Россию беженцами. Возможно, именно этот факт, известный создателям серии, и послужил поводом к включению в нее данного эпизода, хотя не исключено, что мы имеем дело с авторским вымыслом.

Всем, кто смотрел советский телевизионный фильм «Визит к Минотавру» (1987) и читал одноименное произведение братьев Вайнеров, памятен эпизод (в фильме – 5-я серия), где Николай Сергеевич Трубицын рассказывает о Белаше и его давнем «подвиге», в котором присутствует чистильщик обуви. В книге он описан следующим образом: «На углу Сретенки и Рождественского бульвара у троллейбусной остановки сидел в будочке старый усатый чистильщик обуви – айсор. Белаш с приятелями привязал веревку к стенке будки, а другой конец накинул на крюк троллейбуса. Когда машина отошла от остановки, то она, естественно, поволокла за собой по улице будку с вопящим айсором и до смерти перепуганным клиентом...» [Вайнеры 1977, 319]. В фильме троллейбус заменен автобусом, упомянуты «вопящий чистильщик и перепуганный клиент», но не указано место, где была остановка, не говорится и об этнической принадлежности чистильщика.

На углу ул. Сретенка и Рождественского бульвара находится храм Успения в Печатниках, 1690-х гг. постройки (приделы – 1720-1760-х гг.), возле которой на самом деле находилась остановка общественного транспорта. У храма (в советское время, с 1960 г. – музей-выставка «Морской флот СССР») также стояли разные киоски, однако, была ли в период, о котором идет речь в книге и фильме, палатка чистильщика, не удалось установить даже в беседах с теми, кто жил до 1960-х гг. в этом районе. Опыт сбора информации о местах работы чистильщиков, как в Москве, так и в других городах, показывает, что часто такие объекты выпадали из поля зрения жителей и вспоминаются старожилами с большим трудом, если, конечно, с ними ничего не было связано или с их сотрудниками респондентов не связывало тесное знакомство. Возможно, Вайнеры использовали в книге какой-то сюжет, реально имевший место в городской криминальной хронике, но не исключено, что он является авторским вымыслом или основан на городском фольклоре.

Во всех рассмотренных случаях чистильщики обуви представлены на экране просто как люди восточной внешности, но ни в одном фильме ассирийцы не названы своим этническим именем – даже в киноленте «Девушка спешит на свидание», вышедшей в середине 1930-х, когда еще не была завершена политика культурно-просветительской работы среди национальных меньшинств и функционировал «Союз ассирийцев», который занимался в том числе и курированием обувного промысла среди сопле-

менников. Примечательно, что если в романе «Визит к Минотавру» фигурирует этноним «айсор», в одноименном фильме национальность чистильщика обуви не приводится – даже в более предпочтительном варианте «ассириец». Трудно сказать, связано ли это с боязнью авторов затронуть тему «нетитульной» нации или же этноним не упоминается по каким-то другим причинам.

В 2011 г. на телеэкраны вышел детективный сериал «Черные волки» (сценарист и режиссер Дмитрий Константинов), действие которого происходит в 1954 г. в Ярославле. В конце второй серии мы видим чистильщика обуви, который прибыл на свое рабочее место на мотоцикле с коляской, в которой он привез все необходимое для работы, включая сидения для клиента, похожие на те, что мы видим на некоторых фото послевоенного периода в Москве. Сам чистильщик в эпизоде – обычный русский бородастый мужичок средних лет, каким его, видимо, пожелал представить автор фильма. На деле же в Ярославле с предвоенных десятилетий проживала относительно большая ассирийская диаспора и, так же как в Москве и других городах, на «стоянках» там трудились этнические ассирийцы.

Иногда в современных произведениях авторы используют образ восточного чистильщика обуви, исходя из традиционных народных заблуждений о его этнической принадлежности. В сериале «Смерть шпионам», в части «Ударная волна» (2012), мы видим использование восточного персонажа, занятого чисткой и ремонтом обуви. В четвертой серии фигурирует «связной “Грек”», работающий в большой деревянной будке на улице Харькова с вывеской на украинском «Ремонт взуття», который и выглядит как типичный грек – пожилой, усатый, в черной греческой феске. К нему обращается главный герой, сотрудник советских спецслужб, изображающий ученого-физика. Ассирийцев, работавших на улицах, население часто принимало за греков – это было второе по частоте заблуждение (чаще всего чистильщиков принимали за армян). Ошибочная этническая идентификация попадала даже в следственные дела НКВД в 1938 г.: в биографиях репрессированных, которые приведены в книге архимандрита Стефана (Садо), мы 11 раз встречаем чисто греческую идентификацию ассирийцев, 6 раз – «греков (ассирийцев)», по два случая – «ассирийцев (греков)» и «греков (армян)» и одного «грека (халдейца)» [Садо 2017: 351, 357, 369, 378, 395, 426, 448. 496, 539, 573]. Греческая феска на персонаже – чисто авторский вымысел, поскольку даже в южных городах, где ассирийские и греческие диаспоры проживали бок о бок, невзирая на конфессиональную близость и даже смешанные браки, ассирийские мужчины не перенимали этот головной убор.

В 2012 г. на телеэкраны вышел сериал «Московский дворик» (режиссер Владимир Щегольков), в котором мы видим соседку и подругу

главной героини, мать семейства, ассирийку по имени Зарда (актриса Мадлен Джабраилова). Образ представлен достаточно ярко; по-видимому, у создателей этого произведения или их консультантов было неплохое представление об ассирийской теме, о чем свидетельствует и выбор имени названной героини.

Еще одним современным сериалом, в котором затрагивается ассирийская тема, стал «Москва. Три вокзала». 16 серия 7 сезона (в общем порядке 148) называется «Что-то на арамейском» (2013 г., режиссер Михаил Илюхин, оригинальная идея Ильи Макарова). Здесь не только предстает ассириец Роберт Данэлович Дивов, работающий сапожником, но и излагаются интересные детали, связанные с историей его семьи: упоминается о прадеде, бежавшем из Ирана, несторианстве как вере ассирийцев-христиан, арамейском языке, на котором говорил этот этнос, и т.п. Показывая свой паспорт одному из героев фильма – сотруднику полиции, – ассириец говорит, что он «москвич в четвертом поколении, на Таганке вырос». Создатели серии знают и о том, что у ассирийцев до начала XX в. хранился плат («димма»), который главам Церкви Востока был дан пророком Мохаммедом в благодарность за то, что два ассирийских монаха были его советчиками на определенном этапе его духовного поиска. Авторы не просто использовали ассирийскую тему, но рассказали о ней максимально точно, используя сведения об истории и культуре этого народа.

Как видим, этноним «ассирийцы» начинает не только фигурировать в кинопроизведениях, но и сопровождаться деталями, отражающими историю и культуру этого народа, дополняться историко-этнографической информацией, явно полученной из авторитетных источников.

Библиографический список

- Вайнеры Г. и А. Визит к Минотавру. Роман. Изд. 2-е. М.: Детская литература. 1977. 400 с.
- Лавровы О. и А. Шантаж // Лавровы О. и А. Следствие ведут знатоки. М.: Вечер. 2016. С.184-263.
- Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920-1950-е гг.). СПб.: НП-Принт, 2017. 744 с.
- Стаднюк И.Ф. Максим Перепелица. Повесть. // Стаднюк И.Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. М.: Молодая гвардия, 1983. С.373-498.

S.S. Mikhailov

Researcher

Museum of History and Culture of Old Believers

THE SHOE-SHINERS IN THE SOVIET AND RUSSIAN FEATURE FILMS

When studying an ethnic group, it is important to take into account the representation of its image, which is created in the works of art created by contemporaries. The article with the use of the image of ethnic Assyrians, especially professional Shoe cleaners in some feature films, shot both in Soviet times and modern. The authors of the films of the Soviet period rarely used the image of the Assyrian Shoe-shiners, using them in some episodes. In them, even taken from literary works, Assyrians were never mentioned under their ethnic name. In some series, filmed in the 2010's, we also see the use of the Assyrian theme, and in a number of works it is presented in a very interesting way from the point of view of a professional ethnologist.

Key words: shoeshine, story, Assyrians, film, production, episode, author.

Туманова Ольга Сергеевна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tumanova_os@mail.ru

ГЕНЕЗИС ОБРАЗА НОРН В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX-XXI ВВ.

Статья посвящена развитию образа норн – «хозяек судьбы» богов и людей из скандинавской мифологии – в русской лирике XIX-XX веков: от попыток авторов Серебряного века следовать оригиналу «Старшей Эдды» до индивидуального мифотворчества современной поэзии.

Ключевые слова: «скандинавский текст» русской поэзии; мифологические образы; скандинавская мифология; мифотворчество; пересечение культурных контекстов; женские образы.

Норны в скандинавской мифологии, подобно валькириям, относятся к дисам – низшим женским божествам, определяющим судьбу людей при рождении. Устройство судьбы норнами предстает как прядение «нити судьбы»; по другим сведениям – как вырезывание рун [Ганина 2005: 214].

В отличие от валькирий «норны определяются как существа, производящие, подобно *valkudjor*, выбор, однако “на жизнь” (*líf*), а не “на смерть” (*val*)». [Ганина 2005: 214]. Наиболее содержательными данными о норнах располагают «Речи Фафнира», «Первая Песнь о Хельги Убийце Хундинга» и «Прорицание вёльвы». В данных произведениях ремесло норн описано через метафору «судьбу сказывать». Н.А. Ганина указывает на то, что «словосочетание ‘судьбу сказывать’ служит указанием на связь судьбы и вербального акта в самом широком спектре значения (‘рассказывать, предсказывать, определять, влиять словом’))» [Ганина 2005: 215].

Если говорить о лиминальных персонажах скандинавской мифологии в целом, то важно замечание, которое делает Л.В. Чёрная: «По отношению к своей судьбе — важнейшей категории скандинавского мировоззрения — женщины так же, как и мужчины, выступали в качестве активного начала, а выражение “вскармливать (т.е. формировать) свою судьбу” применено именно к женщине» [Чёрная 2005: электронный ресурс].

Жилище норн находится у корней мирового древа Иггдрасиля, которое они ежедневно опрыскивают живительной влагой из источника Урд. Можно предположить, что такое местонахождение норн в скандинавской космогонии мыслилось как основа миропорядка.

Согласно классическому и более позднему канону, норн три, подобно валькириям, они носят «говорящие» имена: Урд («судьба»), Верданди («становление»), Скульд («долг»). По более древним представлениям, количество норн соответствует количеству людей. Н.А. Ганина отмечает: «Есть определенные основания считать неясным вопрос об исконном числе норн; представляется, однако, что формулировка Я. де Фриса: “От неопределенного множества к пластическому триединству” – вполне отражает типологию перерастания архаической традиции в классическую» [Ганина 2005: 216].

Рассматривая русскую лирику, сложно однозначно сказать, с классической или архаической традицией мы сталкиваемся. Норны приходят в русскую поэзию сравнительно поздно – уже в Серебряном веке. Объяснить этот факт можно как растущей с появлением новых переводов «Старшей Эдды» и скальдической поэзии культурологической компетенции творцов «скандинавского мифа» русской литературы, так и общим интересом к творчеству Р. Вагнера: норны, дочери Эрд, плетущие нити судьбы, являются действующими лицами завершающей тетралогии «Кольцо нибелунга» оперы «Гибель богов».

Практически во всех текстах мы встречаем множественный образ: *«Фаготы прорицают хором, / Как речь пророческая норн»* (А. Белый «Первое свидание», 1921) [Белый 1997: 113]; *«Не вотще вещали норны, / Мне таинственный обет»* (В.Я. Брюсов «Бальдеру Локи», 1904) [Брюсов 1973: 56]; *«И вещей Норн угрюмые напевы / Забыть не мог ужасный рот Сивилл»* (В.И. Иванов «Врата») [Иванов 2004: 15787].

Интересно сопоставление фаготов с норнами на основе хорового начала в стихотворении А. Белого «Первое свидание». Восприятие норн как хора, предсказывающего судьбу, можно расценивать как реконструкцию архаических представлений о хозяйках судьбы. Заметим, что мотив предсказания прямо связан с вербальным актом, а не с прядением. И в лирике Серебряного века, и в современной поэзии имеются другие примеры, также доказывающие этот тезис.

Существуют примеры контаминации образов вёльвы (провидицы-одиночки) и норн. Этот синкретичный персонаж назван Норна и может быть авторским эквивалентом богини судьбы: *«Два молнии похитивших орла, / Два ворона единой вещей Норны...»* (В.И. Иванов «Венок сонетов») [Иванов 2004: 15787]. В.И. Иванов, возможно, неосознанно, сближает Норну с Одином: в её воронах безошибочно можно узнать Хугина и Мунина, магических спутников бога-громовержца.

К.Д. Бальмонт включает образ норн в парадигму женских божеств античной, скандинавской и славянской мифологии, отвечающих за судьбу: *«Парки, Норны, Суденицы, / Назначающие час, / Необманнные Девы»,*

/ *Кто вам, страшным, предал нас?*» (К.Д. Бальмонт «К норнам», 1906) [Бальмонт 1994: 78]. В данном стихотворении происходит абсолютная контаминация образов, принадлежащим к разным мифологиям, парки, норны и славянские суденицы воспринимаются также как единая сущность. Суденицы, к которым взывает лирический герой, не являются плодом индивидуального мифотворчества поэта: «У славян это мифические существа женского пола, определяющие судьбу человека при его рождении. Суденицы ходят вместе как три сестры, младшей из которых лет 20, а старшей – 30–35. Они бессмертны и приходят издалека, обычно в полночь на третий (реже — на первый или седьмой) день после рождения ребёнка в его дом, чтобы “судить” или “наречь” ему жизненную судьбу» [Мелетинский 1990: 503]. Акт предсказания судьбы этими персонажами также мыслится как вербальный и никак не связан с ткачеством. «Хозяек судьбы» объединяет общее дело: они ткут полотно судьбы героя, и их работа уже подошла к концу (*«Ткань готова»*). Лирический герой прямо указывает тоπος, где обитают те, кто вершит судьбу: *«Норны, Север да остудит / Сердце, где жила Весна»* [Бальмонт 1994: там же]. Пространство Севера, пусть и упоминаемое вскользь, связывается в данном контексте не то со смертью, не то с духовным очищением и успокоением, обретением тишины умиротворённого самоуглубления: *«Пусть меня весь мир забудет. / Мной забыт он. Тишина»* [Бальмонт 1994: там же].

В стихотворении «Туманный конь» (1908), входящем в цикл «Руны ночи», К.Д. Бальмонт наделяет норн спутниками – не то волками, не то собаками: *«Уж давно, на гранях мира заострился жгучий терн, / Уж не раз завывли волки, эти псы, собаки Норн. / Мистар-Марр, создание влаги, тяжко-серый конь / Валькирий / Опрокинул бочки грома, и низвергнул громы в мире»* [Бальмонт 1994: 85]. Приведённые строки являются примером индивидуального мифотворчества, освоения автором скандинавской космологии. Вероятнее всего, первоисточником для появления «псов норн» являются сказания о Гарме. Гарм – одно из хтонических чудовищ, порожденных Локи, он охраняет вход в Хель, царство мёртвых. Четырёхглазый пёс, по одной из версий, стережёт не только подземный мир, а также и корни мирового ясеня Иггдрасиля.

Наделив норн столь мрачными питомцами, поэт эксплицировал связь норн с «нижним миром», увидев их не как «выбирающих на жизнь» (как в скандинавской мифологии), а как одну из ипостасей валькирий, «выбирающих мёртвых», которые появляются буквально в следующих же строках. Примечательно, что валькирии также наделяются «питомцем» – туманным конём Мистар-Марром. Образ Мистар-Марра является, вероятнее всего, окказиональным образованием, однако имеет связи с индоевропейской мифологией. Мар (однокоренное с «мор», «кошмар», англ.

“nightmare” и нем. “Märchen” («сказка»)), по мнению Т.А. Михайловой, есть «одно из наиболее жестоких воплощений Белой Богини... существо, в облики белой лошади бродящее по ночным дорогам и убивающее путников» [Михайлова 2016: 86]. В контексте изложенного выбор такого питомца для валькирий вполне очевиден.

Норны в Серебряном веке редко упоминаются как триединство «девочка-женщина-старуха» или же «прошлое-настоящее-будущее». Тем интереснее обращение А.И. Тинякова, поэта-символиста «второго ряда», к этим образам в стихотворении «Три девы» (1907–1908; цикл «Моя божница»). Эпиграф «Оттуда приходят три вещие девы» [Тинякова 2002: 253] – взят из эддического «Прорицания вёльвы». Стихотворение состоит из трех катренов, каждый из которых посвящен отдельной норне – Вернанди, Скульде и Урде; образ каждой богини символизирует рубеж в жизни лирического героя. Лирический герой «смертельно устал от настоящего, олицетворенного в образе девы Вернанди; опасается тревог завтрашнего дня, являющегося предметом забот девы Скульды. Идеалом для него остается прошлое, воплощенное в образе девы Урды» [Казеева 2013: 76]. Образ последней норны лирический герой интерпретирует как человеческую судьбу, к ней обращена его импровизированная молитва: «*К Урде, любимой, и верной, и знающей, / К Урде, хранящей заветы веков, / Я – догорающий, я – умирающий / Робко скрываюсь под темный покров*» [Тиняков 2002: 253].

Современная репрезентация образа норн тяготеет к сближению их с образом валькирий и дальнейшему снятию оппозиции «жизнь–смерть» в пользу смерти. В стихотворении Н. Николаевой–О`Шей «На Север» (1996) образ норн (равно как и валькирий) эпизодичен, является скорее частью мозаичного образа севера как такового, нежели полноценным лирическим субъектом: «*Бледные норны / Шепчут: “На север, вы в сером, вы звери”*» [О`Шей 1996: электронный ресурс]. Хор «бледных норн» – ярко выраженный иномирный собирательный женский образ, сливающийся с другим иномирным хором «последних валькирий». В стихотворении снято эддическое противопоставление норн и валькирий как «выбирающих на жизнь» и «выбирающих на смерть». Мир в стихотворении «На Север» движется к концу, к Рагнарёку, поэтому такое противопоставление, согласно поэтической логике, уже не имеет смысла. Некоторого внимания заслуживает эпитет «бледный», сопровождающий образ норн в данном стихотворении. Бледность подчёркивает иномирное происхождение норн (причём в данном случае снова включается авторское видение норн как принадлежащих скорее к миру смерти), а также символизирует умирание мира в его текущем состоянии, вызывает ассоциации с грядущим Рагнарёком–Апокалипсисом («конь блед»). Заметим также, что образ лишён по-

добных цветовых характеристик в сагах «Старшей Эдды». Ничего не сказано там и про голос норн – «шёпот» также является авторским мифотворчеством.

Подобная мысль о тихом голосе норн нашла отражение в стихотворении «Песнь норны» (2010) автора-«менестреля», выступающего под псевдонимом Рамиэль: *«Лишь голос норны тихо поёт, / Песню погибшим ветер несёт»* [Рамиэль 2010: электронный ресурс]. Таким образом, сохраняя традиционную интерпретацию образа норн, современная поэзия детализирует его, дополняя цветовыми и звуковыми характеристиками.

Библиографический список

- Бальмонт К.Д. Собрание сочинений в двух томах. Можайск: Терра, 1994. 704 с.
- Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1892-1909) / под общ. ред. П. Г. Антокольского, А. С. Мясникова, С. С. Наровчатова, Н. С. Тихонова. М.: Художественная литература, 1973. 672 с.
- Ганина Н.А. Норны: к ареальным параллелям образа // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М.: Индрик, 2005. С. 212–227.
- Иванов В.И. Русская поэзия XVII – XX веков // Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2004. 47 156 с.
- Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Михайлова Т.А. «Ночная кобыла»: к истокам одного образа / Палантир. 2016. Том 7. С. 85–94.
- О'Шей Н.А. Стихи и песни. URL: <http://www.melnitsa.net/music/pereval.html> (дата обращения: 11.02.2019).
- Рамиэль. Песнь Норны. URL: <http://mumburum.com/lyrics/7419879.html> (дата обращения 15.03.2019).
- Тиняков А.И. Стихотворения. Томск. М.: Водолей, 2002. 416 с.
- Чёрная Л.В. Скандинавская женщина эпохи викингов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenschina-epohi-vikingov> (дата обращения: 17.03.2019).

O. S. Tumanova

Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

GENESIS OF THE NORNS IMAGE IN RUSSIAN POETRY OF CENTURIES XIX-XXI

This article is devoted to the genesis of norns image – they are female beings who rule the destiny of gods and men – in the Russian poetry of XIX-XXI centuries. We can track the way of this image: from the attempts of the Silver Age authors to follow the original “Poetic Edda” to the individual myth-making of modern poetry.

Key words: “Scandinavian text” of russian poetry; mythological types; Norse mythology; myth-making; women types; crossing of culture contexts.

ГОРОД В ФОКУСЕ ПРАКТИК: ДИСКУРСИВНОЕ И ВИЗУАЛЬНОЕ

УДК 070

Власова Елена Георгиевна

доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elena_vlasova@list.ru

ЛЮДИ В ГОРОДЕ: АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ УРБАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГОРОДСКИХ МЕДИА

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-412-590008 p_a «Новые городские медиа в локальном коммуникативном пространстве»

В статье дается характеристика автобиографических форматов (монологи о жизненном пути, конкретном опыте, месте жительства) «урбанистически ориентированных изданий» (В.В. Абашев, И.М. Печищев), сложившихся как самостоятельный тип сетевых СМИ в 2010-х гг. Использование монологов в качестве устойчивого формата публикаций опосредовано новыми информационно-коммуникативными установками данных СМИ: ориентацией на городскую повседневность и обычного горожанина, а также вовлекающий характер взаимодействия с аудиторией. Частная история, рассказанная от первого лица, становится эффективным средством формирования новой городской идентичности, связанной с развитием так называемой «урбанизации снизу».

Ключевые слова: урбанизация, урбанистически ориентированные медиа, автобиографические форматы, нарратив, монолог.

«Люди в городе» – так называется постоянная рубрика основателя формата урбанистически ориентированных городских изданий «The Village». Рубрики, посвященные горожанам, ведутся во всех основных изданиях этого типа: «Город и герои» («Большая деревня», Самара), «Люди» («Томский обзор», Томск; «Морс», Курск) и т.д. Нередко подобные рубрики носят названия, связанные с жанрово-стилистическими особенностями их контента: «Интервью» (“The Village”, «Бумага»), «Истории» («Бумага», «ЕТВ»), «Пермские истории» (“TEXT”), «Мнение» (“It’s My City”). В некоторых изданиях таких рубрик сразу несколько: «Слова», «Рассказ», «Взгляд» (“Celedka”). Представленный список отражает ключевые информационно-коммуникативные и дискурсивные установки но-

вых городских медиа, которые объявляют горожанина главным предметом своего интереса.

Рождение урбанистически ориентированных городских медиа связано с новым этапом урбанизации, который принято называть «урбанизмом снизу». Есть множество определений, которые используют современные урбанисты для характеристики его специфики: «тактический урбанизм» (М. Лайдон), «хипстерский урбанизм» (В.С. Вахштайн), «всплывающий урбанизм» (pop-up urbanism), «самодельный урбанизм» (handmade urbanism), «урбанизм в стиле сделай сам» (DIY urbanism), «партизанский урбанизм» (guerrilla urbanism), «кооперативный урбанизм» (co-urbanism) и целый ряд других. Их объединяет общая задача «перепланирования городского пространства, создание более комфортной среды и оживление публичных пространств с помощью разного рода художественных практик» [Грибер, Егоров 2015]. Новый урбанизм опирается на инициативу самих горожан и на формирование активного отношения к своей жизни.

Фундирующей коммуникативной площадкой этого типа урбанизма сегодня становятся интернет-медиа, популярные блогеры, городские группы в соцсетях и, конечно, новые городские медиа, которые уловили формирующийся запрос на урбанизацию снизу. Остановимся на двух ключевых особенностях, которые отличают новые городские медиа от традиционных локальных изданий, также немало внимания уделявших местным героям.

Новые городские медиа подчеркивают свой интерес к образу горожанина. В соответствии с этой установкой героями публикаций становятся не медийные персоны, а носители повседневных городских практик, будь то необычный стартап, хобби или новая общественная активность, например, движение фудсейверов (“Text”, 19 февраля 2019) [Семилейская 2019]. «Ожидается, что газеты будут менее, чем раньше, связаны с конкретными политиками и бизнес-сообществом, а больше – с гражданами, которые пытаются “прожить хорошую жизнь в хорошем городе”», – так определил роль городских медиа в процессе развития современного города Рэй Ольденбург [Ольденбург 2014: 29].

Изменение предметного поля (вместо городского истеблишмента – рядовой горожанин, вместо общественно-политической и социальной повестки традиционных СМИ – повседневные городские практики) повлекло за собой смену дискурсивных установок. Одной из ведущих интенций новых городских медиа становится вовлекающее информирование, которое опирается на семантико-структурные технологии сторителлинга. В центре внимания оказываются частные истории, которые служат эффективным средством вовлечения в процессы социально-психологической идентификации горожан. Программными в этом отношении можно на-

звать рубрики журнала “The Village”: «Где ты живешь» и «Где ты работаешь».

Реализация вовлекающей интенции касается всех уровней выстраиваемого медиадискурса. Однако самые заметные изменения происходят в его субъектной структуре. В качестве устойчивой тенденции можно отметить отказ журналистов от привычной для традиционных СМИ роли внешнего эксперта. На смену ей приходит роль частного рассказчика, характерная для блогосферы. Отсюда доминирование прямого я или обобщенного мы, позволяющих журналисту выступать от имени простого горожанина.

Меняются и приемы введения в текст героев публикаций. Основным способом представления горожан в новых городских медиа становится автобиографический нарратив. Традиционное интервью уступает место жанрам автобиографического повествования, прежде всего, монологам. Под монологом понимается текст, построенный на развернутом я-нарративе – рассказе человека о себе или своем опыте.

Интерес к я-нарративу проявляется на разных уровнях текста. Они могут входить в состав публикации как ее значительная часть («Где ты живешь» в “The Village”). Но все чаще монологи ложатся в основу целого текста, оформляя концепцию отдельных рубрик и спецпроектов («Прямая речь», «Личный опыт» в “The Village”, «Экспаты», «Интервью» в «Бумаге», “Humans of Perm” в “ZVZDA” и др.). Кроме того, публикуются большие фрагменты автобиографических книг (рубрика «Книга недели» в “The Village”). Очень часто биографические интервью оформляются в виде монолога (раздел «Люди» в «Томском обзоре»).

В ходе анализа были выделены три крупные предметно-тематические группы я-нарративов: монологи о жизненном пути (сюда относятся нарративы о создании бизнеса, профессиональной и творческой самореализации, формировании характера или социальной роли); небольшие нарративы о конкретном опыте (опыт развлечения, бытовой опыт, финансовый опыт, опыт воспитания детей и т.д. – это темы, которые имеют непосредственную связь с текущей информационной повесткой); нарративы о месте жительства (квартира, дом, район, город, страна). Содержательные особенности этих групп можно представить в виде т.н. «базовых метафор» (Т. Сарбин). Монологи о жизненном пути основываются на метафоре стартапа, которая актуализирует в образе современного горожанина такие качества, как персональная креативность, яркая индивидуальность и самодостаточность. Вторая группа монологов может быть охарактеризована посредством метафоры «ответ на вызов» (по аналогии с популярным в блогосфере жанром “challenge”). В данном случае на первый план в образе горожанина выдвигаются способность к индивидуальному

выбору и толерантности, а также ценность социально-психологического комфорта, без которого сложно адаптироваться к реалиям напряженной жизни современного мегаполиса. Монологи о месте жительства могут быть описаны посредством метафоры дизайна, предполагающего переделку пространства, которое должно быть удобным, красивым и осмысленным. Важными оказываются не только удобство и комфорт, но и желание подчеркнуть индивидуальность и нестандартность места своего жительства. И в целом горожане, образ которых создают урбанистически ориентированные медиа, выбирают творческое и осмысленное отношение к месту проживания, что вписывается в общую установку этого типа изданий – формирование ценностей «хорошей жизни в хорошем городе».

Ярко выраженный интерес новых городских медиа к монологам, который становится визитной карточкой этих изданий, тем не менее, не является каким-то исключительным явлением в отечественной журналистике. Обращает на себя внимание активность монологовых форматов в публицистических материалах, посвященных созданию образа героя или проблемы. В частности, я-нарративы активно используются в журнале «Русский репортер», чьи репортажи всегда тяготели к очерковым жанрам. Впрочем, контекст этого явления еще шире: форматы монолога занимают важное место в сфере современного искусства. Самый очевидный пример – вербатим Новой драмы и мастерской документального кино Марины Разбежкиной. Примыкает к ним такое явление современной видеожурналистики, как кинематографическая журналистика, активно использующая образные возможности монологических форматов. Популярности автобиографических форматов, без сомнения, способствует массовое развитие блогерства и в целом явление освобожденного авторства (А. Мирошниченко [Miroshnichenko 2014]), сформировавшееся благодаря уникальным коммуникативным возможностям интернет-пространства. В то же время все эти формы связаны с таким крупным социокультурным явлением нашего времени как «биографизация», или «биографическая эмансипация» (Э. Гидденс [Giddens 1991], У. Бек [Beck 1986] и др.), возникающая как реакция на постмодернистский кризис идентичности. Для того чтобы выстроить собственную идентичность, современному человеку «требуется постоянные рефлексивные усилия» [Российский гендерный порядок 2007: 230].

Автобиографический монолог становится ведущим речевым жанром новых городских медиа, поскольку позволяет сделать процесс формирования новых ценностных установок более гармоничным. Во всех разновидностях монологов ведущей интенцией оказывается побуждение через вовлечение (через сочувствие, прямой контакт с героем материала, показ разнообразия опыта и его осмысления). Предоставляя голос обычным го-

рожанам, урбанистически ориентированные городские медиа добиваются эффекта солидарности со своими читателями, чрезвычайно важного для процессов создания общей городской идентичности.

Библиографический список

Абашев В.В., Печищев И.М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №4. С.201–214.

Власова Е.Г. Урбанистически ориентированные медиа и журналистика соучастия // Город и медиа: материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 года. Пермь: Пермский гос. нац. иссл. ун-т, 2018. С. 69–76.

Грибер Ю. А., Егоров А.Г. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности [Электронный ресурс] // Социодинамика. 2015. №9. С.1–79.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.

Семилейская Т. «Доестъ нельзя выбрасывать». Как пермячка стала фудсейвером – человеком, спасающим еду // TEXT. 19 февраля 2019. URL: <http://www.chitaitekst.ru/novosti/doest-nelzya-vybrasyvat-kak-permyachka-stala-fudseyverom-chelovekom-spasayushchim-edu> (дата обращения: 30.04.2019).

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1986.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Miroshnichenko A. Human as media. The emancipation of authorship. M., 2014. 159 p.

Elena G. Vlasova

Associate Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

HUMANS OF CITY: AUTOBIOGRAPHICAL FORMATS IN THE URBAN-ORIENTED MEDIA

The article is observing the autobiographical formats (monologues about life, specific experience, place of residence) of urban-oriented media (V. V. Abashev, I. M. Pechischev), developed as a separate type of online media in the 2010s. The use of monologues as a sustainable format of publications is mediated by new informational and communicative attitudes of these media: a focus on the urban daily life and the ordinary citizen, as well as the engaging interaction with the audience. A private story told from the first person becomes an effective means of building a new urban identity associated with "Urbanization from below".

Key words: urbanization, urban-oriented media, autobiographical formats, narrative, monologue.

Кабацков Андрей Николаевич
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ANKabatskov@hse.ru

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОРОЖАН (по материалам Пермского культурного проекта)

В статье обсуждается проблема конструирования дискурсивных идентификаций в процессе реализации «Пермского культурного проекта» в 2008–2012 гг. Политическая акция региональных властей, одобренная федеральным центром, неожиданно обернулась конфликтом. Инициаторы преобразований выбрали современное искусство в качестве идеологии социального прогресса. Их оппоненты консолидировались под флагом сохранения местных традиций («пермскости») и сохранения местного бюджета от «разграбления». Вовлекаясь в медийный конфликт, обе стороны конструировали альтернативные образцы самоидентификации. Их анализ представлен в тексте.

Ключевые слова: политика, культура, урбанизм, социальная идентификация.

В 2008–2009 году в Перми по инициативе краевых властей была задуман, а затем осуществлен политический проект преобразований в сфере культуры. Последняя стала полем политических трансформаций спонтанно. Пермские власти несколько лет искали способ для интенсификации экономической жизни региона. С 2005 года стали проводиться масштабные экономические форумы. С их помощью краевая власть представляла собственное видение социально-экономических ориентиров развития региона, стремилась заручиться поддержкой бизнес-сообществ и региональных элит в достижении заявленных целей.

В 2010 году прошел VI Пермский экономический форум, на котором культура была объявлена двигателем развития региональной экономики. В последующие годы на территории г. Перми и края прошли масштабные мероприятия, олицетворявшие усилия властей по преобразованию культурной жизни граждан. Особую известность приобрели многочисленные фестивали, которые затем были объединены в единый комплекс активностей «Белые ночи в Перми» (2011).

Выбор в пользу культуры как «двигателя» регионального развития был обусловлен рядом факторов. Культурные инновации не предполагали перемен в архитектуре властной модели. Инвестиции в культурные актив-

ности были меньше, чем в традиционные сектора экономики. Кроме того, от затрат ожидалось быстрые «дивиденды», прежде всего в виде масштабного PR-эффекта на федеральном уровне.

Идеология преобразований в сфере культуры основывалась на образцах и эталонах современного (актуального) искусства, представленного в стилистике постмодернизма. В 2008 году в Перми прошла выставка «Русское бедное». Масштабный PR-эффект от этого мероприятия, когда данное культурное событие было замечено многими федеральными СМИ, побудил краевые власти сделать ряд дополнительных шагов. В 2009 году в Перми был создан Музей современного искусства PERMM, его директором стал один из организаторов упомянутой выставки Марат Гельман. Он же стал основным идеологом дальнейших преобразований. Административную поддержку проекту оказывало министерство культуры и молодежной политики края, главой которого с 2008 года был Борис Мильграм.

Художественные проекты, выполненные в стилистике «совриск» должны были стать примером для социальных преобразований. Так, арт-объект «Красные человечки» должен был символизировать новые ориентиры культурной политики в городской среде. Проблема была в том, что пермские художники не работали в подобной манере и сделанный властью выбор в пользу актуального искусства фактически исключал их из проекта.

Показательным примером стала ситуация с отбором работ пермских художников для участия в федеральной выставке «Большая Волга» весной 2009 года. Марат Гельман и Борис Мильграм объявили, что участников выставки отберут при помощи особой экспертизы, чтобы Пермь представляли только те работы, которые соответствуют запросам актуального искусства. Художники возмутились; в прессе их публично поддержал А. Иванов, а затем И. Аверкиев. Перенесенный в медийную сферу локальный конфликт Пермского отделения «Союза художников России» с местной администрацией стал триггером для развития конфронтации местных деятелей искусства с министерством культуры и массовых коммуникаций по вопросам культурной политики. По мере разрастания конфликта, который пермские журналисты подробнейшим образом комментировали на страницах региональных газет и журналов, его участники были вовлечены в процесс дискурсивной идентификации себя и оппонентов. Высказывания обеих сторон были насыщены терминами, категориями, определяющими «своих» и «чужих» в борьбе за культуру. Опишем ключевые модели этой дискурсивной идентификации.

Властные позиции были представлены в публичной сфере риторикой Марата Гельмана, Бориса Мильграма и Николая Новичкова. Последний из перечисленных занял пост министра культуры после назначения Бориса

Мильграма на должность вице-премьера краевого правительства в 2010 году. Для местного сообщества все эти люди стали олицетворением «чужаков», приехавших в Пермь для реализации корыстных экономических и политических целей за счет местного бюджета.

Инициаторы культурных преобразований, действительно, были приглашены в Пермь из других регионов, в том числе из столицы. Их профессиональные успехи и достижения, побудившие краевых чиновников пригласить их в качестве специалистов и экспертов для реализации задач пермского культурного проекта, были достигнуты без участия пермских сообществ.

Приглашенные специалисты регулярно обращались к местной власти для поддержания собственного права определять культурные различия на поле искусства. Их самоидентификация как «экспертов» (социальное «Я») предъявлялась как культурный эталон, олицетворяющий идентичность современного и экономически успешного человека. В их риторике о себе, о замыслах и проектах, которые «они» будут реализовывать в Перми, конструировался эталонный образ «человека мира», разбирающегося в глобальных культурных трендах, не привязанного к конкретной территории и традициям. Риторика успеха заимствовалась из экономического словаря. Н. Новичков на электронных страницах интернет-газеты «Соль» разъяснял общественности свое видение статуса культурного работника в современном городе: «Хватит ждать подачек, пора зарабатывать» (апрель 2011).

Вопросы местных работников культуры о низких зарплатах в бюджетной сфере, в том числе учреждениях культуры, для организаторов культурных преобразований становились еще одним свидетельством неспособности местных сообществ к самостоятельным культурным инициативам. Так зарождалось политическое оправдание на создание административных препятствий для воспроизводства «культурных пережитков» (так стало маркироваться пермское культурное наследие в риторике культуртрегеров). По мере роста активности властей речи об «отсталости» пермских оппонентов звучали все чаще и облекались во всё более в резкие формулы.

Идентификация представителей местных творческих сообществ начиналась с реакции на культурные инициативы власти. Жажда денег и публичного признания свойственна людям искусства так же, как и представителям других сообществ. Конфликт власти с художниками предопределил ожидания от инициатив властей у других категорий творческих групп. Литератор Алексей Иванов, а затем правозащитник Игорь Аверкиев предложили местным культурным работникам матрицу категоризации и идентификации властных инициатив: «“Пермский культурный пузырь”»,

раздутый нашими властями и гостями, – это вызов всем нам. Вызов – предъявить, наконец, стране и миру нечто по-настоящему своё, пермское» [Аверкиев 2009].

«Пермское» и «не пермское» стало универсальным мерилom не только для искусства. Определение инициаторов преобразований как «варягов», которые насильственными методами хотят изменить пермскую культурную жизнь, дополнило словарь социальных идентификаций и пермских журналистов, и культурных работников, чувствительно воспринимавших властные инициативы. Политический контекст противостояния «своих» и «чужаков» нашел свое выражение в митинге, прошедшем в 2011 году на городской эспланаде – эпицентре культурной активности горожан.

Массмедиа, свободные от опеки местной власти, освещали мероприятие как особую форму политического протеста горожан против «культурной политики»: «В Перми более 300 человек – поэты, художники, музыканты – собрались и потребовали отставки главных культурных деятелей края: галериста Марата Гельмана, вице-премьера правительства Пермского края Бориса Мильграма, министра культуры Николая Новичкова. И губернатора Олега Чиркунова заодно» [Орлова 2011]. Следует заметить, что покровительство губернатора культурным инициативам М. Гельмана и Б. Мильграма привело к утрате им статуса «третьей инстанции». Губернатор был поставлен в один ряд с инициаторами экспансии «против пермской культуры».

Конфликт, который развивался в Перми в 2009–2012 годах вокруг реализации «культурной политики», по форме был спонтанным процессом. По своим фундаментальным параметрам, однако, он отражал перемены в общественных настроениях. Сопротивление культурным преобразованиям стало предвестником консервативного поворота. Актуальное искусство в риторике местных активистов стало символической репрезентацией «Запада». Дискурсивно определяя инициаторов перемен как «варягов», «чужаков», «пришлых», т.е. социально «чужих», участники конфликта проявили склонность к модели социальной идентификации по негативному и наиболее конфронтационному образцу.

Присваивая себе право говорить от имени «всех горожан» по отношению к властным инициативам, оппозиционеры конструировали собственную идентичность в поле политических притязаний, расширяя ее границы за пределы профессиональных компетенций. Последствием стало формирование дискурса «антиурбанизма», затрудняющего инвестиции в городскую экономику и в качество жизни. Для Перми и его жителей это обернулось консервацией процесса преобразования города из территориального сообщества эпохи раннего индустриализма в сложную городскую

конгломерацию. Большой современный город, в котором множество людей, не знакомых друг с другом, регулярно и спонтанно вступают в постоянные коммуникации и конкурентные взаимодействия, но при этом сохраняют социальный мир, горожане могут увидеть только на киноэкране. Культурный конфликт «по-пермски» продемонстрировал также архаичность и лексическую ограниченность словаря, использованного властью, журналистами и другими публичными акторами в диалоге о городской жизни. Задача по конструированию публичного языка, на котором городские сообщества смогут говорить о пространстве жизни друг с другом, с властью, с большим глобальным миром, остается актуальной вплоть до наших дней.

Библиографический список

Аверкиев И. В Перми уже сформировался гламурный политический режим. URL: <https://www.newsko.ru/news/nk-122792.html> (дата обращения: 30.04.2019).

Орлова М. В Перми прошел митинг против «новой культурной политики» региона. URL: <https://rg.ru/2011/06/30/reg-permkray/miting.html> (дата обращения: 30.04.2019).

A.N. Kabatskov

Associate Professor at the Department of Humanities
National Research University Higher School of Economics

MODELS OF DISCURSIVE IDENTIFICATION OF CITIZENS (ON THE MATERIALS OF PERM CULTURAL PROJECT)

The article discusses the problem of constructing discursive identifications in the implementation of the "Perm cultural project" in 2008-2012. The political action of the regional authorities, approved by the federal center unexpectedly turned into a conflict. The initiators of the transformation chose modern art as an ideology of social progress. Their opponents were consolidated under the flag of preserving local traditions (Permian) and preserving the local budget from being plundered. Involving the media conflict, both sides constructed alternative patterns of self-identification. Their analysis is presented in the text.

Key words: politics, culture, urbanism, social identification

Манокин Михаил Андреевич
старший преподаватель кафедры
журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
manokin_misha@gmail.com

ФУНКЦИИ ТОС В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Статья рассматривает основной набор функций территориальных общественных самоуправлений (ТОС) в современной России. Статья рассматривает три функции: 1) решение проблем жителей города, 2) управление поведением горожан и 3) поддержание статус-кво, при котором жители городов ощутимо не влияют на управление городами, в которых они живут.

Ключевые слова: ТОС, территориальное общественное самоуправление, город, городское самоуправление.

Современный город, в частности, в образах масс-медиа нередко рассматривается как авторитарная территория, полностью подконтрольная администрации и жестко ограничивающая права любого жителя на самовыражение или защиту собственных интересов. Приблизительно с начала публично известных протестов 2011 года можно наблюдать за действиями, которые явно говорят о желании горожан сохранить контроль над собственной жизнью и своими жизненными пространствами, т.е. свою субъектность. Это желание начало в последнее время выражаться в развитии «урбанизма» как движения за улучшение облика крупных российских городов и городской среды. Эта борьба начинает приобретать различные формы, в последние годы выделились территориальные общественные самоуправления (ТОС).

Цель статьи – изучить основные функции, которые получают в современных городах территориальные общественные самоуправления.

Материалом исследования послужили 72 анонимных интервью, взятых весной 2016 года, и 28 интервью, собранных на территории Пермского края в июне-июле 2018 года. Это были фокусированные глубинные интервью, взятые у представителей местной администрации, политиков, владельцев бизнеса в 19 территориях Пермского края, из них примерно треть бралась у людей, работающих в городских территориях края (города с населением более 50 тысяч человек: Кунгур, Краснокамск, Чайковский, Соликамск, Березники, Пермь), данные остальных интервью также ис-

пользуются для обобщений. Тематика интервью касалась общественной и политической жизни территорий.

На сегодняшний день в публикациях, посвященных ТОС, последние рассматриваются либо с юридической точки зрения, либо в контексте местного самоуправления. В частности, рассматриваются правовые основы работы ТОС, характеризуется порядок, в рамках которого самоуправления работают [Чеботарев 2013], поясняются некоторые юридические коллизии, связанные с интерпретацией законов, которые регламентируют их работу [Раздьяконова 2010]. В ряде публикаций рассматривается история изменения законодательства, которое регулирует работу территориальных общественных самоуправлений [Баженова 2015; Васильева 2010].

Вторая группа работ, показывающая ТОС в контексте местного самоуправления, чаще всего оценивает результаты работы ТОС. Это небольшие тексты, рассматривающие успешный результат реализации какого-то проекта, реализуемого с участием территориального общественного самоуправления [Харченко 2014; Сергеева 2014], либо задающиеся вопросами о том, как можно изученный опыт использовать для увеличения эффективности ТОС, обычно вписывая его в рамки какой-то абстрактной системы, например, гражданского общества [Фатхуллина 2012; Мерсиянова 2010]. Некоторые работы посвящены потенциальным проблемам, связанным с работой ТОС, например, их эффективностью [Фалилеев 2017].

При этом в исследованиях мало внимания уделяется тому, кто именно работает в ТОС и какие функции данная структура выполняет для жителей. Этот вопрос тщательно изучен в иностранных публикациях, посвященных аналогичным институтам, но, в отличие от российских ТОС, аналогичные структуры, например, в США служат для защиты приватной жизни состоятельных граждан, а не для обеспечения доступа к участию в решении важных для города вопросов.

Вопрос функций ТОС связан с актуальной на сегодняшний день проблематикой формирования нового российского индивида. Изучение ТОС может пояснить, в частности, как в условиях современной российской авторитарной политики с подконтрольными власти выборами (описанной, например, в работах Г. Голосова [Golosov 2017] и В. Гельмана [Gel'man 2013]) формируются некоторые области свободы, в которых у жителей городов появляются возможности для свободных действий и инициатив, которых они были лишены в других областях пространства современного города. В то же время эта форма самоорганизации жителей города, нацеленная формально на улучшение их жизни, может показать, каким образом с помощью структуры ТОС могла быть заключена сделка между активистами, желающими улучшить ситуацию в городе вокруг се-

бя, и администрацией, которая в России часто не заинтересована в сотрудничестве с жителями города.

Можно выделить три основных функции ТОС.

Первая функция формулировалась в первую очередь в разговорах чиновников локальных администраций. ТОС служат для решения проблем жителей города. Они помогают жителям собрать деньги или получить другую поддержку для решения экономических проблем двора или дома (вывоз мусора, благоустройство, капитальный ремонт). На данную функцию наложены ограничения, которые при этом мало оговорены в тексте закона и действиях самих участников ТОС, но становились очевидными в интервью. Так, ТОС не могут помочь жителям города противостоять администрации в решении спорных вопросов или требовать от неё, например, выполнения работ. ТОС подразумевают только одну форму работы с администрацией – сотрудничество.

Изменение законов, управляющих местными администрациями, в частности, федерального закона 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления», практически лишило местные администрации возможности управлять собираемыми на территориях налогами. Эксперты утверждают, что это обстоятельство не позволяет администрациям финансировать какие-то предложения или идеи местного населения. Один из респондентов, имевший опыт общественной активности в г. Кунгуре на рубеже 1990–2000-х годов, рассказывал, что денег или иной поддержки он не получил, и единственное, что обещала и сделала городская администрация, – она ему не мешала. ТОС позволяют возлагать ответственность по поиску денег для уборки улиц, ухода за дворами и домами на население без каких-либо финансовых затрат со стороны администрации.

В редких случаях сотрудники администраций могут помогать населению принимать участие в конкурсах инициативного бюджетирования. В такой ситуации жители территории собирают часть необходимой суммы и отправляют заявку на краевой или городской конкурс. Если они выигрывают, недостающая часть суммы будет оплачена из территориального бюджета. Как правило, это сравнительно небольшие инвестиции – на строительство детских площадок или озеленение.

Вторая функция ТОС – это изменение направления усилий активных жителей территории или создание гражданской активности там, где её нет. Как рассказывает один из респондентов, изначально ТОС в Перми были более оппозиционными структурами, некоторые из них были связаны с работой пермского городского активиста М. Касимова. Эксперт отмечает, что работа подобных структур не устраивала городскую администрацию, на сегодняшний день все работающие ТОС в Пермском крае представляют собой полностью подчинённые решениям администрации

структуры. Они позволяют «канализировать» усилия активных жителей: вместо критики городских властей и принуждения их действовать в интересах населения активные жители занимаются обустройством своих домов.

Возможен и другой вариант. В Кишертском районе, по оценке эксперта, существует самое большое количество ТОС, порядка 15 на территорию с 20 тысячами человек населения; при этом район сельский, т.е. ТОС работают не в городах, а в сельских поселениях. Причина такого большого количества ТОС не в активности населения, а в работе администрации. По словам респондента – сотрудника местной администрации, организацией самоуправлений в районе занимаются чиновники: они уговаривают людей подписывать бумаги об участии в структурах и сами организуют жителей территории для участия в ТОС. Это создаёт впечатление высокой общественной активности на территории. Сюда же можно отнести возможность использования ТОС для избирательных кампаний – как социальных сетей для передачи информации о кандидатах; кроме того, руководители ТОС нередко имеют влияние на жителей своих территорий и могут помочь кандидатам в депутаты городской думы организовать встречу с населением.

Третья функция ТОС – это защита статус-кво: жители территорий не участвуют в политических или экономических решениях на своей территории. Их работа сводится к управлению домами, но она никак не касается стратегических решений на уровне города или региона в целом. Решение этих проблем – привилегия местной власти и депутатов городской думы. Из интервью с респондентами можно заключить: местные администрации готовы сотрудничать с населением только в форматах типа ТОС, такие организации не способны решать никаких проблем, кроме благоустройства. Проблемы здравоохранения, политики, планирования развития территорий, выделения финансов на те или иные сферы жизни города решаются только администрацией и депутатами городских дум; подобная ситуация нередко описывается чиновниками как «спокойная».

Мы выделили три ключевых функции, которые выполняют современные ТОС, и рассмотрели их на примере организации подобных структур в Пермском крае: 1) функция решения жизненных проблем, 2) функция «канализации» практик городских активистов в интересах локальных чиновников и 3) функция защиты статус-кво в городской политике, при котором городские жители не участвуют в решении политических или экономических вопросов жизни города.

Библиографический список

Баженова О. К проблеме правового регулирования территориального общественного самоуправления // Местное право. 2015. №5. С. 77–104.

Васильева С. Место института территориального общественного самоуправления в российской правовой системе // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. №12. С. 28–30.

Мерсиянова И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. №3. С. 149–168.

Раздьяконова В. Спорные вопросы правового режима имущества территориального общественного самоуправления // Российский юридический журнал. 2010. №1 (70). С. 185–189.

Сергеева З. Перспективы развития территориального общественного самоуправления в городах // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №2-2 (82). С. 275–278.

Фалилеев Н. Роль территориального общественного самоуправления (ТОС) в реализации публичных интересов местного уровня // Вестник международного Института управления. 2017. №1 (143). С. 23–28.

Харченко К. Территориальное общественное самоуправление: многообразие возможностей // Управление городом: теория и практика. 2014. № 2(13). С. 13–16.

Чеботарев Г. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2013. №11. С. 72–77.

Фатхуллина Ф. Территориальное общественное самоуправление как элемент гражданского общества // Государственное и муниципальное самоуправление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. №5. С. 85–88.

Gel'man V. Cracks in the wall: challenges to electoral authoritarianism in Russia // Problems of Post-Communism. 2013. №. 2 (T. 60). P. 3–10.

Goloso V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // Europe-Asia Studies. 2017. №. 4 (T. 69). P. 553–570.

M. A. Manokin

Senior Lecturer of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

FUNCTIONS OF TERRITORIAL SELF-GOVERNMENTS IN RUSSIAN CITIES

Article represents a set of functions of the territorial self-governments in Russian cities. The article reviews 3 main functions: 1) resolution of the urbanite's issues, 2) control of urbanite's behaviour; 3) support of existing status quo of city government's decisions not being influenced by the city public.

Key words: territorial self-government, city, city government.

Научное издание

Филология в XXI веке

Выпуск 1 / 2019

Корректор *И. И. Разумихина*
Компьютерная верстка *И. И. Русиновой*
Художник *Л. Г. Писорого*
Макет обложки *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 02.10.2019. Выход в свет 10.10.2019
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 10,87
Тираж 500 экз. Заказ 150

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно

